

В.А. ВОРОНЦОВ

ГЕНЕЗИС ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И РАЗЛИЧНЫХ ФЕНОМЕНОВ КУЛЬТУРЫ

Автором данной работы Воронцовым Владимиром Александровичем (1946 г. р.) опубликовано 18 монографий, в которых освещается широкий круг вопросов, относящихся к сфере философии, антропологии, социологии, культурологии, этнологии, филологии, лингвистики, искусствоведения. Среди его монографий следует отметить следующие: «Скрытые и явные тюркизмы в “Слове о полку Игореве”» (2006); «“Слово о полку Игореве” в свете историзма» (2007); «Природа языка и мифа» (2008); «О природе вещей и педагогической археологии»

(2009); «К истокам казанских легенд» (2010); «Подлинные истоки волшебной сказки» (2011); «Генезис языка, сказки и мифа в контексте антро-посоциокультурогенеза» (2012); «Новое прочтение “Слова о полку Игореве”» (2014); «Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе» (2015); «Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе» (2015); «Истоки протоархитектуры в свете генерализованной трудовой концепции антропо-социокультурогенеза» (2016); «О театре волжских булгар и природе театрального искусства» (2017); «О первой маске и её роли в генезисе древних верований и знаковых систем» (2017); «Истоки географии в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза» (2018); «Истоки искусства в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза» (2018); «Природа мифических и сказочных близнецов» (2019), «Визуальный показ как исходная форма басни, сказки и мифа» (2019).

Выпускник Казанского авиационного института (КАИ) Воронцов начал свою научную карьеру в родном институте, где защитил кандидатскую диссертацию (1980). Работая преподавателем и старшим научным сотрудником в КАИ, сотрудничал с Институтом истории АН РТ, Центром евразийских и международных исследований Казанского (Приволжского) федерального университета, а также с Национальным музеем РТ. Является автором и соавтором 40 изобретений, концепций исторических выставок Национального музея РТ, награждён нагрудным знаком «Изобретатель СССР», медалью ВДНХ, дипломом IV Красноярской музейной биеннале «Искусство памяти» и другими наградами.

Институт истории АН РТ
Институт международных отношений, истории и востоковедения
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В.А. Воронцов

ГЕНЕЗИС ЧЕЛОВЕКА,
ОБЩЕСТВА И РАЗЛИЧНЫХ
ФЕНОМЕНОВ КУЛЬТУРЫ

К а з а н ь
Центр инновационных технологий
2 0 2 1

УДК 13
ББК 87.3
В75

Р е ц е н з е н т ы:

доктор психологических наук, доцент М. А. Арпентьева,
доктор исторических наук, профессор С. В. Березницкий,
доктор филологических наук, профессор Г. Е. Крейдлин,
доктор философских наук, профессор Т. С. Паниотова,
доктор философских наук, профессор М. С. Пономарёва,
доктор философских наук, профессор Н. М. Солодухо

Воронцов. В. А.

В75 Генезис человека, общества и различных феноменов культуры / В. А. Воронцов. – Казань: Логос-Пресс, 2021. – 272 с.
ISBN 978-5-6045989-3-1

В данной книге представлены основные результаты монографических исследований автора, посвящённых генезису человека, общества и культуры — антропосоциокультурогенезу. Эти исследования позволили установить причины, вызвавшие потребность в человеке, обществе, культуре, пролить свет на колыбель человечества, исходный культурный слой, движущие силы антропосоциокультурогенеза, конкретизировать труд, породивший человека, общество и культуру, выяснить природу древних божеств и мифологического сознания, их связь с языком жестов, ручным мышлением, математическим моделированием психических и окружающих процессов, а также состояний.

Книга рассчитана на тех, кого интересуют происхождение человека, общества, истоки языка, математики, медицины, географии, архитектуры, басни, сказки, мифа, маски, театра, искусства и других феноменов человеческой культуры.

ISBN 978-5-6045989-3-1

© Воронцов В.А., 2021
© Логос-Пресс, оформление, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Александрович Воронцов — один из интереснейших, самобытных исследователей в современной России. Его научные интересы относятся к сфере философии, антропологии, социологии, культурологии, этнологии, филологии, лингвистики, искусствоведения. Одной из центральных идей и понятий его исследований является понятие антропосоциокультурогенеза — совместного генезиса человека, общества и культуры. В рецензируемой монографии предпринята попытка обобщения и систематизации исследований автора в данной сфере. Предыдущие его исследования тесно связаны с анализом культурных фактов и артефактов, традиций и аномалий, которые раскрывают содержательные и процессуальные особенности когенеза человека, социума и культуры. В данной книге представлены основные результаты целого ряда монографических исследований автора, относящихся к антропосоциокультурогенезу. Эти исследования были нацелены на то, чтобы идентифицировать причины, вызывающие потребность в человеке, обществе, культуре, проанализировать исходные, стартовые аспекты антропосоциокультурогенеза, выявить его движущие силы, включая формы активности и, конкретно, виды труда, породившие человека, общество и культуру. Для этого автор анализирует природу познания человеком себя и мира, связь процессов и содержаний познания и преобразования человеком себя и окружающей действительности. Особенно много внимания уделяется проблемам «ручного мышления» и мифологического мышления, демонстрирующим взаимосвязи процессов и содержаний познания и преобразования человеком окружающего его мира, а также постижения и трансформации

самого себя как индивида, члена социума и субъекта культуры. Здесь несложно усмотреть как традиционное для диалектики Ф. Энгельса описание взаимодействия «материи / бытия» и «информации / сознания», так и декартовское «мыслю, следовательно, существую». Однако, автор движется своим путем, насыщенным, а порой и перенасыщенным богатейшей информацией о том, как человек создавал и развивал себя, общество и культуру, как это создание и развитие оказалось закодированным в его теле и образах тела, а также в его деятельности (труде) и образах труда.

Вводная часть исследования посвящена попытке обобщения основных представлений автора о ведущих проблемах и аспектах когенезиса человека и общества. Далее автор анализирует истоки развития: начиная с математики как основы языка и заканчивая феноменами медицины, географии, архитектуры, театра, искусства. На примере анализа проблем сложения и трансформации стиха, басни, сказки и мифа рассматриваются антропосоциокультурогентические функции искусства.

Автор называет свою теорию антропосоциокультурогенеза трудовой: он формулирует и обосновывает инновационный, и, вместе с тем, интегративный взгляд, на феномен породившего человека, общество и культуру труда. Сам автор, отмечая разноплановость проводимых им исследований, также отмечает, что многие из них объединены единым подходом, обладающим значительным эвристическим и объясняющим потенциалом. Этот подход дает возможность осмыслить целый ряд загадок, связанных с истоками человечества и различных феноменов культуры. Рассмотрение автором различных феноменов антропосоциокультурогенеза через призму родительской любви, родительской заботы наделяют применяемые им подходы особой способностью проникновения в слои, которые часто остаются нераскры-

тыми в своих теоретических разработках исследователями, которые абстрагируются от духовных аспектов становления человека, общества, культуры. На примере одной монографии (обобщающей ряд его исследований) автор демонстрирует возможности выбранной им модели исследования, позволяющей раскрыть разнообразные феномены науки и искусства, философии и повседневности человека в синхронической и диахронической перспективах, на частном, конкретно-практическом, и на интегративно-философском уровнях обобщения. Автор обращается к проблемам антропосоциокультурогенеза, сознавая ту роль, которую играет постижение проблем «начала человеческой истории» в осмыслении каждого из феноменов триады человек — общество — культура. Прежде всего, его телесно-физического и духовно-нравственного «субстратов», их роли в возникновении и критике теории человеческих рас и этапов развития человечества. Как не удивительно, по сравнению с господствующими в науке, мифологические модели нередко описывают процесс возникновения человека как процесс, связанный с духовно-нравственными факторами. «Прошлые», незапамятные времена, нередко сводящиеся современной исторической наукой к временам примитивного человека и примитивного общества, в мифах предстают как времена волшебные, времена золотого века, в котором способности «изначального» человека намного превосходят способности человека современного. Это делает попытки связать антропосоциокультурогенез с процессами и результатами эволюции обезьян малопродуктивными. Кроме того, малопродуктивны и попытки связать с телесными особенностями человека и феномены, обозначаемые понятиями «раса», «этнос»: для многих современных исследователей, особенно философов, социологов, психологов, расовые различия людей представлены не столько различиями их тел,

но различиями их духовных способностей. Так, В. Франкл, Б. Поршнев, как и многие вполне обычные люди, четко делят людей на «порядочных» и «не порядочных», людей, присвоивших ценности культуры, и людей, отказавшихся от них. И испытания прошлого, также, как и испытания настоящего, эту классификацию человекоподобных существ регулярно «обновляют». И человеческий отбор (сохранение), который можно трактовать как причину и как следствие, как эволюцию и как движущую силу эволюции., идет не столько и не только по линии телесных и психических способностей человека, но по линии его «высших» способностей, к которым можно отнести, в первую очередь, способности переживания, воплощения и ретрансляции ценностей (культуры).

Сведение человека к телесно-инстинктивным программам, совершенствовавшимся в процессе «отбора» и «эволюции», во многом игнорирует социальные истоки человеческого сознания и бытия. Оно, как и многие современные науки, изучающие разные части антропосоциокультурогенеза по отдельности, игнорируют факт единовременности человека как индивида, члена сообщества и субъекта культуры, его включенности в семью, род, этнос, человечество. Они также игнорируют и его включенность в сложные взаимоотношения мира природы и мира культуры. Сведение человеческой жизни к жизни телесно-биологических инстинктов дополняется существенным ограничением этих инстинктов: несмотря на то, что забота о других членах сообщества известна даже животным, многие исследователи современности, а за ними — бизнес и политики, — пытаются игнорировать духовные аспекты жизни человека как сколь-либо значимые. Однако, существуют данные, говорящие о том, что телесно-половой и иные виды «отбора», игнорирующие духовные основы жизни человека, ведут скорее к вымиранию человека и деструкции культуры. Трудовые же

концепции антропосоциокультурогенеза часто грешат упрощенностью и механистичностью: но, как наглядно показала история образования СССР середины прошлого века, человек является высшей ценностью, а его культивирование бесконечно актуальнее и результативнее, хотя и местами и сложнее фабрикации и симуляции человеческих подделок («конкурентоспособных» и «компетентных» потребителей, «роботоустойчивых» специалистов «одной кнопки» и т.п.). Она показала, что у человека есть один путь в развитие — забота о человеческом, о человеке, не связанная ни с какими интересами «бизнеса», «тела» и т. д., ни с какими «достижениями технологий», взятыми самими по себе: фабрикация оружия (средств уничтожения себе подобных и «меньших братьев»), жесткий прагматизм и десакрализация отношений человека с миром способны превратить человечество в нелюдей. Автор видит основные пробелы в исследованиях этого феномена в «материнском» или родительском инстинкте, в заботе одних поколений в отношении других, в передаче опыта труда и хозяйствования от предков к потомкам. Духовное развитие человека есть *сокращённое повторение развития его предков*. Но дефицит понимания движущих сил и механизмов антропосоциокультурогенеза приводит к наличию множества, порою весьма странных, гипотез об антропогенезе, включая гипотезы мистического плана. Для того, чтобы восполнить этот дефицит, нужно системное осмысление роли труда и духовных ценностей в возникновении и развитии человека как индивида и вида. Мостом здесь являются отношения родителей и детей: особые отношения человека, с которыми и связано его возникновение, существование и развитие. Как отмечает автор, воспитание человека радикально отличается от воспитания животных. *«Животные побуждают своих детенышей во время игры, демонстративного поведения пускать в ход зубы, когти,*

копыта, рога по всякому поводу и без повода. Они инстинктивно чувствуют, что только таким образом их чада смогут добиться достойного места в жизни. Совсем несложно представить, чем закончится подобное воспитание, если животное обзаведется оружием, которое не рассчитано на детские игры, на использование при дележе добычи, при ссорах. Уже первый опыт введения в культуру такого оружия не мог не вызвать трагических последствий. Именно трагизм этого опыта, систематическая гибель детей (а вовсе не орудия, которые абсолютно безучастны к человеческим проблемам) побудили матерей пропагандировать технику безопасности, а также воспитывать людей, а не зверей» (с. 43). Особенности этого воспитания прямо и косвенно модифицируют реализацию инстинктивных программ, включая воинственные, половые и т. д. Многосторонний и многоуровневый анализ того, как это происходит, осмысление механизма антропосоциогенеза и есть суть вполне успешных и перспективных многолетних исследований автора данной книги.

Книга несомненно будет интересна самым разным читателям, а также может быть использована в рамках курсов культурологического, философского, лингвистического, социологического, биологического и психологического плана, затрагивающих проблемы антропосоциокультрогенеза.

М. Р. Арпентьева

Арпентьева Мариям Равильевна - доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания, академик Международной академии образования.

Электронная почта: mariam_rav@mail.ru

*Следы древнейшего прошлого,
оставленные древнейшими
из обнаруженных
человекоподобных существ,
никак не выходят из головы.
Через пропасть времени
я могу лишь пожелать им удачи
на этой доисторической тропе.
Мэри Лики*

ВВЕДЕНИЕ

В разработанной автором данной книги генерализованной и генерализующей трудовой теории антропосоциокультурогенеза обоснован новый взгляд на характер труда, породившего человека, общество, а также широкий спектр феноменов культуры. Эта теория позволила пролить свет на движущую силу антропосоциокультурогенеза, на его инициаторов, а также показать непротиворечивость и достоверность традиционных учений о природе человека, общества, культуры.

Исследования автора нашли отражение в многочисленных статьях и книгах, в число которых входят монографии, посвящённые истокам математики, медицины, архитектуры, географии, педагогики, маски, театра, языка, басни, сказки, мифа, искусства, а также природе вещей и т. д. Ряд монографий автор посвятил истокам и загадкам «Слова о полку Игореве»: конкретизации авторства, времени написания, а также прояснению «тёмных мест» в этом памятнике древнерусской словесности.

Большинство из монографий автора, изданных под грифом Института истории АН РТ и Казанского (Приволжского) федерального университета, вошло в рабочие программы дисциплин, по которым осуществляется подготовка режиссёров, филологов, математиков, географов, архитекторов, искусствоведов, философов, культурологов в ведущих вузах России. Результаты исследований автора легли в основу целого ряда экспозиций, организованных Национальным музеем Республики Татарстан, а также Казанским (Поволжским) федеральным университетом.

Сложно представить исследователя, которого заинтересуют все работы автора, однако у многих читателей вызывает интерес степень универсальности методов, подходов, которые позволяют продуктивно работать в столь различных областях науки. Именно этот интерес стал решающим фактором, побудившим автора написать данную книгу, в которой отражены основные результаты его монографических исследований. Знакомство этой книгой позволит читателю оценить эвристический и объясняющий потенциал теоретических построений автора, их способность решить множество загадок, связанных с истоками человечества и различных феноменов культуры. Так, например, в книге показано, что взгляды автора на генезис и систему исходного языка человечества позволяют пролить свет не только на истоки математики, географии, медицины, архитектуры, театра, живописи, стихосложения, басни, сказки, мифа, но и на название реки Казанка, на творчество вещего Бояна, на тайну его имени, на природу чудес в Волжской Булгарии, описанных средневековыми авторами, а также на многое другое.

Исследования побуждали автора данной книги налаживать контакты со специалистами самого разного профиля. Так, например, автору посчастливилось общаться с

лингвистом, семиотиком, антропологом, академиком РАН Вяч. Вс. Ивановым; археологом, академиком РАН Б. А. Рыбаковым; философом, академиком АН СССР В. Г. Афанасьевым, лингвистом, член-корреспондентом АН СССР О. Н. Трубачёвым и другими светилами науки. Неоценимую поддержку автору оказали руководство и сотрудники Института языка, литературы и искусства АН РТ, Института истории АН РТ, Института археологии АН РТ, Казанского (Приволжского) федерального университета, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН, Национального музея Республики Татарстан: доктор филологических наук, профессор, академик АН РТ М. З. Закиев; доктор филологических наук, профессор Ф. И. Урманчеев; доктор исторических наук, профессор, академик АН РТ Р. С. Хакимов; доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ Ф. Ш. Хузин, доктор исторических наук, профессор С. В. Березницкий. Особой благодарности заслуживает помощь в публикации и популяризации работ автора, оказанная директором Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета кандидатом исторических наук, доцентом Р. Р. Хайрутдиновым.

1. ГЕНЕЗИС ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Дальнейший уровень всей совокупности наук о людях будет зависеть от существенного сдвига в познании начала человеческой истории.

Б. Ф. Поршнев

Не секрет, что всё новое является хорошо забытым старым. Традиция производить человека от животных-предков имеет очень глубокие корни, причём есть племена, народы, которые традиционно производят себя от обезьян. Так, например, некоторые племена и народности восточных и юго-восточных районов Тибета считают своим предком обезьяну. Многие племена Африки и Южной Азии близких к человеку обезьян называют не «обезьянами», а «лесными людьми». В индуизме, буддизме обезьяны обожествляются.

О поразительном сходстве обезьяны и человека начали писать в глубокой древности. Аристотель, Плиний, Гален считали обезьяну подобием человека. Аристотель (384–322 до н. э.) подверг подробному сравнению тело человека с животными и отметил такие отличия человека, как прямохождение, крупный головной мозг, речь, разум. Римский врач Клавдий Гален (130–201 н. э.) установил большое сходство в строении тела между человеком и обезьяной.

В XVIII веке зарождается научная приматология, и анатомы заговорили о глубоком сходстве в строении основных органов человека и животных. В 1766 году вышел в свет труд Ж.-Л. Де Бюффона (1707–1788) «История земли», в которой впервые была высказана мысль о происхождении человека от обезьяны. Реакция на эту идею последовала незамедли-

тельно. Сорбонна, авторитетнейший научный центр Европы, вынесла вердикт о публичном сожжении книги палачом.

К. Линней (1707–1778) — творец современной классификации растений и животных включил человека в систему животного царства. Все люди были причислены к одному роду с видовым названием *Homo sapiens nasee te ipsum* (человек разумный, познай себя самого). Судя по названию, Линней знал о спорах, которые испокон веков ведутся по поводу сущности человека. Не пытаясь участвовать в этих спорах, он лишь подчеркнул необходимость человечеству решить данную проблему. Без малейших оснований усечённая форма этого пожелания стала видовым названием человека — *Homo sapiens*. Следует заметить, что люди традиционно считали бессловесных существ, не блещущих интеллектом, братьями меньшими, обожествляли их, а также рассматривали в качестве защитников, помощников, кормильцев, членов семьи и т. д. Между тем далеко не все двуногие приматы, обладающие развитой речью, интеллектом, обременённые научными степенями, терпимы в человеческом обществе. Среди осуждённых Хабаровским и Токийским трибуналами японских военных преступников было много видных учёных. Чтобы осуждать преступления против человечности, общество вынуждено рассматривать подобного рода субъектов как нелюдей, а представителей своего вида — как *Homo humanus*. Ужасы прошедшего века подорвали у многих людей пиетет перед разумом, научно-техническим прогрессом и остро поставили вопрос о выживании человечества. Глубоко прав философ Г. П. Меньчиков, который в своей работе «Основы антропологии: традиции и новации» утверждает: *«Без гуманизма человечество не имеет перспектив»* [Меньчиков, 2006, с. 196].

Следует заметить, что проблемы, связанные с гуманизмом, моралью, побуждают общество критически относиться к широкому спектру учений, которые доминируют в современной науке, включая антропологию. У К. Леви-Строса были все основания писать, что среди *«народов растёт противодействие антропологическим исследованиям... Может показаться, что антропология становится жертвой двойственного заговора народов. С одной стороны, это народы, которые физически ускользают от неё, в самом прямом смысле исчезая с лица земли. С другой стороны, это народы, далеко не вымирающие, а претерпевающие “взрыв” в росте населения, решительно враждебны антропологии по психологическим и этическим соображениям»* [Леви-Строс, 1994, с. 34]. Особое неприятие по духовно-нравственным причинам у народов вызывает физическая антропология, точнее её разделы: антропогенез и расоведение. Так, например, в настоящее время всё настойчивее звучит призыв исключить из научного лексикона термин «раса», а также категорически запретить расоведение.

С гуманизмом связаны не только перспективы человечества, но и его истоки. Человек рождается абсолютно беспомощным, поэтому генезис человека предполагает любовь к нему. Традиционно происхождение человека, общества и культуры освещается в рамках религиозных учений, в которых фундаментальную роль играют Святой Дух (Родительская Любовь), обожаемые родители — податели всех благ, носители Высших Сил, Высшего Разума применительно к младенцам. Среди титанов, гигантов, великанов — больших, взрослых, изначально окружающих человека, выделяется родная мать (Родина-Мать), которая является исходной средой обитания, а также гумусом, из которого создан человек. Начало своего бытия, связанное с пребы-

ванием в чреве и на руках у матери, человек не помнит, но прекрасно помнит его мать. Рукотворный мир, порождённый великанами, их титанический труд, а также золотой век — начальные времена человеческого бытия детально и предельно реалистично отражены в мифе и волшебной сказке.

Материнская любовь — духовный фактор, породивший колыбель человечества, исходную экологическую нишу, исходную культурную среду, исходный культурный слой, исходный «социальный лифт», возносящий младенца из животного состояния в социальную жизнь, а также исходные приёмы социализации и инкультурации, традиционно игнорируется исследователями, которые пытаются пролить свет на истоки человечества, его культуры. Так, например, духовный фактор и культура не нашли отражения в суждениях Ж.Б. Ламарка (1744–1829), который в конце первой части своей «Философии зоологии» (1809) изложил пути, по которым могла идти эволюция от обезьяны к человеку, учитывая особенности человеческой конституции, упражнения органов, но был вынужден констатировать: *«Вот к каким выводам можно было бы прийти, если бы человек, рассматриваемый нами в качестве первенствующей породы, отличался от животных только признаками своей организации и если бы его происхождение не было иным»* [Цит. по: Бляхер, 1935, с. 529]. Мысль Ламарка о том, что особенности организации человека не проливают свет на его генезис весьма и весьма глубока. Действительно, невозможно отличить людей от не-людей по их конституции, генотипу.

В 1859 г. вышла книга Ч. Дарвина (1809–1882), которая положила начало новой эпохе в биологии. С этой книгой, которая имела длинное название «Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение избранных рас в борьбе за жизнь», в биологическую науку прочно вошли

такие понятия как изменчивость, борьба за существование, отбор, эволюция и т. д. Надо сказать, что из самого названия книги вытекает возможность двойной трактовки отбора (сохранения). Отбор (сохранение) можно трактовать как причину и как следствие, как эволюцию и как движущую силу эволюции. Эта двойственность не устранена до сих пор. Так, например, во «Введении в теорию эволюции» А.С. Северцова (1866–1936) говорится: *«Отбор, переживание более приспособленных и дифференциальное воспроизведение, — движущий фактор эволюции, без него невозможно возникновение новых приспособлений»* [Северцов, 1981, с. 175].

Двойственную трактовку имеет и изменчивость, которую можно рассматривать как эволюцию и как определяющий фактор эволюции. При этом также возникает удобная для исследователей возможность объяснять эволюцию эволюцией, изменчивость — изменчивостью. Это приводит к тому, что материнский инстинкт, провоцирующий борьбу за выживание членов сообщества в наиболее критический для них период, а также их адаптацию к окружающей действительности путём воспитания, обучения, традиционно оказываются вне поля зрения исследователей и не рассматриваются в качестве движущей силы эволюции. Двусмысленность категорий, которые ввёл в научный оборот Дарвин, во многом этому способствует игнорированию этого инстинкта, этой борьбы, этой адаптации.

Ч. Дарвин в книге «Происхождение видов», как бы мимоходом, роняет фразу, что эволюционным учением *«будет пролит свет и на происхождение человека»*. Горячий сторонник дарвиновского учения Т. Гексли (1825–1895) в 1863 г. опубликовал книгу «О месте человека в природе», в которой, на основании обширных исследований по систематике и сравнительной анатомии обезьян, а также по анатомии

человека, проведенных в конце XVIII — первой половине XIX в., сделан следующий шаг в определении систематического положения человека и указано на его ближайшее родство с человекообразными обезьянами.

Гексли очень убедительно доказал, что человек, как и обезьяна, — млекопитающее, но не сумел показать, каким образом человек развился в столь необычное по своим моральным и психическим качествам существо. Ч. Дарвин просто был обязан поддержать своего друга и развить успех его книги. Ему предстояло с помощью развитого им метода доказать, что обезьяна и человек состоят отнюдь не в формальном родстве, а в генетическом. Только через восемь лет после выхода в свет труда Гексли Дарвин публикует свою книгу, которая называется «Происхождение человека и половой отбор». Надо сказать, что Дарвин не горел желанием конфликтовать с церковью, задевать чувства верующих, которые полагают что Бог — это Любовь, что браки заключаются на небесах. Дарвин прекрасно знал, что церковь не приветствует случайные половые связи и не может негативно отзываться о половом подборе. Название его книги должно было устранить всяческие сомнения относительно фактора, породившего человека.

Нет ничего удивительного в том, что книга «Происхождение человека и половой отбор» была встречена совсем не так, как «Происхождение видов». *«С критиками мистера Дарвина произошла отрадная перемена»*, — с удивлением писал Т. Гексли [Цит. по: Ирвин, 1973, с. 240], которому пришлось доказывать, что Дарвин не перекалфицировался в религиозного писателя.

По псевдодуховной, антитрудовой теории Дарвина, возвысившей плотскую любовь над святым материнским чувством, своеобразие физической организации человека,

по сравнению с другими приматами, обусловлено тем, что индивидуумы с определёнными особенностями больше нравились самкам и получали преимущества в процессе размножения. Этим обеспечилось определенное направление в процессе отбора. Двойственность категории отбора позволяла Дарвину объяснять отбор отбором. При этом оставались загадочными причины, по которым те или иные физиологические признаки оказывались решающими при половом подборе. Ориентируясь на половой инстинкт, на половой подбор, трудно объяснить развитие кисти, увеличение объёма мозга, прямохождение и т. д.

Особые сложности у Дарвина возникли при попытке пролить свет на социогенез, поскольку в науке уже давно господствует взгляд на половой инстинкт, *«как на самый антиобщественный и разрушительный из всех животных инстинктов, ограничение и подавление которого является необходимым условием существования общества»* [Семёнов, 1966, с. 282-283].

Мысль о том, что главной движущей силой эволюции человека является секс, попытался развить З. Фрейд (1856–1939). При разработке своей теории он столкнулся с теми же проблемами, что и Ч. Дарвин. Оказалось, что общество, культура, цивилизация вовсе не порождены сексуальными устремлениями человека. Более того, они обречены быть в вечном конфликте с сексом, и этот конфликт породил социальные истоки страдания. Так, например, запрет на инцест Фрейд характеризует как *«самую глубокую за все время рану любовной жизни человека»* [Фрейд, 1992, с. 100].

Необходимо отметить, что контроль над половым инстинктом наблюдается не только в культурных социумах. Так, например, пчелиная матка держит в повиновении всю свою огромную семью с помощью особого вещества, спо-

собного нейтрализовать половой инстинкт у рабочих пчёл. Если матку изолировать от рабочих пчёл, то *«они, не получая приказов матки, освобождаются от её деспотизма и сами начинают откладывать яйца, из которых вырастают трутни»* [Сергеев, 1995, с. 179].

В человеческом обществе половой инстинкт контролируется моралью, поэтому Ч. Дарвин был вынужден утверждать, что именно нравственные качества являются видовым признаком человека. Он писал: *«Нравственным существом мы называем такое, которое способно обдумывать свои прошлые поступки и побуждения к ним, одобрять одни и осуждать другие. То обстоятельство, что человек есть единственное существо, которое с полной уверенностью может быть определено таким образом, составляет самое большое из всех различий между ним и низшими существами»* [Дарвин, 1953, с. 649]. Мысль о том, что именно нравственность является видовым признаком человека, а вовсе не особенности его конституции или орудийной деятельности, побудила Ч. Дарвина заняться поиском истоков нравственности, руководствуясь при этом идеей естественного отбора.

Игнорируя духовный фактор — родительское чувство, а также родительское воспитание, родительский труд, Дарвин приписывает исключительно естественному отбору способность обеспечить нравственное совершенство членов социума. Вот его рассуждения: *«Очевидно, что племя, заключающее в себе большое число членов, которые наделены высокоразвитым чувством патриотизма, верности, послушания, храбрости и участия к другим, — членов, которые всегда готовы помогать друг другу и жертвовать собой для общей пользы, — должно одержать верх над большинством других племен, а это будет естественный отбор»* [Там же. С. 244].

Следует заметить, что многие исследователи склонны связывать антропосоциогенез не с умственными потенциями человека и не с особенностями его конституции, а с альтруизмом, как основой нравственного поведения. Понятие альтруизма ввёл французский философ, основоположник социологии Огюст Конт (1798-1857), который отождествил его с «социальным чувством». Вслед за Контом, альтруизм и связанное с ним нравственное поведение исследовало большое число философов: Н.А. Шопенгауэр, Дж. С. Милль, И. Бентам; М. Вебер, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, В. С. Соловьев, Н.А. Бердяев, А. Швейцер и др.

Многие современные биологи, социологи, психологи, антропологи (В.Д. Гамильтон, В.П. Эфроимсон, М.Л. Бутовская, Л.А. Файнберг, М. Рьюз, Э. Уилсон, В.Р. Дольник и др.) с полным основанием рассматривают альтруизм как фундаментальную характеристику человека. Вслед за Ч. Дарвином представители эволюционной этики, социобиологии указывают на то, что альтруизм как социальное чувство или как взаимопомощь коренится в мире животных и является могучим фактором становления человека. Согласно основанному на дарвинизме эволюционным теориям морали, человечество проходило в своем становлении групповой отбор на моральность, в частности, на альтруистичность [Кропоткин, 2011; Эфроимсон, 1971 и др.]. **Мысль о том, что мораль и альтруистичность даны нашему виду от природы, опровергают нелюди, которые чуть не стали властителями мира в прошлом столетии.**

В наиболее одиозном виде эта антитрудовая концепция социогенеза нашла отражение в трудах немецкого экономиста, историка и публициста К. Каутского (1854–1938), который утверждал, что объединения животных формируются целым рядом общественных инстинктов, к числу которых

он относил: самоотверженность, преданность общему делу, храбрость при защите общих интересов, верность общине, подчинение воле общины — дисциплину, правдивость по отношению к общине, честолюбие и т. д. Совокупность этих инстинктов составляет единый социальный инстинкт — нравственный закон [Каутский, 2003, с. 60].

Ничего подобного тому, что казалось очевидным Ч. Дарвину и К. Каутскому, в природе не наблюдается. Половые отношения в стаде животных определяются отнюдь не симпатиями самок, а системой доминирования самцов. Свирепый вождь стада всегда найдет повод и силы, чтобы избавиться от альтруиста, пользующегося предпочтением у самок. Пострадают при этом и самки, и чада, рождённые от альтруиста.

Против взглядов Ч. Дарвина на антропосоциогенез резко выступил даже А. Уоллес (1823–1918), который вполне самостоятельно пришёл к идее отбора. По мнению А. Уоллеса, то, что физически человек развился из некоторой животной формы под влиянием естественного отбора, вовсе не доказывает, что и психическая сторона его природы развилась только под влиянием того же фактора. В своей книге «Дарвинизм. Изложение теории естественного подбора и некоторых из её приложений» он писал: *«Я надеюсь доказать, что известная определённая часть умственных и нравственных качеств человека не могла развиться только путём изменяемости и естественного подбора, и что поэтому в таком случае необходимо обратиться к содействию некоторого другого воздействия, закона или фактора. Если бы это удалось несомненно доказать для одного или нескольких качеств разумного человека, мы тем самым нашли бы подтверждение того, что некоторая неизвестная причина или сила могла иметь гораздо большее влияние и даже могла вполне изменить общий ход развития»* [Уоллес, 1911,

с. 528–529]. Уоллес весьма убедительно показал, что развитие математических способностей, искусства совершенно необъяснимо теорией естественного отбора и было вызвано какой-ни-будь другой причиной, конкретизировать которую он не смог.

Долгое время в науке большим авторитетом пользовалась орудийно-трудовая теория антропосоциогенеза, в которой присутствует культурологический фактор, но отсутствует духовный. Эта теория, впервые изложенная Ф. Энгельсом в 1873–76 гг. в его статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», была призвана развить эволюционное учение и попытаться ответить на те вопросы, на которые не смог убедительно ответить Ч. Дарвин. Согласно орудийно-трудовой теории, человек, мораль, общество являются побочным продуктом процесса изготовления механических орудий. *«Труд, — писал Ф. Энгельс, — начинается с изготовления орудий»* [Энгельс, 1941, с. 139]. Орудийно-трудовая теория стала использоваться в качестве теоретического базиса многих наук, призванных изучать культуру человека, социогенез, однако заостривших внимание на культуре камня, бронзы, железа. Данную концепцию антропосоциогенеза можно назвать механистической или технократической. Парадокс заключается в том, что развивали технократическую концепцию отнюдь не технические специалисты, сведущие в организации и охране труда, поэтому суждения об истоках производственной деятельности человека традиционно грешат крайним дилетантизмом.

Пропагандисты механистической трудовой концепции антропосоциокультурогенеза игнорируют тот факт, что человек является высшей ценностью в человеческом обществе, что культивирование человека бесконечно сложнее и бесконечно актуальнее фабрикации и применения механи-

ческих поделок. Факты свидетельствуют, что использование искусственных колющих, рубящих, режущих инструментов приматами смертельно опасно, что вооружение приматов провоцирует кровожадность, появление каннибалов и прочих нелюдей. Великий русский писатель, мыслитель и публицист Ф.М. Достоевский (1821–1881) в своём романе «Преступление и наказание» предельно убедительно показал деморализующую роль и топора, и механистических доктрин. Фабрикация оружия способна превратить в дрожащих тварей всё человечество. Это стало особенно очевидно во время карибского кризиса.

Механистический миф о каменном, медном (бронзовом), железном веках человечества был известен ещё древним грекам и китайцам. По всей видимости он сложился в среде гробокопателей, которые выдают не альтруизм, а подделки из камня, бронзы, железа за подлинные человеческие культурные ценности и древности. Этот миф, рождённый в мрачных раскопах предельно деморализованными людьми, сформировал базовую парадигму современной археологической науки. Факты свидетельствуют, что *«однотипные по уровню развития общества могут пользоваться или не пользоваться железом, бронзой, а в отдельных случаях и камнем. Археологическая периодизация лишилась общего признания»* [Алексеев, 1990, с. 8]. Это вызвало острый кризис в целом комплексе наук, ориентированных на доктрину, грешащую крайним отрывом от реальных проблем, связанных с культивированием человека и общества.

В настоящее время антропологи широко используют крах археологической периодизации для дискредитации трудовой теории антропосоциогенеза. Вот характерный пример спекуляций на эту тему, с которым нас знакомят авторы хрестоматии по антропологии: *«Африканские находки*

вместе с достижениями генетики опровергают существовавшие ранее представления о постепенном изменении организма человека вследствие трудовой деятельности. Новые открытия говорят о том, что прямохождение, увеличение размеров мозга и другие “человеческие” признаки появились за несколько миллионов лет до возникновения трудовой деятельности и о том, что человек появился не в результате постепенного поступательного развития, а в результате некоего скачка, при этом он длительное время существовал вместе со своими предками (австралопитековыми), которые потом вымерли» [Антропология..., 2002, с. 81]. Подобные уверения становятся хрестоматийными, а разочарование в трудовой теории — общим.

Надо сказать, что К. Маркс (1818–1883) отнюдь не трактовал орудийную деятельность так узко, как её трактовали другие сторонники трудовой теории антропосоциогенеза, а также её ниспровергатели. Он знал, что слова *орган*, *органон* означают «орудие», «инструмент», что органика способна производить и воспроизводить. Это побудило его утверждать: «Ч. Дарвин, интересовался историей естественной технологии, т. е. образованием растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных» [Маркс, 1960, с. 383]. Маркс не находил нужным отрицать наличие производства, технологий, орудийной деятельности, способности производить одни органы посредством других не только у животных, но даже у растений. По части богатства и совершенства различного рода орудийных систем (шипов, колючек, ловушек, удавок, отравляющих веществ, липучек и т. д.) растительный мир далеко превзошёл наших предков. В последние десятилетия человеку отказали в уникальности его орудийной деятельности такие авторитетные отечественные и зару-

бежные исследователи как М.Л. Бутовская, Л.А. Файнберг, W.C. McGrew, F.B.M. de Waal и др. При этом вновь остро стал вопрос о причинах появления человека, человеческого общества.

Не отрицая «животнообразных, инстинктивных» форм труда, К. Маркс считал, что человека отличает от животных сознательный труд. По мнению специалистов в области орудийной деятельности, каковыми творцы орудийно-трудовой теории антропогенеза не являлись, сознательная орудийная деятельность начинается с изучения техники безопасности. О том, какую опасность представляют острые колющие, рубящие, режущие предметы, огонь, вода, электричество, а также многие вещества, растения, животные, явления природы, ребёнок узнаёт в раннем детстве от матери, которая инстинктивно или вполне осмысленно побуждает ребёнка заботиться о своём здоровье и здоровье других. Игнорируя материнскую заботу, технику безопасности, невозможно пролить свет на истоки осмысленного труда.

Р. Фоули в своей книге «Ещё один неповторимый вид» пишет: *«Хотя характер эволюции человека сегодня, без сомнения, более понятен, чем во времена, когда Дарвин писал первую книгу на эту тему — “Происхождение человека”, большинство вопросов, поставленных в ней великим учёным, сохраняет свой смысл и остаётся столь же дискуссионным, как и прежде. Накопление ископаемых остатков даёт ответы на многие вопросы эволюции человека: как выглядели древние гоминиды?; когда они возникли?; где они возникли?; как они эволюционировали?; но основной вопрос почему? Остаётся по-прежнему спорным»* [Фоули, 1990, с. 12].

В рамках механистической трудовой доктрины сложились глубоко ошибочные взгляды на истоки материального производства, на базовую форму трудовой деятельности,

обеспечивающую воспроизводство видов, включая человека. В работе «Антропосоциокультурогенез в свете генерализующей теории» впервые показано, что *«нет оснований отрицать наличие животноводства у животных, птицеводства у птиц. В рамках животноводства, птицеводства осуществляются добыча пропитания, постройка жилищ, воспитательный процесс, забота о здоровье. У истоков этих форм трудовой деятельности лежит материнский инстинкт, который по своей природе социален, поскольку обеспечивает формирование естественного социума “мать-дитя”. Именно материнский инстинкт породил воспитание, культурологический процесс, поэтому нет оснований противопоставлять социальное и культурное биологическому»* [Воронцов, 2016, с. 24].

Факты свидетельствуют не только о наличии воспроизводящего хозяйства у всех без исключения приматов, но и о существовании у всех приматов социально-экономических классов. Согласно доминирующим в любом разумном сообществе взглядам, основанным на опыте бесчисленных поколений, существуют всего два социально-экономических класса. Дело в том, что наиболее адекватно отношение человека к средствам производства, к общественной организации труда, а также отношение к человеку со стороны социума характеризуется двумя словами: «хозяйственный» и «бесхозяйственный». Именно это отношение учитывается в писанных и неписанных законах, обеспечивающих изъятие собственности у нерадивых хозяев и её перераспределение в пользу хозяйственных людей.

«Бесхозяйственность» и «хозяйственность» — универсальные понятия, которые способны отразить подлинные причины экономического процветания общества или его нищеты. Следует учитывать, что бесхозяйственными людьми,

чья дееспособность, умственное развитие и социальная значимость традиционно ставятся обществом под сомнение, могут быть монархи, президенты, министры финансов, дворяне, крестьяне, рабочие, священнослужители и т. д. Хозяйственным людям также не чужды различные формы деятельности. Они встречаются даже среди нищих. Именно бесхозяйственные и хозяйственные люди образуют два социально-экономических класса, которые существуют во всех человеческих социумах и пользуются принципиально разным авторитетом. Бесхозяйственные и хозяйственные существа широко представлены в живой природе. Этот факт нашёл отражение в басне И. Крылова «Стрекоза и муравей». Между представителями этих двух социально-экономических классов ведётся ожесточённая борьба, которая и предопределяет динамику социально-экономического развития общества.

В любом сообществе приматов можно обнаружить субъектов, которые не обременены воспроизводящим хозяйством и склонны создавать проблемы для окружающих. Хозяйственных и бесхозяйственных членов сообщества, эксплуататоров и эксплуатируемых, классовые конфликты можно обнаружить даже в естественном социуме: «мать-дитя». Ребёнок может быть бесконечно капризнее барыни, побудившей тургеневского Герасима утопить любимую собаку. Не имея возможности выразить свои потребности словами, младенец способен довести рабу материнской любви до неменяемого состояния. Без культивирования альтруизма, хозяйственности великовозрастное чадо способно эксплуатировать и терроризировать родную мать до скончания её дней. Игнорируя естественный социум, его классовую структуру, а также классовые противоречия, которые свойственны базовой форме производящего хозяйства, обеспечивающего воспроизводство базовой ценности человеческого общест-

ва — человека, невозможно пролить свет не только на истоки языка, но и на истоки всей человеческой культуры.

Знаменитый ученый-энциклопедист, этнограф и социолог М. Мосс в работе «Техника тела» попытался преодолеть механистические предрассудки, гипертрофирующие роль механических поделок в социализации человека и представил в качестве главного предмета социальной антропологии технику человеческого тела. Он отнёс выращивание и вскармливание ребёнка, отношение двух взаимосвязанных существ: матери и ребёнка к техникам периода детства, причём отметил, что *«история ношения детей очень важна»* [Мосс, 1996, с. 253].

В золотой фонд эволюционно-исторической аксиоматики вошла социокультурная интерпретация биогенетического закона, данная Ф. Энгельсом в «Диалектике природы»: *«Подобно тому как история развития человеческого зародыша во чреве матери представляет собой лишь сокращённое повторение развёртывавшейся на протяжении миллионов лет истории физического развития наших животных предков начиная с червя, точно так же и духовное развитие ребёнка представляет собой лишь ещё более сокращённое повторение умственного развития тех же предков, — по крайней мере более поздних»* [Энгельс, 1941, с. 142].

В рамках биологии можно осмысливать не только культуру гороха, но и культуру человека. В компетенцию биологии входят и естественные, и культурные социумы. Именно биология изучает материнский инстинкт, исходные орудийные, транспортные, знаковые системы, которые участвуют в формировании исходной культурной среды и воспитательном процессе.

Игнорирование естественных человеческих древностей и ценностей, традиционных форм заботы о них придаёт древ-

ней истории в её современном изложении антиисторический и ярко выраженный антибиологический (антижизненный) характер. У З. Фрейда были все основания утверждать, что *«сегодня древняя история в том виде, как её изучают наши дети в школе, представляет собой, в сущности, череду геноцидов»* [Фрейд, 1994, с. 17].

Крах механистической теории антропосоциокультурогенеза вызвал энергичные попытки отыскать альтернативные подходы к решению глобальных проблем антропосоциогенеза. Существует гипотеза, которая принципиально не отличающаяся от дарвиновского учения о происхождении человека, но дает совершенно новую причину мутаций, вызвавших эволюционный скачок. По этой теории мутации возникли по причине сильного внешнего радиоактивного облучения. В местечке Окло в Габоне (Центральная Африка) было найдено уникальное урановое месторождение. Физики выяснили, что здесь из-за совпадения ряда геологических факторов создались условия для самопроизвольной ядерной реакции. Иными словами, в течение нескольких миллионов лет здесь работал природный ядерный реактор, и излучаемая радиация вызывала у бродящих поблизости обезьян начались сильнейшие генетические мутации. Большинство из них давали отрицательный результат и обезьяны гибли. Но некоторые оказались положительными, и мутировавшие обезьяны получали значительные преимущества перед своими сородичами.

Известны также «водяные» гипотезы, развиваемые Э. Харди и Я. Линдбладом. Согласно этим гипотезам, конкуренция вынудила одну ветвь примитивного рода человекообразных обезьян покинуть деревья и искать пропитание — моллюсков и пр. на мелководье. Приспосабливаясь к новой среде, эта обезьяна становится плавающим существ-

вом с голой кожей и прямой осанкой. Надо сказать, что по берегам рек и заливов Калимантана живет обезьяна носач и *«эта обезьяна может плавать! Больше того — она отличный пловец»* [Линдблад, 1991, с. 77]. Вопреки «водяной» гипотезе, у этой обезьяны не наблюдается редукция волосяного покрова, гоминизация челюстной системы, прямохождение, отсутствуют искусственные орудия, речь и т. д.

Мистический характер носит полевая гипотеза академика В.П. Казначеева, который считает, что человек — это соединение вечно существующей полевой разумной субстанции с неразумной белково-нуклеиновой [Казначеев, Трофимов, 2004].

Не менее мистична уфологическая гипотеза, согласно которой разумная жизнь на Земле инициирована и корректируется представителями инопланетян.

В 1996 г. Папа Иоанн Павел II подтвердил, что его церковь признает теорию эволюции, однако распространить эту теорию на человека до сих пор не удалось.

При отсутствии единства во взглядах на главную движущую силу антропосоциокультурогенеза современная антропология вынуждена коллекционировать самые странные догадки по самым различным проблемам антропогенеза. Так, например, существует масса догадок о причинах, вызвавших гоминизацию челюстной системы, увеличение объёма мозга, прямохождение, редукцию волосяного покрова и т. д. Средневековые суеверия меркнут перед предрассудками, которые культивирует комплекс современных наук о человеке. Жертвами этих предрассудков становятся не только доверчивые обыватели. Так, например, авторитетный лингвист и культуролог Э. Сепир (1884-1939) поверил антропологам, что *«ходьба есть врожденная, биологическая функция человека»* [Сепир, 1993,

с. 28]. Между тем масса экспериментов по проверке врожденности человеческой ходьбы уже давно поставлена, причём поставили её не доктринёры, а сама жизнь. Жизнь показала, что естественность нашей ходьбы — лишь видимость. Человек может всю жизнь оставаться четвероногим существом и прекрасно себя чувствовать в стае других четвероногих существ.

Под псевдореволюционным лозунгом «Труд создал человека» с лёгким сердцем подпишется даже Папа Римский. Без генерализации форм трудовой деятельности с целью выяснения ведущей формы труда, породившего человека, невозможно выработать убедительную трудовую теорию антропосоциокультурогенеза. Такая трудовая теория должна быть не только генерализованной, но генерализующей, способной произвести генерализацию культурных феноменов и выяснить ведущие, сыгравшие главную роль в антропосоциокультурогенезе. Необходимость такой генерализации обусловлена тем обстоятельством, что культурные традиции обнаружены и у других приматов, отнюдь не преуспевших в культивировании альтруизма.

Конкретизации труда, породившего человечество, а также свойственной ему культуры, отнюдь не способствует тот факт, что до сих пор отсутствуют научные центры, ведущие комплексные исследования материнской руки — колыбели человечества, исходной орудийной, транспортной, знаковой системы, исходного логического аппарата, посредством которого человек учился и учится считать, мерить, намереваться, думать.

При осмыслении антропосоциокультурогенеза часто говорится о необходимости комплексного подхода. Подлинное взаимодействие между науками обеспечивается в случае их интеграции, междисциплинарных синтезов. Идея

о единой науке высказана К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Он писал: *«Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включает в себя естествознание: это будет одна наука...»* [Маркс, т. 42, с. 124-125]. На роль **тотальной Науки** может претендовать, прежде всего, медицина, поскольку именно медицина изучает буквально всё, что воздействует или способно воздействовать на человека: все вещества, все поля, все чувства, все организмы, все технологии и продукты, все достижения и aberrации человеческого разума. Изучая **жизненную значимость всего и вся**, медицина широко использует всевозможные приборы и стремится к аптечной точности.

Тотальный характер носит и медицинская практика. По решению врачей человек, населённый пункт, район, государство, континент могут быть подвергнуты изоляции. Без справки от врача невозможно заниматься многими видами деятельности в самых демократических обществах. Даже подготовка космонавтов и создание космических кораблей протекают под бдительным оком медиков.

Медицина традиционно изучает золотой век человечества, включая технику ухода за младенцами, их питание, их физическое и умственное развитие. Без учёта врачебной практики невозможно укоренить принципы историзма, антропологизма, биологизма в широком круге наук, занятых исследованием истоков человека, общества, культуры, а также осмыслить традиционные учения о природе человека, общества, культуры, для которых характерен антропоцентризм и биоморфизм.

Изучение процессов введения в культуру различных биологических объектов привело к становлению теории центров происхождения культурных растений, домашних

животных. Может показаться, что обобщение этого биокультурологического подхода, его распространение на истоки орудийной деятельности, искусства, языка, словесности не представляется возможным, поскольку невозможно найти центры произрастания резцов, рубил, ножевок, палиц, лопаток, саней, снарядов, героев, божеств, словес, музыкальных инструментов, театров, храмов и т. д., однако такая возможность существует. Для реализации этой возможности следует забыть про каменные орудия и обратиться к орудиям, забота о которых вызвали к жизни человечность, медицину, биологию, бионику, и т. д.

Необходимость преодоления механицизма во взглядах на истоки человеческой культуры начинает осознаться всё большим числом исследователей. Интерес к телесности, техникам тела, семантике тела, проявляют философы, антропологи, социологи, культурологи, психологи, этнографы: М. Мосс, Е. Холл, У. Уайт, М. Кнапп, К. Крейдер, Д. Моррис, Р. Барт, Дж. Фаст, И. Горелов, В. Енгальчев, Г.Е. Крейдлин, М.Л. Бутовская, В.А. Подорога и др.

Любовь к подлинной мудрости — медицине, тотальная опора на самую мудрую и тотальную Науку — медицину позволили автору данной книги разработать генерализованную и генерализующую трудовую теорию антропосоциокультурогенеза [Воронцов, 2012, 2016], побуждающую рассматривать *«родительский инстинкт, родительское чувство, а не половой подбор, не половой инстинкт (по Ч. Дарвину) и не культивирование орудий (по Ф. Энгельсу), в качестве главных движителей антропосоциокультурогенеза»* [Воронцов, 2012, с. 120]. Наличие этого инстинкта, а также порождаемого им воспитательного процесса делает беспочвенными любые попытки противопоставлять биологическое культурному и социальному.

Родительский инстинкт способен пробуждать, развивать самые разные творческие потенции и выразительные средства, обеспечивающие сохранение и воспитание потомства. В животном сообществе воспитание и обучение посредством показа — примитивный, зародышевый аналог человеческих культурных традиций. Передача информации посредством обучения характерна и для человекообразных обезьян, у которых вполне оправданно констатировать наличие «протокультуры». Различные группы шимпанзе различаются по способам изготовления орудий и по сигналам коммуникации — это разные «культурные традиции» [Butovskaya, 2000].

При рассмотрении родительского чувства, лежащего в основе воспитательного процесса, обеспечивающего воспроизводство человека, следует соблюдать принцип историзма и не преувеличивать роль отцовского чувства в антропосоциокультурогенезе. Глубоко права американский антрополог М. Мид (1901–1978), которая в своей работе «Отцовство у человека — социальное изобретение» пишет: *«Мужчинам нужно прививать желание обеспечивать других, и это поведение, будучи результатом научения, а не врождённым, остаётся весьма хрупким и может довольно легко исчезнуть при социальных условиях, которые не способствуют его сохранению. Женщины же, можно сказать, по самой своей природе являются матерями, разве что их специально будут учить отрицанию своих детородных качеств»* [Мид, 1991, с. 283]. **Есть основания полагать, что отцовское чувство было ещё менее развито у предков человека, поэтому нет причин связывать истоки воспитания, культивирования альтруизма, человека, общества с отцовским чувством.**

Великий русский естествоиспытатель К.А. Тимирязев (1843–1920) писал: *«Любовь матери, это самое идеальное из чувств, есть в то же время самое могучее оружие, которым*

слабый беззащитный человек должен был бороться против своих сильных соперников не в прямой, а в более важной, косвенной борьбе за существование» [Тимирязев, с. 27]. Забвение самого **идеального и самого могучего оружия** традиционно для попыток пролить свет на природу человека, общества и культуры.

Основоположник научной педагогики в России К.Д. Ушинский (1834–1870) в своём труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» писал: *«Что же касается до отличия инстинктивной материнской любви, общей всему живущему, от материнской любви женщины, то это различие заключается в том, что, тогда как инстинктивная любовь прекращается... материнская, чисто человеческая любовь не знает себе предела»* [Ушинский, с. 139]. Становление этого **духовного абсолюта** само требует объяснения, поэтому крайне важно выявить причины, которые предельно осложнили реализацию родительского инстинкта у наших предков, создали условия, когда выживали только потомки предельно заботливых матерей. Причины эти не следует отождествлять с движущей силой антропосоциокультурогенеза, поскольку они имеют прямо противоположную направленность. Сила действия всегда равна силе противодействия, однако канавы и ямы не следует отождествлять с двигателем вездехода, а жизненные невзгоды — с усилиями по преодолению этих невзгод.

Воспитание сливает социогенез, культурогенез и морфогенез в неразрывное целое. В воспроизводстве естественного социума, состоящего из кормящей матери и ребёнка, огромную роль играет не только материнское чувство, но и материнская телесность. В настоящее время в учениях об эволюции всё шире используется термин «коэволюция», служащий для обозначения механизма взаимообусловлен-

ных изменений элементов, составляющих развивающуюся целостную систему. Возникнув в биологии, понятие «коэволюция» постепенно приобретает статус общенаучной категории. В широком смысле термином «коэволюция» обозначается совокупная, взаимно адаптивная изменчивость частей в рамках любых биосистем (от молекулярного и клеточного вплоть до уровня биосферы в целом). Примером таких отношений служат, например, взаимные изменения видов-партнеров в экосистемах «паразит-хозяин», «мать-дитя» и т. д.

В ходе общения с ребёнком мать вынуждена адаптироваться к потребностям своего чада, а также адаптировать потенции младенца к своим потребностям. Это даёт основание выбрать естественный социум (мать-дитя или паразит-хозяин) в качестве исходной экосистемы при рассмотрении антропосоциокультурогенеза. Гармонизация отношений в системе «мать-дитя», сформированной материнским инстинктом, в решающей степени обеспечивается не только путём адаптации органов матери к уходу за ребёнком, но и надлежащим воспитанием ребёнка, эффективность которого во многом зависит от уровня развития средств общения. Если до недавнего времени биологическая и культурная эволюции считались разделенными во времени (культурная эволюция касается верхнего слоя стратифицированной конституции человека и началась тогда, когда закончилась биологическая эволюция), то в последние десятилетия начало осознаваться взаимодействие между биологической и культурной эволюцией. Генно-культурная коэволюция является сложным взаимодействием, в котором культура генерируется и оформляется биологическими императивами, в то время как одновременно в генетической эволюции в ответ на культурные нововведения изменяются биологические свойства.

Уже давно исследователями было замечено, что многие особенности воспроизводства нашего вида становятся понятными, если вспомнить о трудностях ухода за младенцами. Трудности сохранения детёнышей на деревьях приводят к тому, что только заботливые и предусмотрительные матери имеют шансы сохранить потомство, однако бесконечно более сложные проблемы возникли у матерей приматов при переходе к наземному обитанию, когда они лишились традиционного убежища и традиционной пищи. Родительский инстинкт в этих условиях должен был вывести родительскую заботу, воспитание и знаковое общение на качественно новый уровень.

Специалист по биологической антропологии Р. Фоули в своей книге «Ещё один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека» пишет, что большинство местонахождений ископаемых предков человека *«приходится на саванновый лес или саванновое редколесье и открытую кустарниковую саванну»* [Фоули, 1990, с. 245]. *«Вследствие сухости здесь нередко возникают пожары, которые играют важную роль в поддержании структуры растительных сообществ»* [Там же. С. 248–249]. После лесных пожаров, вызванных длительной засухой, стада приматов вынуждены переходить к наземному обитанию. Особи, склонные к более консервативному поведению, погибали или сохранялись в традиционных местах обитания, особи же, легко меняющие модели поведения, осваивали окраины леса, все более и более адаптируясь к наземному обитанию. Тем самым в прежних биотопах сохранялись особи, хорошо приспособленные к ним, а в новых — шло накопление особей, приспособленных к наиболее гибкой смене поведенческих стратегий.

Переход к наземному образу жизни не мог не породить целый комплекс проблем, связанный с добыванием пищи и

защитой от врагов. Особо остро проблема защиты от хищников стояла перед самками, обременёнными младенцами. Наиболее эффективно данные проблемы решаются путем использования различного рода предметов в качестве орудий. Именно естественные, а не искусственные орудия были изначально введены в культуру и стали использоваться осмысленно. Специалист по истории первобытного общества Ю.И. Семёнов в своей книге «Как возникло человечество» с полным основанием пишет: *«По мере перехода к наземному образу жизни акты самозащиты с использованием естественных орудий из случайных становятся правилом и, наконец, необходимостью. За палкой, камнем и другими им подобными предметами постепенно закрепляется функция орудий труда, орудий самозащиты. Предлюди уже не могут без них обходиться»* [Семёнов, 1966, с. 125].

Пламя лесного пожара оставляет после себя огромное количество заострённых и закалённых на огне палок. Советский приматолог Э.П. Фридман писал: *«Любопытно, что при лесных пожарах, когда случайно поджариваются плоды, орехи или дичь, шимпанзе правильно постигают пользу огня и лакомятся “приготовленной” пищей»* [Фридман, 1985, с. 175]. Даже кратковременное пребывание приматов на выжженном участке леса способно познакомить их с весьма перспективным универсальным орудием. Заостренные и закалённые на огне палки могут оказаться очень эффективными не только при разгребании пепла. Они позволяли преодолеть тот технологический Рубикон, который отличает процесс добывания пищи тасманийцем или австралийцем от добывания пищи обезьяной. Надо сказать, что заострённая палка отнюдь не исключает специализации пользователей. Она может использоваться хищниками, растительноядными и всеядными существами. Не следует удивляться тому,

что различия в питании были обнаружены уже у австралопитеков.

Есть все основания полагать, что палка-копалка использовалась в качестве оружия даже самыми крупными растительноядными австралопитеками. Так, например, парантроп *«был такого же роста, как многие европейские женщины — 1,6 м., но весил меньше, чем большинство из них — около 50 кг.»* [Ламберт, 1991, с. 106–108]. Могучим или массивным это растительноядное существо можно назвать только условно. Лишённый мощных клыков и возможности быстро перемещаться парантроп наверняка пользовался палкой-копалкой не только при добывании пищи, но и при самообороне.

Заостренная палка-копалка (копье) является весьма эффективным средством защиты и нападения. Это грозное оружие смогло обеспечить нашим предкам безраздельное господство на суше и на море. Вот что пишет по данному поводу знаток образа жизни первобытных племен Я. Линдبلاد (1932–1987) в своей книге «Человек — ты, я и первозданный»: *«Вплоть до недавнего времени практически все народы первобытной культуры пользовались копьем, — и с каким успехом! Рассказывают, что пигмеи в одиночку убивали слона: бесстрашно и расчетливо они в сумерках леса подбегали сбоку к пасущемуся великану и вонзали ему копье прямо в сердце!»* [Линдبلاد, 1991, с. 181]. Против копья бессилен и кит.

Есть все основания полагать, что оружие, которое сделало человека «царём природы», вовсе не придумано, а введено в культуру. В этой связи глубоко ошибочны любые попытки связывать истоки человеческого сознания с процессом придумывания и изготовления орудий, а также видеть в австралопитеках незащитных существ. Деревянное копье позво-

ляет не только добывать плоды, корнеплоды и охотиться, но и отбивать добычу у хищников и падальщиков. Такое копьё не позволяет производить расчленение туш и не оставляет следов на костях жертв. Всё это побуждает исследователей видеть в хищных формах австралопитеков робких падальщиков, хотя падальщики не могут быть робкими и беззащитными, поскольку их конкуренты хорошо вооружены и весьма агрессивны.

Предки человека были не просто агрессивны, но и предельно жестоки даже к представителям своего вида. Проанализировав поведение более чем 50 видов, австрийский этолог К. Лоренц (1903-1989) в своей книге [Лоренц, 1994] показал, что у сильно вооружённых видов эволюционный отбор выработал также сильную врождённую мораль — инстинктивный запрет применять все вооружение во внутривидовых стычках, в особенности, если побеждённый демонстрирует покорность. И наоборот, слабо вооружённые виды имеют слабую врождённую мораль, поскольку сильная врождённая мораль таким видам эволюционно ни к чему. Человек — от природы слабо вооружённый вид. С освоением копьё он стал самым вооружённым видом на Земле, а врождённая мораль осталась на крайне низком уровне. Это сделало его предельно жестоким существом, предрасположенным к каннибализму.

Прямохождение австралопитеков, их способность выжить в условиях саванны, кишащей хищниками, весьма сильный аргумент в пользу того, что они ввели в культуру весьма эффективные орудия, пригодные как для добывания пищи, так и для защиты от врагов. Это возможно только при высоком уровне самоконтроля, сознания, самосознания, воспитания. *«Особенно важно для нашей темы, что на эндокранах австралопитеков (A. africanus) намечаются*

выпуклости в некоторых из тех областей, где у людей находятся основные речевые центры» [Tobias, 1998, с. 74].

О достижении господства над внешними врагами уже древними предками человека говорит и тот факт, что их останки, становища находят не только в лесах и пещерах, которые могли бы иметь оборонительное значение, но и на открытых местах — в слоях песчаника, вулканического туфа, в глинистых отложениях по берегам рек. Так, например, попытки нидерландского антрополога Э. Дюбуа (1858–1940) обнаружить предка человека в пещерах о. Суматры оказались безрезультатными. Он нашёл его в раскопках берега реки на о. Ява. В этой связи глубоко ошибочны попытки представить наших предков беспомощными существами и связать истоки их духовности со страхом перед чуждыми им стихиями. Глубоко ошибочна также попытка видеть их социализацию, как реакцию на межвидовую агрессию, а не на внутривидовую.

Развивая гипотезу «внутривидовой угрозы» следует учитывать, что постоянно вооружённый острой палкой зверь предельно опасен прежде всего для себя и ближайшего окружения, поскольку не располагает инстинктом, ограничивающим безопасное применение столь эффективного оружия. Особую опасность острые палки представляет для детей, которые склонны использовать их без всякого разума во время игры, ссор, поэтому здесь на первый план выступает культивирование сознания, сочувствия, сострадания, причём в самом раннем возрасте. Взрослого самца, вооружённого копьём, воспитывать поздно. Весь опыт приручения животных свидетельствует, что приручать хищников безопасно только в младенчестве. С учётом всего сказанного становится очевидным, что культивирование альтруизма

матерями становится главным фактором борьбы за выживание не только младенцев, но и всего социума, а альтруизм, человечность являются главными жизненными и культурными ценностями уже на самой ранней стадии антропосоциокультурогенеза.

Материнский инстинкт и материнская предусмотрительность должны были произвести революцию в воспитательном процессе, чтобы сохранить потомство. Следует заметить, что матери способны культивировать не только родственный альтруизм, связанный с взаимоотношениями между родственниками, но и реципрокный — направленный на неродственных представителей своего вида. Более того, они могут научить своих чад заботиться о самых различных существах и растениях. Очевидно, что любые новации в процессе культивирования альтруизма гармонизируют отношения в социуме, что способствует пропаганде и укоренению этих новаций. Это укоренение обеспечивает формирование и воспроизводство человеческого общества, а также человеческой культуры, как навыков быть человеком, членом человеческого общества.

Навыки быть человеком, членом человеческого общества не совпадают с технологическими познаниями, технической, энергетической, информационной оснащённостью человека. Технократическая доктрина, побуждающая делить людей на охотников, собирателей, рыболовов, земледельцев, скотоводов, не содействует осмыслению таких понятий, как человечество, человеческая культура, их истоки, их история. Под влиянием глубокой переоценки ценностей западной цивилизации в период после Второй мировой войны антропологи всё чаще отказывались от евроцентризма и пропагандировали культурный релятивизм — относительность ценностей каждой культуры. Познать абсолютную ценность

любой культуры можно с учётом её роли в культивировании альтруизма, человечности.

Воспитание человека радикально отличается от воспитания животных. *«Животные побуждают своих детенышей во время игры, демонстративного поведения пускать в ход зубы, когти, копыта, рога по всякому поводу и без повода. Они инстинктивно чувствуют, что только таким образом их чада смогут добиться достойного места в жизни. Совсем несложно представить, чем закончится подобное воспитание, если животное обзаведется оружием, которое не рассчитано на детские игры, на использование при дележе добычи, при ссорах. Уже первый опыт введения в культуру такого оружия не мог не вызвать трагических последствий. Именно трагизм этого опыта, систематическая гибель детей (а вовсе не орудия, которые абсолютно безучастны к человеческим проблемам) побудили матерей пропагандировать технику безопасности, а также воспитывать людей, а не зверей. Есть все основания полагать, что уже первые антропоиды, которые сумели обезопасить себя от грозных хищников посредством копья, были в полном сознании и настолько человечны, что не пытались решать бытовые проблемы посредством оружия»* [Воронцов, 2010, с. 138].

О том, что появление смертоносного оружия у наших далёких предков могло иметь самые катастрофические последствия для них, уже давно пишут проникательные исследователи. Так, например, советско-российский историк, философ и этнолог Ю.И. Семёнов в своей книге «Как возникло человечество» пишет: *«Драки в стадах предлюдей были не только более частыми, чем у обезьян, но и носили более жестокий характер. Обезьяны в большинстве своём являются растительноядными животными. Единственными орудиями, которые они пускают в ход во время драк, являются*

руки, ноги, зубы. Предлюди были хищниками, владевшими искусством убивать довольно крупных животных дубинами из дерева, кости и камня. Несомненно, что эти орудия они должны были пускать во время драк между собой. Использование дубин и камней в драках имело следствием серьёзные ранения и нередко вело к смертельному исходу» [Семёнов, 1966, с. 132]. Появление у предлюдей эффективного вооружения способствовало их озверению, превращению в кровожадных хищников, а также вело к расцвету зоологического индивидуализма и представляло реальную угрозу их существованию. Эта угроза сохранялась и при их раздельном, и при их совместном проживании.

«Непрерывные, непрекращающиеся драки в стаде предлюдей подрывали систему доминирования. Последняя не столько существовала в стае предлюдей, сколько ломалась, нарушалась, перестраивалась. Зоологический индивидуализм в стаде предлюдей достиг своего наивысшего развития и подрывал сам себя, ибо в большей и большей степени становился угрозой самому существованию предлюдей» [Там же. С. 133]. Вопреки заверениям Семёнова, зоологический индивидуализм не мог подорвать сам себя. Подорвать его мог только зоологический альтруизм, который был введён в культуру и породил антропосоциокультурогенез, истоки которого коренятся не в умении производить оружие, а в культивировании способности сочувствовать, сострадать, не использовать естественное и искусственное оружия при дележе пищи, самок, во время игр, при выяснении отношений. Эту способность, без которой немислимо даже сообщество каннибалов, могли ввести в культуру только матери — существа, которые от природы склонны к альтруизму. Абсолютная ценность этой культуры, её непреходящее значение более чем очевидны.

Регулярно используя заострённые палки, «недочеловеки» могли только усугубить своё положение, положение своего стада, попавшего в критическую ситуацию. Есть все основания полагать, что уже первые антропоиды, которые регулярно применяли палки-копалки (копья), были настолько человечны, что не пытались выяснять отношения посредством оружия. Как показали исследования [Марков, 2009; Levjoy, 2009], на путь «общественного договора» вступили еще ардипитеки. Ардипитек (*Ardipithecus ramidus*) — один из самых ранних австралопитеков, который жил в раннем плиоцене примерно 5,8–4,4 млн. лет назад. Ардипитек имеет много общего с африканскими обезьянами, шимпанзе и гориллами, однако у самцов этого вида клыки не крупнее, чем у самок, а значит, они взаимодействовали друг с другом менее агрессивно, чем, например, современные шимпанзе (у их самцов клыки существенно большего размера), то есть имели какие-то иные способы решения социальных проблем. Далее в линии, ведущей к человеку, клыки уменьшаются еще более, что, возможно, свидетельствует о дальнейшем развитии механизмов, позволивших уменьшить уровень внутривидовой агрессии, в том числе, вероятно, и коммуникационных.

Первобытный социум, в котором все вооружены, влачат полуголодное существование и в совершенстве владеют смертоносным оружием, не может функционировать без воспитательного процесса самого высокого уровня. Сытым обществам не известна и сотая часть табу, воспитательных приёмов, которые культивируются и практикуются в архаичных социумах. Исторический опыт свидетельствует, что профанация воспитательного процесса, кризис моральных устоев являются грозными предвестниками заката цивилизации. Известный российский специалист по педагогической

антропологии Б.М. Бим-Бад по этому поводу пишет следующее: *«Или воспитание решит величайшую по значимости задачу — помочь человеку в становлении сознания служения высшим целям и долга перед человечеством, или мир погибнет в позорных и грязных муках»* [Бим-Бад, 1998, с. 249].

Воспитательный процесс позволили нашим предкам не только выжить, но и продемонстрировать чудеса воспитанности. Над фантазёрами, подчёркивающими свирепость наших далёких предков, восхваляющими успехи цивилизации и замышляющими в тиши кабинетов самые страшные преступления против человечности, очень едко посмеялся З. Фрейд. В своей работе «Мы и смерть» он писал: *«В некотором смысле первобытный человек сохранился донныне и предстаёт нам в облике примитивного дикаря, который недалеко ушёл от первобытных людей. Теперь вам естественно будет предположить, что этот дикий австралиец, житель Огненной Земли, бушмен и т. д. убивает всех без раскаяния. Но вы заблуждаетесь, дикарь в этом отношении чувствительней цивилизованного человека, во всяком случае, до тех пор, пока его не коснется влияние цивилизации. После успешного завершения свирепствующей ныне мировой войны победоносные немецкие солдаты поспешат домой к жёнам и детям, и их не будет удерживать и тревожить мысль о врагах, которых они убили в рукопашном бою или дальнобойным оружием. Но дикарь-победитель, возвращающийся домой с тропы войны, не может вступить в своё селение и увидеть жену, пока не искупит совершённых им на войне убийств покаянием, подчас долгим и трудным»* [Фрейд, 1994, с. 20]. Традиционная культура побуждает замаливать не только убийство врага. Даже убийство животного или порубка живого дерева в традиционных обществах считается грехом и требует искупления.

Цивилизация огрубляет чувства даже у элиты. «Золотой молодёжи» глубоко чужды мораль и стыд. Российский этнограф В.И. Иохельсон (1855–1937), которому довелось изучать культуру юкагиров, считавшуюся самой архаичной на территории Российской империи, писал: *«Надо действительно удивляться стыдливости примитивного племени, семейная и общественная жизнь которого ещё протекала в условиях каменного века. От столкновения именно с более культурными народностями, якутами и русскими, стыдливость понизилась у юкагиров. Якут не знает стыда, говорят юкагиры. Древние же юкагиры, говорят последние в своих преданиях, помирали со стыда»* [Иохельсон, 1922, с. XIII]. Весьма и весьма сомнительно, что обработка камня, бронзы, железа инициировала стыд.

У исследователей отсутствует единство взглядов на причины, вызвавшие к жизни у предков человека бипедию (прямохождение), редукцию волосяного покрова, гоминизацию челюстной системы. При анализе истоков бипедии, а также редукции волосяного покрова следует учитывать целый ряд обстоятельств, который до сих пор игнорируется исследователями. Когда у обезьяны рождается детёныш, он рефлекторно сжимает всеми четырьмя конечностями шерсть на теле матери и повисает под её грудью, спиной книзу. В таком состоянии детёныш пребывает, когда спит и когда бодрствует, когда ест и когда оправляется. Исконная среда обитания детёныша обезьяны становится предельно опасной при систематическом использовании его матерью палки-копалки. В работе «О природе вещей и педагогической археологии» впервые показано, что *«перемещение на четырёх конечностях с зажатой в руке острой палкой требует крайней предусмотрительности и очень быстро приводит к трагическим последствиям»* [Воронцов, 2009, с. 35]. При введении в

культуру заострённой палки материнский инстинкт, забота о младенцах должны были побудить матерей освоить бипедию, причём вне зависимости от среды обитания. Нет ничего удивительного в том, что развитие прямохождения у гоминид намного опережало другие «человеческие» признаки и было свойственно уже некоторым представителям общего предка человека и шимпанзе.

Молекулярно-генетический анализ показал, что линии шимпанзе и человека разошлись приблизительно 7 млн лет назад. В 2001 г. близ озера Чад были найдены останки существа, которое, вероятно, является разновидностью общего предка [Brunet et al., 2002]. Оно получило название сахелантроп (*Sahelanthropus tchadensis*). Еще один представитель общего предка — оррорин (*Orrorin tugenensis*), найден в Кении в 2000 г. [Pickford M., Senut B., Gommery D. et Treil J., 2002]. Оба примата явно имели склонность к двуногому хождению, на что указывает сдвинутое вперед затылочное отверстие сахелантропа и строение бедра оррорина (у последнего череп не сохранился). Это свидетельствует о том, что двуногость — это очень древний признак, чуть ли не исходное свойство определенной линии гоминид, который мог инициироваться использованием заострённой палки. Традиционную теорию, связывающую прямохождение с переходом к наземному обитанию, эти находки опровергают. Оба примата были обитателями сухих вечнозелёных лесов. Есть все основания полагать, что во время лесных пожаров они не только познакомились, но и ввели в культуру палку-копалку, которая позволяла добывать растительную и животную пищу, а также отбиваться от лесных хищников на земле и деревьях. Конституция этих приматов свидетельствует, что бипедия ещё не стала для них основным средством перемещения.

Надо сказать, что прямохождение породило другую проблему. Экскременты младенца, переносимого на руках, пачкали руки матери, её грудь и сосцы. Впитываясь шерстяными покрывалами матери и ребёнка, кал, моча, рвотные выделения притягивали рои мух и других переносчиков болезней, а также служили ориентиром для хищников. Очевидно, что более короткошёрстные матери имели больше шансов сохранить потомство. Это не могло не привести к редукции волосяного покрова. Проблемы, связанные с гигиеной, могли стимулировать переход освоивших бипедию приматов к обитанию в открытых местах, вблизи источников воды.

Лесные пожары случаются не часто, что побудило наших предков к искусственному воспроизведению заостренных палок. Этнографические наблюдения неоспоримо свидетельствуют о том, что первобытные люди с помощью зубов ухитряются обрабатывать различные материалы, а также откручивать гайки, вскрывать консервные банки и т. д. Так, например, Я. Линдبلاد в своей книге «Человек — ты, я и первозданный» свидетельствует, что современные индейцы окурило своими зубами *«очищают сучья от коры, обрабатывают заготовки для топорищ»* [Линдبلاد, 1991, с. 181]. Подобного рода факты отнюдь не мешают механицистам насаждать предрассудок, согласно которому камни были первыми орудиями, позволившими обрабатывать другие материалы. Так, например, Ю.И. Семёнов утверждает, что *«единственно подходящими для обработки дерева орудиями могли быть лишь каменные»* [Семёнов, 1966, с. 142].

Судить об умственном прогрессе и регрессе антропоидов не по каменным орудиям, а по их челюстям, зубам есть много оснований. Дело в том, что челюстно-лицевые органы непосредственно связаны с черепной коробкой. Отношение между объемом головы и объемом тела у человека и горил-

лы примерно одинаково, поэтому большой объём черепной коробки у человека является следствием миниатюризации его челюстно-лицевых органов. Миниатюрная, подвижная, с рядами ровных зубов челюстно-лицевая система человека позволяет развивать огромные перекусывающие усилия и легко перегрызать грубые волокнистые материалы. Гипертрофию челюстно-лицевых органов антропологи не без основания рассматривают как дегенеративный признак.

Причины радикальной перестройки челюстной системы до сих пор являются загадкой для исследователей. Обратившись к коэволюции в рамках экосистемы «мать-дитя», можно успешно решать проблемы, связанные не только с бипедией и редукцией волосяного покрова, но и с гоминизацией челюстной системы.

Рефлекторное использование челюстно-лицевых органов при переходе к потреблению грубого подножного корма должно было породить массу проблем. Особые проблемы возникали у детей. Перегрызать грубые волокна им мешали не только выступающие клыки, но и смена зубов. **Переживая** за своих чад, матери были вынуждены были готовить для них пищу, **пережёвывая** корм. Жизненная важность этого процесса подтверждается тем фактом, что во многих языках слова **проживать** и **прожевать** имеют одинаковое или близкое звучание. «Так, например, в татарском языке *жить* — 'яшәү', *есть* 'ашау'; в латинском языке *esse* 'есть (кушать)', 'быть в наличии'; в китайском языке *shì* 'кушать', 'быть'» [Воронцов, 1990, с. 94,95].

Еда способствует не только **единению** матери и ребёнка, но и порождает заботу матери о наружности (вооружении) своей и своих чад, а также инициирует выработку представлений о прикусе, вкусе. Челюстно-лицевые органы даны человеку от природы, однако уже очень давно опытные мама-

ши с помощью нехитрых технологий научились радикально влиять на форму челюстно-лицевых органов младенцев. Именно древние обычаи трансформировать с помощью тугих повязок, вкладышей, подпиливания клыков наружность детей побудила современных стоматологов развивать соответствующую технику. На чисто лингвистическом материале в работе «Название цен в разносистемных языках» [Воронцов, 1990] раскрыта фундаментальная роль зубов в формировании представлений о ценности. Естественные ожерелья из зубов не только крошили, но и красили, поэтому *«зубы имели самое непосредственное отношение к искусству, к формированию художественного вкуса, художественных ценностей»* [Там же. С. 98]. В работе «К вопросу обоснования и исследования палеопсихологии человека» показано, что именно *«забота о детях побудила матерей ввести в культуру наружность, разработать критерии красоты, которые, начав регулировать половую активность, вывели процесс эволюции из-под контроля естественного отбора. В этой связи глубоко ошибочны попытки рассматривать эволюцию челюстно-лицевых органов человека, игнорируя родительский инстинкт, родительскую заботу о наружности детей. Такие древние обычаи, как трансформация челюстей, выбивание, подпиливание клыков при инициации могут получить разумное объяснение в свете этих фактов»* [Воронцов, 1994, с. 48].

Процесс введения в культуру челюстно-лицевых органов нашёл детальное отражение в чудесных сказках, мифах, которые зачастую рассматриваются в качестве плодов безудержной фантазии наших предков. В свете подлинного историзма чудесные орудия, а также «предания старины глубокой» перестают казаться надуманными. Так, например, стоматология позволяет обнаружить орудия, способные по-

ражать даже небо (нёбо). Именно эти снаряды чаще всего побуждают обращаться за медицинской помощью.

Функционирование и центры произрастания древнейших рубил, позволяющих кушать (рубать), интересуют не только стоматологов, но и матерей: когда у ребёнка режутся зубы, он становится нервным, у него пропадает аппетит и поднимается температура. Одиночные зубы могут прокусывать грудь кормящей матери. Они доставляют массу проблем старикам и старухам. Именно они породили представления об упырях (упорах), которые ворочаются во мгле (могиле), вылезают из могилы. Следует заметить, что покусанные упырями их владельцы также считались упырями. Губы этих упырей могут быть окрашены кровью даже во время сна. Это породило массу предрассудков, посеявших многовековой ужас: издревле зародилась убеждённость, что подобные упыри также могут покидать могилу. Вот как описывает этот процесс Н.В. Гоголь в своей повести «Страшная месть»: *«Пошатнулся третий крест, поднялся третий мертвец. Казалось, одни только кости поднялись высоко над землею. Борода по самые пяты; пальцы с длинными когтями вонзились в землю. Страшно протянул он руки вверх, как будто хотел достать месяца, и закричал так, как будто кто-нибудь стал пилить его желтые кости...»* [Гоголь, с. 154].

Борьба с упырями породила множество технологий, обрядов, связанных с выбиванием, подпиливанием зубов, которые до сих пор ассоциируются в первобытных сообществах. К разряду упырей относится также вепри. Выпирающие изо рта хрюшек крючки приводят к засечке губ при питании и мешают им набирать вес, поэтому традиционно ведётся борьба и с этими упырями путём выбивания и подпиливания клыков.

Забота о совершенстве естественной орудийной системы в большей мере способствует развитию художественного вкуса, интеллекта, форм общения, чем фабрикация каменных рубил. В настоящее время твёрдо установлено, что тип каменных орудий не имеет жесткой связи с эволюционным процессом. Так, например, олдувайские орудия делали и *Homo habilis*, и *Homo ergaster*, и *Homo erectus*. Более того, есть основания считать, что их творцами были австралопитеки. Не связана фабрикация каменных орудий и с началом антропосоциокультурогенеза.

Пренебрежительное отношение к подлинным человеческим рубилам сыграло злую шутку над антропологами. В 1953 году произошло событие, которое нанесло сокрушительный удар по профессиональной репутации ведущих антропологов. Выводы трех независимых экспертиз, опубликованные Британским музеем, неоспоримо свидетельствовали о том, что некий злоумышленник подбросил обезьянью челюсть с подпиленными зубами в раскоп, а доверчивые антропологи умудрились скомпоновать её с черепом современного человека, который, по всей видимости, также был подброшен в данный раскоп злоумышленником. На протяжении 40 лет эта химера, названная по месту находки пилтдаунский человек, всерьёз воспринималась антропологами. Практически каждая книга, посвященная происхождению человека, содержала раздел о пилтдаунском человеке. Раскоп в Пилтдауне был объявлен «национальным монументом» Британии.

Надо сказать, что третировать антропологов как абсолютных игнорантов в науке начали не депутаты и не пресса. За несколько лет до разразившегося скандала дантист Т. Марстон развернул кампанию по дискредитации пилтдаунской подделки. Представитель самой мудрой науки прекрасно разбирался в исходной человеческой орудийной

системе. Скандал с пилтдаунской подделкой побудил антропологов обратить самое серьёзное внимание на исходные орудия, снасти, ценности приматов. В современной антропологии большим авторитетом пользуется «Антропологическая одонтология», называемая также «Dental antronology» — зубная антропология. Эта наука играет важную роль при анализе палеонтологических находок. Так, например, долгое время многие исследователи не признавали австралопитеков гоминидами. В 50-е годы глава английских анатомов Ле Гро Кларк (1895-1971) решил раз и навсегда решить данную проблему. Он составил список, содержащий одиннадцать явных и постоянных отличий зубной системы человека и человекообразных обезьян. Проанализировав костные останки австралопитековых, Кларк установил, что их челюстные системы сближают их с человеком, а отнюдь не с обезьянами. Так сугубо биологические критерии позволили навсегда перечеркнуть сомнения в том, что австралопитеки были именно гоминидами, а не некой разновидностью прямоходящей обезьяны.

Прямохождение отнюдь не исключает гибели или травмирования младенца, если вместе с ним на руках у матери оказывается заточенная палка. Наличие на руках матери младенца и палки крайне затрудняет сбор и транспортировку пропитания. Дети, которых надо вести за руку, также затрудняют поиск, сбор и транспортировку пищи. Решить данную проблему можно только путем разделения труда. Оставив малолетних детей на попечении профессиональных воспитателей можно обеспечить их безопасность и более эффективно добывать пропитание. Осознав это, матери смогли доверить свои главные сокровища (детей) профессиональным воспитателям, в качестве которых стали выступать опытные матери: пожилые самки. Таким

образом родительский инстинкт, страх за детей «возвели стену» между смертоносным оружием и несмышлёными младенцами.

Классики марксизма считали, что появление науки и искусства обеспечило разделение труда, причём: *«Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда»* [Маркс, Энгельс, 1955, с. 30]. Это разделение они связывали с эпохой рабовладения. Между тем есть все основания полагать, что *«разделение труда на чисто физический, связанный с заготовкой пропитания, и духовный, связанный с воспитанием, произошёл на самой ранней стадии антропосоциокультурогенеза. Это разделение вызвало к жизни широкий спектр культурных феноменов, свойственных человеку, включавшего науку и искусство. Профессиональная забота о младенце должна была породить медицину — осмысленную заботу о здоровье. В рамках самой первой, и самой мудрой науки должны были развиваться семиотические (моделирующие) системы, способные отразить всё, что воздействует на человека. Посредством этих систем появилась возможность развивать технику безопасности, культивировать нравственность»* [Воронцов, 2018, с. 57]. Важнейшую роль изначально играл язык жестов, который до сих пор используется в образовательных и воспитательных целях и позволяет указывать, показывать, руководить, демонстрировать размеры, числа, сроки и т. д.

Разделение труда на физический и духовный не могло не привести к материальному и духовному обмену. Надо сказать, что старые опытные матери учили и учат не только детей. Именно от них молодые матери перенимали и перенимают искусство ухода за детьми, умение обучать их язы-

ку, ходьбе, танцам и т. д. Старые матери в очень отдалённую эпоху начинают выполнять идеологические и культурологические функции. Они становятся хранительницами очага.

Разделение труда, связанного с воспитанием детей, способствовало не только зарождению науки, искусства, но и укреплению кровнородственных связей. Дело в том, что матери чисто психологически легче оставить младенца или малолетних детишек на попечение своей матери, сестры, дочери. В традиционных обществах ребёнок в 7-8 лет часто сам становится воспитателем младших сестёр и братьев. **Приучение мальчиков к уходу за другими играет главную роль в преодолении врождённой бесхозяйственности, социальной безответственности представителей мужского пола, что крайне важно учитывать при рассмотрении истоков антропосоциокультурогенеза.**

По всей видимости, именно усовершенствование воспитательного процесса привело к организации долговременных наземных стоянок. По поводу этих стоянок Дж. Кларк в книге «Доисторическая Африка» пишет следующее: *«Базовая стоянка является одной из наиболее важных характерных черт образа жизни ранних гоминид, поскольку она представляет место длительного, хотя и временного обитания»* [Кларк, 1997, с. 65–67].

Надо сказать, что объединения матерей существуют и у современных шимпанзе. У авторов книги «Биология человека» по поводу различных группировок у шимпанзе говорится: *«Анализ показал, что чаще всего встречаются группы четырех типов. Это, во-первых, группы взрослых самцов, не включающие самок и молодых животных; во-вторых, группы матерей, состоящие из самок с детёнышами, но без "подростков" и бездетных матерей (иногда с примкнувшим к ним пожилым самцом); в-третьих, группы, объединяющие*

взрослых животных обоего пола, а часто и самок в период эструса, но не подростков; и, наконец, смешанные группы из животных обоего пола и любых возрастных классов» [Харрисон и др., 1979, с. 115–116]. Сложность структуры этого социума в решающей степени обусловлена не процессом добывания пищи и особенностью защиты от окружающих врагов, а особенностями животноводческой деятельности, связанной с уходом за молодняком, осеменением, вынашиванием плода. Так, например, в условиях совместного проживания подростки могут лишать сна младенцев. Они также могут расхищать заготовленную для малышей пищу. Это требует их отделения. Отдельное проживание желательно и для беременных самок, особенно на последних стадиях беременности. Их стоны также могут нарушать сон младенцев. В составе этой группы терпимы только пожилые самцы, которые могут отгонять навязчивых подростков, а также подкармливать не способных заниматься сбором пищи самок.

Именно на основе групп матерей, воспитывающих младенцев, должны были возникнуть первые материнские коммуны, обеспечившие пропаганду альтруизма, родительского чувства, что придало процессу воспитания принципиально иной характер. Коллективное воспитание позволяет не только выявлять детей с явными психическими отклонениями, но и стимулирует их отсев. Матери, боясь за своих чад, всегда найдут повод и средство избавить общество от психопата. Дети видят отношение взрослых к подобного рода субъектам, что, безусловно, способствует их самоконтролю, самосознанию. Коллективное воспитание уже на самой ранней стадии антропосоциокультурогенеза положило предел зоологическому эгоизму, зоологическому индивидуализму. Взрослые самцы, приобщённые к альтруизму в материнских

коммунах, могли принимать всё большее участие в воспроизводстве людей, человеческого общества.

Исследователей уже давно волнует проблема обуздания полового инстинкта, без решения которой становление человеческого общества весьма и весьма проблематично. По этому поводу высказываются самые различные догадки, которые зачастую не обременены фактами. Предлагаемый взгляд на антропосоциогенез позволяет решать эту проблему фактически. Вот, например, что пишет по поводу половой активности женщин у народов первобытной культуры Я. Линдблад: *«Во время беременности и по меньшей мере год-два после рождения ребёнка женщина, как правило, не просто равнодушна к сексу, а скорее противится ему! У племени кунг выявлен важный фактор, сдерживающий сексуальную активность: женщина дает ребёнку грудь, приостанавливая тем самым овуляцию, долго после того, как кончилось молоко. Сознательно или бессознательно — это избавляет её от дополнительных тягот. Она не может одновременно ухаживать за двумя детьми, не может, таская за собой двух малюток, собирать растительную пищу и выполнять прочие обязанности. Будь она непрестанно заманчивым сексуальным партнёром, ей был бы обеспечен гораздо более высокий социальный статус»* [Линдблад, 1991, с. 175]. Таким образом материнский инстинкт способен поставить под контроль половой инстинкт, разрушающий женскую комму-
нуну.

Литература

Алексеев В.П. История первобытного общества / В.П. Алексеев, А.И. Першиц. — М.: Высш. шк., 1990. — 351 с.

Антропология: Учеб. для студ. выс. учеб. заведений / В.М. Харитонов, А.П. Ожигова и др. — М.: Владос, 2003. — 272 с.

Бляхер Л.Я. Курс общей биологии. М. — Л.: Биомедгиз, 1935. — 553 с.

Воронцов В.А. Название цен в разносистемных языках // Двухязычие: типология и функционирование. — Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. — 1990. — С. 94–98.

Воронцов В.А. К вопросу обоснования и исследования палеопсихологии человека // Природа психического: тезисы докладов. — Пермь, 1994. — С. 47–48.

Воронцов В.А. «Слово о полку Игореве» в свете историзма. — Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2007. — 387 с.

Воронцов В.А. О природе вещей и педагогической археологии. — Казань: Intelpress+, 2009. — 235 с.

Воронцов В.А. Мировоззрение «золотого века» и его истоки // Философия и общество. — 2010. — № 3. — С. 130–148.

Воронцов В.А. К вопросу о движущих силах антропо-социокультурогенеза // Вестник экономики, права и социологии. — 2012. — № 1. — С. 136–140.

Воронцов В.А. Антропосоциокультурогенез в свете генерализующей теории // Философская антропология. — 2016. — Т. 2. — № 1. — С. 23–41.

Воронцов В.А. Истоки искусства в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза. — Казань: Центр инновац. технологий, 2018. — 304 с.

Гоголь Н.В. Страшная месть // Н.В. Гоголь. Собр. соч.: В VI т. — М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. — Т. I. — С. 150–190.

Дарвин Ч. Сочинения: В 9 т. М. — Л.: Биомедгиз, 1953. — Т. 5. — 1040 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.И. Иохельсоном. — С.- Петербург: Тип. Имп. АН, 1900. — Ч. 1.

Ирвин У. Дарвин и Гексли. — М.: Молодая гвардия, 1973. — 464 с.

Казначеев В.П., Трофимов А.В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космопланетарной экологии. — Новосибирск: Наука, 2004. — 312 с.

Каутский К. Этика и материалистическое понимание истории. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 133 с. (Серия «Размышления о марксизме»).

Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. — М.: Директ-Медиа, 2011. — 585 с.

Ламберт Д. Доисторический человек: Кембриджский путеводитель / пер. с англ. — Л.: Недра, 1991. — 256 с.

Леви-Строс К. Первобытное мышление. — М.: Республика, 1994. — 384 с.

Линдبلاد Я. Человек — ты, я и первозданный / пер. со швед. — М.: Прогресс, 1991. — 259 с.

Марков А.В. Происхождение и эволюция человека. Обзор достижений палеоантропологии, сравнительной генетики и эволюционной психологии. — 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://macroevolution.narod.ru/markov_anthropogenes.htm (Дата обращения: 04.12.2010).

Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. — Т. 23. — 907 с.

Маркс К. Философско-экономические рукописи 1844 года // К. Маркс К., Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1974. — Т. 42. — С. 41–44.

Менчиков Г.П. Основы антропологии: Традиции и новации. — Казань: РИЦ «Школа», 2006. — 240 с.

Мид М. Отцовство у человека — социальное изобретение // Семья: Книга для чтения: В 2. кн. — М.: Политиздат, 1991. — Кн. 1. — С. 205–221.

Мосс М. Техника тела // Общества, обмен, личность. — М.: Наука; Глав. ред.вост. лит.-ры, 1996. — С. 242–263.

Северцов А.С. Введение в теорию эволюции. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 318 с.

Семенов Ю.И. Как возникло человечество. — М.: Наука, 1966. — 576 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, Универс, 1993. — 656 с.

Сергеев Б.Ф. Как мозг научился думать. — М.: Цитадель, 1995. — 296 с.

Тимирязев К. Чарлз Дарвин и его учение. — М.: ОГИЗ, 1935. — 199 с.

Уоллес А. Дарвинизм. Изложение теории естественного отбора и некоторых из её приложений // Пер. с англ. — М.: Изд. М.С. Сабашниковых, 1911. — 575 с.

Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Максимов В.И. Педагогическая антропология. — М.: АCADEMA, 2001. — С. 76–196.

Фоули Р. Ещё один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека / пер. с англ. — М.: Мир, 1990. — 368 с.

Фрейд З. Недовольство культурой // З. Фрейд. Психоанал-из. Религия, Культура. — М.: Ренесанс, 1992. — 100 с.

Фрейд З. Мы и смерть. — СПб.: Вост.-Европ. инст. психоанализа, 1994. — 25 с.

Фридман Э.П. Занимательная приматология. — М.: Знание, 1985. — 190 с.

Энгельс Ф. Диалектика природы. — М.: Огиз. Госполитиздат, 1941. — 339 с.

Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. — 1971. — Вып. № 10. — С. 193–213.

Brunet *et al.* A new hominid from the Upper Miocene of Chad, Central Africa // Nature, 2002. — 418(6894). — P. 145–151

Butovskaya M. L. The Evolution of Human Behaviour: The Relationship Between the Biological and the Social // Anthropology. — 2000. — V. 38. — № 2. — P. 169–180.

.Lovejoy C.O. Reexamining human origins in light of *Ardipithecus ramidus* // Science. — 2009. — Vol. 326. — No. 5949. — P. 74–74.

Pickford M., Senut B., Gommery D. *et Treil J.* Bipedalism in *Orrorin tugenensis* revealed by its femora // C.R.Palevol, 2002, — V. 1. — P. 191–203.

2. ИСТОКИ ЯЗЫКА И ЕГО СВЯЗЬ С МАТЕМАТИКОЙ

*И задрожит в руке твоей
Первоначальной жизни слово.
Я. Полонский*

Со времён древних греков высказано множество взглядов на происхождение языка (глоттогенез), однако общепринятая концепция глоттогенеза до сих пор отсутствует. Способность грамматического искусства постигать природу языка всегда вызывала сомнения. Эти сомнения не исчезли, когда компаративистика придала грамматическому искусству наукообразную форму. Посещали эти сомнения и ведущих компаративистов в эпоху наибольших успехов компаративистики. Вот, например, что говорится по этому поводу в книге «Очерки по истории лингвистики»: *«Целый ряд видных языковедов конца XIX и начала XX в. заявляли, например, что лингвистика не может заниматься, скажем, проблемой происхождения языка, что этой проблемой должны заниматься философы. Задача же лингвистов заключается в том, чтобы описывать и систематизировать языковые факты. Эти мысли особенно категорично высказывал один из виднейших представителей младограмматизма — Г. Пауль»* [Амирова и др, 1975, с. 479]. Обосновывая подобный взгляд, известный французский лингвист Ж. Вандриес (1875–1960) в своей книге «Язык» писал: *«Проблема происхождения языка лежит вне его (языковеда) компетенции. В действительности эта проблема сливается с проблемой происхождения человека и с проблемой человечества»* [Вандриес, 1937, с. 20–21].

Всё чаще исследователи говорят о необходимости комплексного подхода при решении проблемы глоттогенеза. Вот

что пишет по данному поводу автор книги «К истокам языка» О.А. Донских: *«К истокам языка нас ведут археологи, антропологи, этологи, лингвисты, этнографы, философы и пр. Но сколько-нибудь полного представления о возникновении языка ни один из них дать не может. Все они, профессионально рассуждая в рамках своего предмета, многое за этими рамками вынуждены принимать на веру, причем без достаточного на то основания»* [Донских, 1988, с. 11]. Комплексное решение проблемы глоттогенеза возможно лишь в рамках общей теории антропосоциокультурогенеза. Отсутствие общепринятого взгляда на истоки человека, общества, культуры порождает взаимоисключающие суждения и об истоках языка.

Широко распространено мнение о чрезвычайной удалённости эпохи, когда зарождался язык. Авторы книги «Происхождение знакового поведения», выражая широко распространённое в науке мнение, пишут: *«Время, когда у человека или его эволюционных предшественников зарождалось и складывалось знаковое поведение безвозвратно ушло в прошлое»* [Шер и др. 2004, с. 8]. Между тем, ещё Лукреций Кар протестовал против отчуждения глоттогенеза. В своей поэме «О природе вещей» он писал:

*«Невелико тут различие с тем, что и ныне мы видим.
Именно: немогущество речи детей заставляет прибегнуть
К телодвижениям и на предметы указывать пальцем»*

[Лукреций, 1933, с. 146].

Сходный взгляд на истоки языка высказывал и Г. Лессинг (1729-1771) в своём труде «О происхождении языка». Он писал: *«Первый человек мог быть научен языку: он мог к этому прийти так же, как сейчас к этому приходят все дети»* [Лессинг, 1971, с. 50].

В 1644 выходит в свет книга английского врача Дж. Балвера (1606–1656) [Bulwer, 1974], в которой нашли отражение жесты, связанные с самыми разными сферами человеческой деятельности: риторика, медицина, психология, педагогика, искусство, физиогномика, хирология и хиромантия. По Балверу, именно язык жестов является естественным, в отличие от придуманного звукового языка, и уже потому достоин самого серьёзного изучения. Вслед за Балвером многие стали считать язык жестов универсальным, избежавшим «Вавилонского смещения языков». Этот язык прост в использовании, нагляден и удобен в общении, поэтому его все знают и понимают, а звуковые языки породили разноязычие, отчуждённость, войны. Это разноязычие, согласно библейскому учению, наказание Божие. Не следует думать, что подобный взгляд на звуковые языки канул в Лету. Вот, например, что пишет по этому поводу И.И. Юзвизин в своей книге «Информациология или закономерности информационных процессов и технологий в микро- и макромирах Вселенной»: *«Известно, что более 95% информации воспринимается человеком зрительно. Через органы зрения информация воспринимается в сотни раз быстрее, чем через слуховые каналы»* [Юзвизин, 1996, с. 175–176]. То, что молчание — золото, свидетельствует весь опыт человечества. Устное слово может помешать не только на рыбалке, охоте. Не случайно в конструкторских бюро царит мёртвая тишина, поскольку любой звук мешает мыслить, творить.

Генерализованная и генерализующая теория антропосоциокультурогенеза позволяет конкретизировать деятельность, породившую глоттогенез, пролить свет на движущие силы и инициаторов глоттогенеза. В свете этой теории язык порождён материнским инстинктом, заботой о детях. Следует заметить, ещё французский философ Э.Б. Кондильяк

(1714–1780) отстаивал подобного рода взгляд на истоки языка. Он считал, что, стремясь понять *«томимого потребностями»* ребёнка, его родители учили *«его сообщать свои мысли жестами и выражаться таким способом, при котором чувственные образы были более доступны ему, чем членораздельные звуки»* [Кондильяк, 1980, с. 185–186].

Кондильяк полагал что звуковой язык вытеснил язык жестов далеко не сразу, и Священное писание дает нам «бесчисленные примеры» бесед на жестовом языке. Ссылаясь на множество странных поступков и действий пророков Кондильяк утверждал, что *«при помощи этих движений пророки извещали народ о воле господ и беседовали знаками. Некоторые люди, не зная, что язык жестов был у евреев общепринятым и обычным способом беседовать, осмелились называть эти телодвижения пророков нелепыми и фанатичными»* [Там же. С. 186–187]. Наблюдательность и проницательность этого философа не может не восхищать.

Широкое распространение языка жестов в традиционных обществах уже давно засвидетельствовано исследователями. Нет оснований отрицать фундаментальной роли этого языка и в жизни цивилизованных людей, для которых он является основным в младенчестве и не только. *«Жесты ребёнка разумны задолго до того, как становится разумной его речь... Он выучивает слова по мере того, как ему их сообщают, и выучивает их при помощи жестов, которым его не обучают. Ещё долго спустя после того, как он освоится с речью, он следит за выражением лица и жестами родителей и няньки, стараясь найти в них объяснение их словам. Эти факты имеют большое значение по отношению к биологическому закону, что порядок развития индивида одинаков с порядком развития вида... Сумасшедшие понимают и повинуются жестам, когда не понимают слов... Доказано так-*

же, что слабоумным детям, способным усвоить лишь самые грубые начатки речи, можно сообщить довольно много знаний при помощи знаков, посредством которых они в состоянии также объясняться. Больные афазией продолжают употреблять соответствующие жесты. У заики приходят в движение руки и черты лица, как будто бы он решился во что бы то ни стало выразить свою мысль, и эти движения выдают не только физическое усилие, но и унаследованный приём употребления жестов» [Леви-Брюль, 1994, с. 198].

Исследователи детской речи обратились к исходному этапу коммуникации с целью найти семантические, грамматические, прагматические и фонологические предпосылки речи в исходных актах общения ребёнка с матерью (рис. 1). Эти акты рассматриваются исследователями в качестве протоязыка. Так, например, психолог и педагог Е.И. Исенина в своей

Рис. 1. Сегущая мать.
Реконструкция В.А. Воронцова

книге «Дословесный период развития речи у детей» пишет: «Протоязык — это смысло-семантическая дословесная система средств коммуникации (физио-, мимио-, кине- и вокознаков), формирующаяся в общении и совместной предметной деятельности ребёнка с матерью, имеющая социальный характер и служащая для коммуникации и выражения чувств, представлении об окружающем мире и о себе, соответствующих уровню психического развития ребёнка» [Исенина, 1986, с. 150].

Мысль о примате языка жестов получила подтверждение в опытах с обезьянами. В 1969 г. в международном журнале «Science» появилась их статья под названием «Обучение шимпанзе языку знаков», в которой американские учёные супруги Р. и Б. Гарднеры сообщали о том, что обезьяны способны использовать язык жестов в качестве средства общения. После подобного рода опытов гипотеза об изначальности языка жестов стала доминирующей в науке.

До появления статьи Гарднеров подавляющая часть исследователей была глубоко убеждена в том, что обезьяну в принципе невозможно научить языку. При этом исследователи руководствовались догматическими представлениями об исконном языке приматов, которые побуждали исследователей предпринимать многочисленные и безуспешные попытки развивать у обезьян речевую активность на основе **без`образного** языка. Организаторы подобных экспериментов, погружавшие бессловесных приматов в звуковую среду, не учитывали тот факт, что обезьяны не склонны к звукоподражанию и любые попытки привить им звуковой язык обречены на провал. Приступая к обучению шимпанзе Уошо жестовому языку Гарднеры полагались на развитую от природы способность обезьяны различать и классифицировать видимые образы. Успехи Уошо превзошли самые смелые ожидания. За три года обучения обезьяна научилась пользоваться 132 знаками американского жестового языка и, кроме того, оказалась способной понимать несколько сот других знаков, с которыми обращались к ней собеседники.

Следует заметить, что жестовый язык легче усваивают не только обезьяны. Так, например, авторы книги «Происхождение знакового поведения» пишут, что *«маленькие дети усваивают жестовый язык легче, чем голосовой. Иконичность, свойственная первому в гораздо большей степени, чем вто-*

рому, — ещё одно свойство, которое могло обеспечить его исторический приоритет. Даже то обстоятельство, что формирование органов речи завершилось на сравнительно поздних стадиях эволюции, иногда рассматривается как косвенное указание на жестовый характер языка в предшествующий период» [Шер и др., 2004, с. 81].

При историческом подходе к проблеме реконструкции исходного языка необходимо учитывать, что он мог быть только безусловным языком, т. е. языком, который понятен всем без всяких условностей. О существовании общепонятного языка говорят не только прозорливые исследователи. О таком языке повествуют мифы разных народов. В работах [Воронцов, 1993, 2008] предложено рассматривать в качестве исходного общечеловеческого языка систему чисто рефлексорных жестов, вызванных болезненными процессами в организме. Есть все основания полагать, что сознательное воспроизводство естественных общепонятных **реакций** организма позволило нашим предкам впервые изрекать (прасл. **rekti** — 'говорить') сознательно и понимать изрекаемое без предварительной договорённости. Именно эти реакции являются сигналами сигналов — второй сигнальной системой. Они лежат в основе медицинской семиотики и позволяют констатировать не только эмоции и больные органы, но и давать оценки различным процессам и явлениям. Исходный язык отличается не только универсальностью, но и неизменностью. Этот язык должен был не только сохраниться без всяких изменений, но и найти детальное отражение во вторичных языках, в мифах и сказках.

Следует ещё раз отметить, что гипотеза о примате жестовой речи, о рефлексорном характере знаков, впервые введённых в культуру, не конкретизируют систему исходного языка. При конкретизации этой системы важно учесть широко

известно высказывание Г. Галилея: *«Природа говорит языком математики: буквы этого языка — круги, треугольники и иные математические фигуры»*. В работах [Воронцов, 1993, 2008, 2012а, б] показано, что не только окружающая, но и человеческая природа говорит на языке математики. Поскольку язык математики является естественным, нет оснований говорить о его изобретении. Можно говорить только о времени и методах введения его в культуру, а также о целях, которые при этом преследовались.

Мысль о том, что человеческая природа говорит на языке математики, что язык математики играет фундаментальную роль в антропосоциокультурогенезе, не получила развития в науке. Между тем роль математики в жизни социумов трудно переоценить. Факты свидетельствуют, что математика стала впервые осознанно использоваться отнюдь не предками человека. Так, например, расшифровка танцев пчёл показала, что в них закодирована геометрическая информация: расстояния, углы (рис. 2). Благодаря этой информации естественный социум оказывается способным консолидировать усилия своих членов в нужной точке с математической точностью. Следует заметить, что способность геометрического моделирования у пчёл не передаётся по наследству, а приобретается в ходе обучения.

Нет оснований считать, что в жизни культурного социума (общества) геометрия менее актуальна, а также полагать, что телесность приматов менее приспособлена для передачи геометрической информации, чем телесность пчёл. Наша конституция позволяет производить измерения и строить геометрические модели разного уровня сложности чисто механически. Так, например, при переносе таза с водой или охапки дров наши руки независимо от нашего сознания измеряют воспроизводят и манифестируют размеры этих объ-

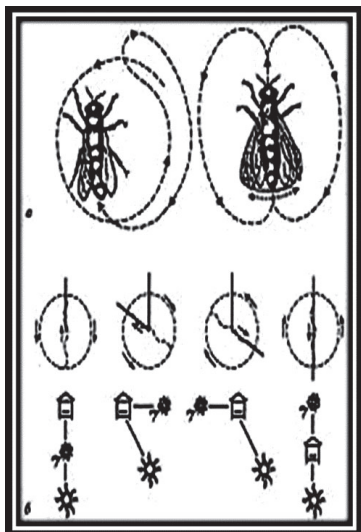

Рис. 2. Семантика
пчелиного танца

Рис. 3. Рукотворный универсум
(космос, матрица, маска).
Реконструкция В.А. Воронцова

ектов. Сильная боль побуждает нас рефлекторно **сетовать**: наносить координатную или **мерную сетку** из пальцев рук (рис. 1, 3) на больное место, чтобы **умерить** боль. Три оси (**оси три**) естественной системы координат образуют **остриё** (**жало**), позволяющее манифестировать **острую** боль. **Жало** и естественная **сеть** породили представление о **жалости**, а также способность рефлекторно и осмысленно **жаловаться** (**жалиться**), путём проецирования системы координат на тело.

Естественные геометрические структуры (рис. 3) позволяют констатировать, структурировать не только эмоции и исходную среду обитания. Они могут проецироваться на другие системы, структурируя, измеряя их. В принципе естественная координатная сеть может покрыть, застить («засетить») весь «белый свет».

Естественная система координат является и членораздельной, и членоразделительной. Она может функционировать без звукового языка, поскольку пальцы пациента подвижны и различным образом реагируют на их надавливание при диагностике. Её использование может также сопровождаться звуковыми сигналами, поэтому первые словеса были и первыми клавишами, позволявшими извлекать звуки из пациента при надавливании на них врачом. Этот **клавиши** можно использовать, наговаривая на себя, а также **клевеща**.

В работах [Воронцов, 2008, 2011] на обширном лингвистическом материале впервые показано, что человеческие **впечатления** изначально были связаны с **печатным** процессом. Отпечатки человеческих ладоней, смоченных в охре археологи склонны относить к древнейшим попыткам что-то запечатлеть. Между тем нет оснований рассматривать охру в качестве древнейшего красителя. Она издревле использовалась для замены естественного человеческого красителя — крови. С помощью крови и естественной кисти (кисти руки) можно получать яркие запоминающиеся образы.

Наша естественная матрица смачивается естественным красителем при попытке зажать кровоточащую рану. Рана, расположенная под рукой (до руки), является естественной друкерной, которой человечество обязано сокровенной печатью, книгами мёртвых, таблицами судеб. С ней связаны «исходные представления о **маете, мете, разметке, математике**» [Воронцов, 2015, с. 116]. Мифы, фольклор многих народов говорит о существовании в глубокой древности удивительных книг, которыми пользовались врачи, волшебники, чародеи, герои, звездочеты и т. д. Чудесные, гадальные, волшебные книги позволяли предсказывать судьбу, распознавать самые сокровенные тайны, а также лечить

людей простым наложением этих книг на раны. Действительно, руки позволяют останавливать кровь, умерять боль, демонстрировать сезоны, месяцы и другие астрономические циклы. Такая демонстрация свойственна не только древним астрономам — звездочётам.

Чудесные книги не хранятся на пыльных полках библиотек, они всегда с нами, они всегда актуальны (рис. 4). Уже малые дети регулярно используют эти книги, чтобы хныкать, а заботливые мамы используют их для приобщения к счёту. Все великие математики и логики учились считать и мыслить не без помощи волшебных книг, существование которых современная наука категорически отрицает.

**Рис. 4. Чудесные (божественные) книги.
Скульптурный фрагмент IX в. Музей в Гвалиоре**

Кровавые оттиски чисто рефлекторно зализываются вместе с ранами. В статье «Проглоченное знание и этнический облик» этнографа Я.В. Чеснова (1937–2014) говорится, что мифы об изначальной письменности, которая была съе-

дена или смыта, широко бытуют у множества бесписьменных народов, а также у народов, которые недавно приобщились к ней [Чеснов, 1990, с. 169–180]. Так, например, дафла, горцы восточной зоны Гималаев, рассказывают: *«Мы получили нашу долю кожи, на которой была записана мудрость мира, но в голодное время мы её съели, а люди равнин свою часть сохранили»* [Чеснов, 1990, с. 170].

В.В. Иванов и В.Н. Топоров в статье «Кетская модель мира» сообщают, что обнаружили в языке кетов комплекс «читать» — «писать» — «бумага» при полном отсутствии следов современной письменности, за исключением пиктографии [Иванов, Топоров, 1972, с. 102].

Кровавые оттиски могут быть получены чисто рефлекторно, что свидетельствует об их глубокой древности. Нет оснований полагать, что сокровенная печать свойственна только людям. *«Пять наших пальцев породили не только первые пятна, но и широчайший спектр понятий, связанных с патовой ситуацией, патогенезом, патетикой, апатией, симпатией, опытом, патентованием и т. д.»* [Воронцов, 2012, с. 117]. **Пятеро** пальцев руки (**пятерня**) являются также первыми **патерами**, **патриархами**, **патронами**, которые заботятся о человеке с первых дней человеческого бытия. Видно, что осмысление, упорядочивание жизненно важного опыта изначально происходило системно в формах, которым присуща универсальность, связь с исходными математическими структурами. Конкретизировать эти формы пытались философы Д. Юм, И. Кант, Э. Кассирер, однако чистое умозрение не позволяет реконструировать математическую природу исходных универсалий. Не догадки исследователей, а наши рефлексy способны пролить свет на истоки рефлексии. Они позволяют воочию увидеть, как наши руки формируют первые универсумы, которые позво-

лили нашим предкам не только обозначить всё и вся, но и прочувствовать, осмыслить свою и чужую боль. Разобравшись в себе, постигнув самый сложный объект во вселенной посредством математики, наши предки сделали столь фундаментальные открытия, что всё новое всегда будет феноменальной пошлостью, давно забытым старым.

В монографии [Воронцов, 2015a], посвящённой истокам медицины, показано, что естественной системы координат, которая рефлекторно наносится на тело, крайне актуальна при диагностике, поскольку позволяет определить больной орган, эпицентр боли, размеры поражённого участка. Эта система позволяет моделировать психические состояния (первую сигнальную систему), а также размечать свой стан даже маленьким детям. Она играет фундаментальную роль при культивировании сочувствия, сострадания, сознания, человечности, поэтому нет оснований утверждать, что первоначальное применение системы координат связано с астрономией и географией, а не с описанием наших внутренних состояний и нашего стана. Есть все основания полагать, что и истоки нумерации связаны с естественной мерной сетью.

Геометрические модели являются не только мощным социализирующим фактором. В народе говорят: «Семь раз отмерь...», поэтому есть все основания считать измерение самой распространённо технологической операцией, лежащей в основе культуры производства. Предварительные геометрические **измерения**, построения позволяют различать сознательные (**намеренные**) и инстинктивные формы труда.

Без умения оценивать и соотносить объёмы понятий невозможно логическое мышление, поэтому геометрия имеет фундаментальное значение не только для культуры чувств, культуры производства, но и для культуры мыслительного процесса. Следует заметить, что во многих языках слова *счи-*

тать и *думать* являются синонимами. Мерить, намереваться, думать, показывать (сказывать) человек учится задолго до приобщения к звуковому языку, производству орудий. Детей учат сознательно сетовать, различать большое и малое, а также оценивать и показывать размеры («вот такой ширины, вот такой ужины...») задолго до приобщения к механическим орудийным системам, их фабрикации. Маленьких детей приучают связывать социальные функции с ростом, возрастом. В 6–7 лет в традиционных обществах дети сами становятся воспитателями, поскольку их потенции позволяют заботиться о младших членах общества. Всё это актуализует попытки связывать истоки математики, истоки сознания не с заботой о камне, бронзе, железе, а с заботой о человеке.

Материнские руки являются первыми машинами, биокомпьютерами, материнскими платами, палатами, в которых мы изначально обитаем, которые мы изначально изучаем. Рукотворный разумный космос, исходные **миры, меры, камеры, размеры, примеры, номера, кумиры, химеры**, манифестируемые матерями в ходе обучения своих чад, неразрывно связаны с конституцией матери. Они играют фундаментальную роль в становлении геометрии, а также нашего интеллекта, который является искусственным, поскольку не дан нам от природы.

Рукотворный универсум (рис. 3) является естественной координатной системой, позволяющей универсальным образом описывать не только рукотворный мир, конституцию человека, его внутренний мир, его жизненные проблемы, но и макрокосм. Именно эта система позволяет проследить глубинную связь между естественными числовыми рядами и исходными геометрическими структурами, а также осмыслить их роль в познании, в становлении метода координат и других математических потенций.

Лингвист и филолог В.Н. Топоров (1928-2005) в статье «Числа» пишет: *«В архаичных традициях Ч. могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, “космизирующее значение”. Тем самым Ч. становились образом мира и отсюда — средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций»* [Топоров, 1992, с. 629]. Связь чисел с исходными мерами, мирами более чем очевидна. Космические катастрофы, гибель кумиров происходит при счёте (загибании пальцев). Манифестируя числа, мы выпрямляем пальцы, что может рассматриваться как воспроизведение космического порядка.

Естественные геометрические структуры, предельно выразительно отражающие наши внутренние состояния, составляют естественную основу второй сигнальной системы. Вопреки очевидным фактам язык геометрии считается искусственным, а звуковой язык, который не воспроизводится рефлекторно и осваивается не всеми людьми (вспомним Герасима из «Муму»), — естественным.

Следует заметить, что истоки счёта абсолютно не связаны со звуковым языком, который предельно осложняет математические операции. Не следует удивляться, что до сих пор есть народы, у которых нет числительных, но которые могут считать. Традиционно принято визуализировать и счёт, и результаты счёта, используя пальцы, палочки, графемы, косточки, счёты и т. д.

Историки математики единодушны в том, что для счёта изначально использовались естественные органы. Это нашло отражение даже в звуковом — вторичном языке. Не может быть сомнений, что именно пальцы (**палы**) являются первыми счётными **пал-очками**, которые осваивались и осваиваются людьми в филогенезе и онтогенезе. Исследователи

единодушны в том, что жестовый счёт, жестовое представление числа наиболее архаичны. Множество племён и народов издревле пользуется десятичной системой счёта. Откуда такое предпочтение десятке? Есть все основания полагать, что отвлечённый счёт возник из предметного наглядного, а что может быть доступнее, чем пальцы. Дети, когда учатся считать, обычно прибегают к помощи пальцев рук. При счёте они последовательно пригибают один палец за другим, или же, предварительно прижав все пальцы к ладони, поочерёдно разгибают их. То же самое часто делают и взрослые. Когда нечто может быть сосчитано легко, мы говорим, что «это можно сосчитать по пальцам». Многие первобытные племена до сих пор широко используют счёт на пальцах. Несколько тысячелетий назад так считали и цивилизованные народы: вавилоняне, египтяне, китайцы, даже греки и римляне.

Тот факт, что счёт на пальцах у всех первобытных народов предшествует числительным устного языка, подтверждает и происхождение самих числительных. Во многих языках, например, в африканских (зулусский и другие языки банту), числительные обозначают только действия над пальцами рук. Следует заметить, что во многих языках слова **считать** и **думать**, являются синонимами.

Пальцы могут не только соотноситься с определёнными числами, но и выступать в качестве прообразов цифр. Так, например, римские цифры, придуманные 2500 лет назад, не что иное, как изображение пальцев. Римские цифры, изображающие один, два, три и четыре, в точности похожи на выпрямленные пальцы. Изображение числа пять выглядит как раскрытая ладонь с оттопыренным большим пальцем, а цифра десять это две скрещенные руки.

Манифестацию **ранений** следует отнести к самым **ранним** формам геометрического моделирования, которые под-

верглись осмыслению. Начертательная геометрия — раздел геометрии, в котором объекты изучаются по их плоским изображениям — чертежам. Чертежом называют изображение предмета, построенное с помощью чертёжных инструментов или машины. В нашем случае в качестве машины выступают кисти рук. На них при захвате ран получают образмеренные проекции (отпечатки) ран, которые можно рассматривать в качестве первых чертежей.

Чертёж в настоящее время трактуется как язык техники. Начертательная геометрия служит грамматикой этого языка, так как она учит нас правильно читать чужие и излагать наши собственные мысли, используя в качестве слов геометрические образы. Эффективность начертательной геометрии predetermined тем, что лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. Без чертежей невозможно не только построить, но даже спроектировать достаточно сложное изделие. Игнорируя черчение невозможно постигнуть природу чертей рогатых и чертовщины, которые так богато представлены в сказках и мифах.

Начертательная геометрия занимается двумя основными вопросами:

1. Изучением методов построения изображений пространственных форм на плоскости.
2. Изучением пространственных форм по их плоским изображениям.

Для получения изображений используют метод центрального и плоско-параллельного проецирования точек предмета на картинную плоскость. При плоскопараллельном проецировании проецирующие лучи параллельны между собой. Именно плоскопараллельное проецирование реализуется при попытках зажать рану.

Процесс введения в культуру геометрических моделей традиционно игнорируется исследователями, хотя именно

этот процесс играет фундаментальную роль при осмыслении истоков математики, да и всей человеческой культуры. Непосредственные наблюдения показывают, что этот процесс начинается задолго до того, как ребёнок освоит звуковой язык. Актуальность процесса приобщения к геометрическому моделированию не снижается, а возрастает, если ребёнок глух.

Процесс приобщения младенца к рукотворной координатной системе, к рукотворной маске, к процессу проецирования включает семь последовательных этапов, играющих фундаментальную роль в семиозисе, в психогенезе, в социогенезе, культурогенезе. Именно этот процесс демонстрирует неразрывную связь математики с культурой чувств, с культурой мышления. Именно этот процесс следует считать подлинной сказкой (показом), которая бесконечно выразительней и актуальней звуковой сказки или мифа и лежит в их основе.

На первом этапе мать просто закрывает своё лицо руками, а потом открывает к великой радости младенца. Аналогичные операции она проделывает и с руками ребёнка: *«полетели, полетели и на головку сели»*.

Второй этап протекает в форме игры в прятки (тю-тю): мать закрывает лицо руками и побуждает ребёнка отыскивать его под рукотворной маской.

На третьем этапе мать посредством рукотворной геометрической структуры (маски) начинает моделировать свои внутренние состояния: обиду, страдания, мёртвый сон, стремясь разжалобить ребёнка и побуждая его вернуть её к жизни.

На четвёртом этапе мать посредством рукотворной маски, рукотворной постройки, указательных жестов начинает демонстрировать ребёнку связь между её настроениями и поведением ребёнка.

На пятом этапе мать, надавливая на пальцы страдающего ребёнка, показывает, каким образом используя естественную координатную или мерную сеть можно определить эпицентр боли, её границы, а также размеры поражённого участка, не прибегая к счёту.

На шестом этапе происходит оцифровка естественных геометрических структур посредством пальцевого и звукового счёта.

На седьмом этапе микрокосм путём наглядного показа начинает употребляться для описания макрокосма. Естественную координатную сеть, её структурные элементы при их проецировании на окружающую действительность позволяют обозначать и структурировать макрокосм, его фрагменты. Рукотворные геометрические модели дают возможность выделить макрокосмический объект, вычленить его оси, описать его форму, показать предыдущие и последующие позиции.

Очевидно, что процесс приобщения ребёнка к геометрическому моделированию вплетён в психогенез, социогенез, культурогенез. Его невозможно абстрагировать от процесса становления человека, а также от показа (сказа).

Воспитательная программа, традиционно реализуемая матерями и другими воспитателями в ходе приобщения детей к математике, нашла отражение в басне, волшебной сказке, мифе.

Жестовое общение позволяет *«реконструировать исходный звуковой язык, который отнюдь не канул в Лету»* [Воронцов, 2018, с. 85]. **Щепоть** может не только беззвучно **шептать**. *«Пальцы рук позволяют издавать щёлкающие звуки, которые мы до сих пор используем, сопровождая указательные жесты, подзывая животных, привлекая внимание, выражая досаду, задавая ритма, а также когда затрудня-*

емся подобрать звуковое слово или пытаемся срочно вспомнить нечто актуальное. Щёлкающие звуки пальцев широко используются в ритуальных танцах, а также воспроизводятся специальными инструментами, что свидетельствует об их глубокой древности» [Там же. С. 85].

Щёлкающие звуки пальцев могут рефлекторно или сознательно дополняться щёлкающими звуками, воспроизводимые ртом. Чисто рефлекторно язык во рту стремится не только воспроизводить щёлкающие звуки исходного звукового языка, но и соответствующие жесты. Это открытие сделал В. Вундт (1832–1920), который был не только крупным философом, но и авторитетом в области физиологии и психологии. Он является первым специалистом-психологом, который предпринял исследование глубинных процессов, связанных с функционированием языка. В книге «Физиология языка» Вундт утверждал, что происхождение языка может быть объяснено только в рамках психологии, поскольку *«язык есть всякое выражение чувств, представлений или понятий посредством движений»* [Вундт, 1968, с. 33]. Вундт трактовал артикуляцию как внутренние жесты, которые копируют внешнюю жестикуляцию.

Идея Вундта о внешних и внутренних формах жестикуляции предельно глубока. Она получила своё дальнейшее развитие и конкретизацию в исследованиях Р. Пэдждета. В журнале «Тетради по мировой истории» он опубликовал статью [Paget, 1956, p. 399–426], в которой утверждается, что звуковой язык возник из пантомимических движений рук, которым бессознательно подражает рот, а движения последнего коррелируют с горловыми звуками. Таким образом, наша пясть-пасть способна продемонстрировать не только изначальное вещественное вещание, вещие слова языка жестов, но и услышать щёлкающие звуки исходного звукового

языка, имитация которого породила вторичные звуковой и жестовый языки.

Надо сказать, что древность щёлкающих звуков признают даже исследователи, которые занимаются исключительно вторичными звуковыми языками. Так, например, известный лингвист С. Старостин (1953–2006) в статье «У человечества был один праязык» утверждал, что этот протоязык был замечателен тем, что имел *«класс согласных, которых больше нет нигде в мире. Это — кликсы, щелкающие согласные»* [Старостин, 2003, с. 43]. По мнению Старостина, Центральная Африка — место где *«возникает язык, а потом происходит и первое его деление, и дальше некликсовая ветвь расходится по всему миру»* [Там же. С. 43].

Американские генетики из Стэнфордского университета также утверждают, что искомый праязык человечества был «щёлкающим» [Knight, Underhill, Mortensen ..., 2003, с. 44–48]. К такому выводу они пришли, изучая африканские племена, обитающие вблизи озера Эйяси в Танзании. В языках этих племён есть множество щёлкающих звуков, играющих роль слов, причём такие слова-щелчки составляют до 40 процентов всего лексикона. Такого рода языки лингвисты называют «щёлкающими» и выделяют их в особую группу.

Основанием, побудившим американских исследователей выдвинуть эту лингвистическую гипотезу, стали результаты проведённого ими молекулярно-генетического анализа, имевшего целью выяснить степень древности и родства тех африканских племён, которые говорят на щёлкающих языках. Анализ показал, что происхождение двух главных групп, говорящих на щёлкающих языках, восходит к самым корням эволюционного древа современного человека. Обе они, судя по накопившимся мутациям, возникли почти со-

тню тысяч лет тому назад, и с тех пор их развитие происходило по разным линиям.

Если верить специалистам-лингвистам, щёлканье относится к категории таких звуков, которые в ходе эволюции языка трансформируются в сочетания нещёлкающих согласных, однако обратный процесс не наблюдается практически никогда. Это значит, что если бы у этих племён изначально был обычный звуковой язык, то он никогда бы не трансформировался в щёлкающий. Таким образом, именно щёлкающие звуки составили основу того звукового языка, на котором впервые начали говорить эти племена, а поскольку африканские племена с щёлкающими языками являются чуть ли не самыми древними представителями современного человечества, то можно предположить, что и все прочие группы тогдашних Гомо сапиенс издревле тоже говорили на щёлкающем языке. Гипотеза «щёлкающего языка» поддерживается многими археологами, историками, генетиками, лингвистами (Р. Клейн, Д. Гринберг, А. Шлейхер и др.)

Принято считать, что цокающие-щёлкающие звуки этого языка утрачены в языках абсолютного большинства народов и сохранились только в небольшой группе языков Африки: языки койсанской группы. Между тем в изданном в 1890–1907 годах в Санкт-Петербурге «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» в статье «Щёлкающие звуки» говорится следующее: *«Как образчик губного Щ. звука можно привести звук обыкновенного поцелуя или того чмокания губами, которое употребляется для приманивания животных, понукания лошадей и т. д.*

Щ. переднеязычный глухой звук, образуемый на альвеолах кончиком языка (артикуляция корональная), имеется и в русском языке, частью в виде междометия легкой досады, частью, в детском языке и у взрослых, разговаривающих

с маленькими детьми, не владеющими еще речью, в особом междометии, выражающем удовольствие, восхищение и т. п.» [Энциклопедический..., 1904]. Это свидетельствует, что не только язык жестов, но и звуковой язык стали культивироваться в ходе общения с детьми. Следует учесть, что с детьми на руках матери были лишены возможности общаться на первичном образном языке, что побуждало их развивать вторичные языки, лишённые образности.

Информационная катастрофа, связанная с распространением многочисленных звуковых языков в верхнем палеолите, вызвала не только отчуждение между ближайшими соседями, но и разорвало связь культур, связь времён. Мистифицирующие потенции звукового языка воистину безграничны. Без поддержки исходного жестового языка и связанного с ним ручного мышления терялись навыки математического моделирования, утрачивался исконный смысл традиционных учений, забывались образы богов, героев, извращался характер их подвигов, расцветали суесловие и мистицизм. Необходимость восстановить связь времён, а также решать чисто практические проблемы побуждала и побуждает всемерно развивать визуальный общепонятный символизм. С этих позиций вполне объяснимо широкое распространение графики, живописи в верхнем палеолите. В настоящее время наблюдается визуальный поворот, который сменил лингвистический поворот в широком спектре гуманитарных дисциплин. С конца прошлого века активно развивается новая междисциплинарная область, получившая название «визуальные исследования». Следует заметить, что человечество изначально должно было осознать тот неоспоримый факт, что *«лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать»*, поэтому в области точных наук и на производстве визуальный поворот произошёл уже очень

давно, поэтому не звуковой язык, а геометрия, черчение традиционно считаются языками науки и техники.

Следует заметить, что традиционные учения о глоттогенезе приписывают языку божественную природу. В Евангелии от Иоанна исконная связь языка с богом выражена в своей предельной форме: «*В начале было Слово, и слово было у Бога, и слово было Бог*» [Иоан. I, 1]. Попытки подправить евангелиста и поставить в начале дело не имеют серьёзных оснований. Божественное Слово изначально было действенным, а вещание — вещественным. Наши кумиры, демоны, монстры демонстрировали дюймы, меры, миры, мироздания в гробовой тишине. Интересно отметить, что в средненемецком языке *Daumen* — «большой палец» [Семериньи, 1980, с. 279]. Большой палец руки (Властелин колец, мер, миров) способен манифестировать не только все первые количественные представления, все рукотворные кольца, все первые единицы (соло), но и все первозданные словеса (рис.5). Все эти соло, словеса могли улавливаться в кулак. Интересно отметить, что в тюркских языках, например, в казахском, *сөйлеу*, *деу* `говорить`; *дәу* `великан, гигант`; *құлақ* `ухо` [Казахско-..., 1954]. И. Ньютон полагал: «*При отсутствии иных свидетельств, один только большой палец убедил бы меня в существовании Бога*» [Цит. по James Le Fanu, 2009, с. 5]. Следует заметить, что в древненемецком *biog* `сустав` [Семериньи, 1980, с. 48].

Жестовый характер исходного языка отнюдь не противоречит традиционным учениям о глоттогенезе. На обширных территориях Азии и Африки даже дети понимают жесты многоруких божеств. Канонические жесты-мудра каждый индеец заучивает с ранних лет. Эти жесты играют огромную роль в йоге. Они служат средством общения между адептом учения и божеством. Каждая молитва, каждая медитация

Рис. 5. Властелин колец —
большой палец.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 6. Древние божества.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 7. Богиня Лакшми.
Бронза. XXI в. Индия

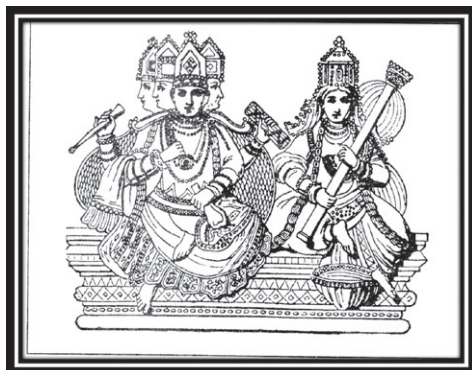

Рис. 8. Брахма и его супруга
Сарасвати. Бронза. Индия

сопровождаются строго определёнными жестами, полная система которых насчитывает 108 мудр, а с модификациями — несколько сот. Так, утренняя молитва ведантистов содержит их 24, а они изображают столько же видов Вишну. О связи мифических существ, древних божеств с нашими руками свидетельствуют изображения, приведённые на рис. 6-8. Так, например, понять природу многоголовых божеств, приведённых на рис. 8, можно соотнеся их с пальцами руки. Очевидно, что нашим божествам, нашим **пенатам** (греч. *penta* 'пять') присущ язык жестов, но отнюдь не звуковой.

Итальянский философ, социолог, юрист Д. Вико (1668–1744) в своей книге «Основания новой науки об общей природе наций» попытался доказать, что каждый народ проходит в своем развитии три эпохи: божественную, героическую и человеческую, причем язык в своем развитии также проходит три стадии. По мнению Вико, первым был *«божественный умственный язык посредством немых религиозных движений, т. е. божественных церемоний; от него сохранились в Гражданском праве у Римлян acta legitima, сопровождавший все их граждански-полезные дела. Этот язык подобает Религиям на основании того вечного свойства, что для них важнее то, чтобы их почитали, чем то, чтобы рассуждали о них. Он был необходим в те первые времена, когда языческие люди не умели ещё артикулировать»* [Вико, 1940, с. 386]. Плоский эволюционист Вико игнорировал тот факт, что развитие знаковых форм общения предполагает накопление знаковых систем, а не их смену. Он также игнорировал тот факт, что звуковой язык может господствовать только в непроизводственных сферах, в ненаучной литературе. Без образных языков, без геометрии, черчения невозможно представить подлинную науку, осмысленное производство. Вместе с тем, его взгляды на истоки языка были

шагом вперёд, поскольку порывали с традицией выдавать звуковые языки, подверженные непрерывным изменениям в пространстве и времени, за исконный язык человечества.

Литература

Воронцов В.А. Геометрия языка и язык геометрии // Геометризация физики: Тр. Межд. конф. — Казань: Казан. ун-т, 1993. — С. 232–236.

Воронцов В.А. Природа языка и мифа. — Казань: ИНТЕЛ-ПРЕСС, 2008. — 2012.

Воронцов В.А. Подлинные истоки волшебной сказки. — Казань: Intelpress, 2011. — 268 с.

Воронцов В.А. Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе. — Казань: Центр инновационных технологий, 2015а. — 264 с.

Воронцов В.А. Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе. — Казань: Центр инновационных технологий, 2015б.

Воронцов В.А. Истоки искусства в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза: Научное издание. — Казань: Центр инновационных технологий, 2018. — 304 с.

Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. — Л.: Худ. лит-ра, 1940. — 619 с.

Вундт В. Физиология языка / пер. с нем. — СПб.: Изд. Н.М. Лиманского, 1868. — 42 с.

Иоанн.

Исенина Е.И. Дословесный период развития речи у детей. — Саратов: Изд. Саратовского унив., 1984. — 162 с.

Казахско-русский словарь / Сост. Х. Махмудов, Г. Мусабаев. — Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. — 574 с.

Кондильяк. Опыт о происхождении человеческих знаний // Коидильяк. Соч.: В 2 т. — М.: Мысль, 1980. — Т. 1. — С. 67–332.

Линдблад Я. Человек — ты, я и первозданный / пер. со швед. — М.: Прогресс, 1991. — 259 с.

Семериньи О. Введение в сравнительное языкознание / пер. с нем. — М.: Прогресс, 1980.

Старостин С. У человечества был один праязык // Знание-сила. — 2003. — № 8. — С. 39–44.

Топоров В. Н. Числа // Мифы народов мира. — М.: Сов. энц-ия, 1992. — Т. 2. — С. 629–631.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — СПб.: Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1904. — Т. 79.

Юзвизин И. И. Информациология или закономерности информационных процессов и технологий в микро- и макромирах Вселенной. 3-е изд., исп. И доп. — М.: Радио и связь, 1996. — 215 с.

Bulwer J. Chirologia: Or the natural language of the hand and Chironomia: Or the art of manual rhetoric. (ed. Cleary J. W.) // Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois Univ. Press, 1974 (1st edition — 1644).

James Le Fanu. The Hand: a Philosophical Inquiry into Human Being. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2003. — 364 pp.

Knight A., Underhill P., Mortensen H., Zhivotovsky L., Lin A., Henn M., Louis D., Ruhlen M., Mountain J. African Y chromosome and provides insight into the history of click languages / Carrent biology. — 2003. — № 13 (6). — P. 464–473.

Paget R. A. S. The origins of language with special reference to the Paleolitnic age // Cahiers d'histoire mondiale. 1956. — Т. 1. — N 2. — P. 399–426.

Savage-Rumbaugh E. S. Hominid evolution: looking to modern apes for clues // Hominid Culture in Primate erspective. — Niwot: Universiti Press of Colorado, 1994. — P. 7–9.

3. ИСТОКИ МЕДИЦИНЫ

*Самого себя лечить, только портить.
Русская народная пословица*

Лечение, гигиена широко представлены в живой природе. Они являются важнейшими формами борьбы за существование. Медицину можно трактовать как введённую в культуру заботу о здоровье. Историк медицины М.П. Мультановский с полным основанием пишет: *«Зарождение медицины относится к тому моменту, когда выработанные в процессе развития человека инстинкты к самосохранению и облегчению страданий вошли в коллективное сознание людей»* [Мультановский, 1967, с. 11]. Чтобы пролить свет на истоки медицины, необходимо выяснить причины, которые вызвали к жизни потребность заботиться о здоровье осмысленно. Необходимо также конкретизировать социум, в котором зародилась врачебная деятельность, а также членов социума, которые обеспечили её зарождение. Не менее актуальна реконструкция исходных форм сознательной врачебной деятельности, исходных медицинских семиотических систем, а также выяснение роли протомедицины в антропосоциокультурогенезе.

В книге «Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе» [Воронцов, 2015] показано, что генерализованная и генерализующая трудовая теория антропосоциокультурогенеза, ставящая во главу угла материнский инстинкт, материнскую заботу, позволяет не только ответить на широкий круг вопросов, связанных с истоками древнейшей науки — медицины, но также осветить роль этой древнейшей науки в антропосоциокультурогенезе. Без материнской забо-

ты, «без врачебных навыков невозможно представить начало человеческого бытия. Если мы вспомним об умственных и физических потенциях человеческих младенцев, которые так не похожи на смышлёных и ловких младенцев обезьян, то у нас появятся веские основания соотнести уход за подобными младенцами с уходом за больными, а исходные формы воспитания — с лечением, позволяющим преодолеть крайнюю умственную неполноценность» [Там же. С. 20].

Забота о младенцах требует титанических физических и духовных усилий, бессонных ночей, бесконечных дум о проблемах, связанных со здоровьем. Без учёта материнской заботы об организме ребёнка невозможно укоренить принципы антропологизма, биологизма в широком круге наук, занятых исследованием истоков человека, общества, культуры, а также осмыслить традиционные учения о природе человека, общества, культуры, для которых характерен антропоцентризм, биоморфизм.

Цель жизни — жизнь. Не случайно философ и врач А. Швейцер (1875–1965) одну из своих книг нравственно-этического содержания так и назвал «Благоговение перед жизнью» [Швейцер, 1992]. Благоговеть перед жизнью других побуждает не только самое высокое чувство — материнская любовь, но и человеческая культура, породившая жизненные науки. Именно пиетет перед жизнью, а также личная ответственность за жизнь и здоровье других, способствуют осознанию того, что ввести в культуру опасные орудия, да и саму обезьяну, невозможно без предварительного введения в культуру сознательной заботы о своей и чужой жизни. Наиболее опасным заблуждением цивилизованного общества является слепая вера в то, что можно безнаказанно принижать биологию, медицину, подменять гуманизм гуманизмом — культом придуманных ценностей.

В рамках механистических доктрин, игнорирующих фундаментальную роль заботы о человеке в антропосоциокультурогенезе, становление медицины не может получить должного осмысления, поэтому историки медицины традиционно вынуждены рассчитывать исключительно на свою интуицию при освещении причин, вызвавших к жизни медицину, а также входить в непримиримый конфликт с механистическими доктринами. Так, например, интуиция побуждает историков медицины связывать её истоки не с заботой о камне, бронзе, железе, а с материнской заботой о чадах. Она также побуждает считать не механические поделки, а медицину ровесницей человека и человечности и видеть у истоков духовного лидерства не камнетёсов, а женщин-врачевательниц.

Связывая истоки медицины с заботой о человеке, историк медицины М.П. Мультиановский пишет: *«Одним из древнейших видов человеческой деятельности надо признать помощь при родах и уход за детьми, особенно новорожденными, лечение детских болезней и их предупреждение»* [Мультиановский, 1967, с. 11].

Ссылаясь на народный эпос о первых женщинах-врачевательницах, автор книги «История медицины» Ф.Р. Бородулин находит, что *«народное творчество правильно отразило их роль как первых врачей недугов человека»* [Бородулин, 1961, с.19].

Абсолютное большинство историков медицины разделяет мысль выдающегося физиолога И.П. Павлова (1849–1936) о том, что врачебная деятельность *«ровесница первого человека»*. Это побуждает их рассматривать становление сознательной заботы о здоровье в связи со становлением человека, общества, культуры. Следует заметить, что задолго до Павлова немецкий историк медицины Г. Гезер в своей книге «Основы истории медицины» писал: *«Начало медицины, без*

сомнения, совпадает с появлением человеческого рода» [Ге-зер, 1890, с. 1].

Культивирование человека, общества неразрывно связано с культивированием осмысленной заботы о здоровье. Научить ребёнка не использовать естественные и искусственные орудия во вред себе и окружающим — предельно сложная и актуальная проблема, которая глубоко волнует матерей уже на самой ранней стадии антропосоциокультурогенеза, через которую проходят все люди. Именно профилактика травматизма, проблема неприменения оружия во время игр, ссор, дележа пищи, самок, истоки умения сочувствовать, сострадать, а вовсе не обработка камня должны интересовать исследователей, стремящихся пролить свет на феномен человека, на истоки человеческого общества, на характер человеческой культуры, духовности, на причины, вызвавшие к жизни осмысленную заботу о здоровье.

Инстинктивное и осмысленное врачевание предполагает наличие семиотических систем, способных отразить внутренние и внешние проблемы организма. Естественная система координат (рис. 3) содержит широкий спектр выразительных средств. В её состав входят первые кисти, дудки, трещотки, свирели, органы. Сеть у раны породила представление о струнах, арфах, нервах, арифметике. Естественная система координат нашла детальное отражение в мифологизированном сознании и получил бесконечное количество названий: хаос, космос, ящик Пандоры, бандура, панацея от всех бед, философский камень, магический кристалл, чаша терпения, маска смерти и т. д., в которых отразились диагностическая и лечебная функция этой системы, её связь с нашими страданиями и надеждами.

Руки, пальцы, сокровенная печать весьма выразительно выражают боль, смертные муки. Птахи (пятаки), чисто реф-

лекторно или сознательно слетающиеся на раны, породили представления о крылатых вестниках смерти. Сказочные **враны** до сих пор слетаются на наши **раны** и играют неоценимую роль в диагностике. Полёт таких птах при кашле может свидетельствовать о серьёзном заболевании. Нет ничего удивительного в том, что хевсуры на Кавказе прежде верили, что болезни приносят с собою перелётные птицы.

Издrevле крылатыми были не только вестники смерти, но и сама смерть. В русских же загадках смерть прямо называется птицей.

*«На море на Окияне,
На острове Буяне,
Сидит птица Юстрица,
Она хвалится, выхваляется,
Что всё видала
Всего много едала».*

[Сказания..., 1989, с. 182]

Слетаются сказочные птахи (пятаки) и **на** наши **очи**, порождая представления о **ночи**, **мгле**, **могиле**. Нет ничего удивительного в существовании такой удивительной птицы, как Моголь-птица, которая способна затмевать свет. В русской сказке «Кощей бессмертный» говорится: «*Налетела Моголь-птица, пала на землю — в окнах свету не стало*» [Афанасьев, № 156].

Птахи (пятаки), писти-пасти рук, которые встречают нас при появлении на свет, а также оказывают первую медицинскую помощь, породили представления о птицах, приносящих младенцев, животных-повитухах, животных-врачевателях. Так, например, в русских волшебных (лечебных) сказках детей приносят аисты, а в качестве повитух, врачевательниц часто выступает лиса.

Естественные чары (ёмкости), **фаланги** пальцев, нападающие на страдальцев, породили представления об ужасных червях, **фалангах**, удавах, грифонах, горгонах и других исчадиях ада. Чтобы увидеть, как согнутые в дуги фаланги и другие болезнетворные существа впиваются в страдальцев, не надо быть прозорливым. Зверская боль, смертные муки, манифестируемая посредством пястей-пастей, придали и смерти звероподобный облик. Звероподобный образ смерти в мифологизированном сознании отмечен многими исследователями. Такой вид изначально имели и **демоны**, **монстры**, духи болезней, которые не только **демонстрировали** душевное состояние, но в буквальном смысле терзали, давили, душили страдальцев. Любому и каждому была очевидна вредоносность всех первичных «духов», которые считались источником и причиной болезней и которые мыслились первоначально ассоциировались с существами — суставами рук пациентов.

Навязчивое стремление демонов, монстров демонстрировать болезненные состояния имеет рефлекторную основу. Издревле с подобного рода демонами не особенно церемонились. При диагностике их побивали **пальцами**, которые были первыми **палицами**, первыми **плетями**. Аналогично поступали и с фетишами, изображавшими духов болезней. Так, например, известный английский археолог и этнограф Дж. Лёббок (1834–1913) в своей книге «Начало цивилизации» пишет, что у *«индейцев имеются небольшие фигурки в форме четвероногих, птиц и рыб. Им приписывают все болезни. Отличие лишь в оригинальном способе распознавания, который именно из “идолов” причинил болезнь: при всяком случайном заболевании, колумбийцы берут своих идолов и колотят их друг о друга: первый, у которого отскочит какая-нибудь часть тела, предполагается виновным»* [Лёб-

бок, 1876, с. 243]. Очевидно, что прообразами этих фетишей были руки, пальцы пациентов и врачей.

Чтобы отвлечь демонов от больного, их можно угостить, наказать, увлечь игрой. Так, например, чтобы руки ребёнка не расчёсывали нарывы, их плотно пеленают или занимают игрушками, гостинцами. Взрослых демонов можно увлечь игрой в домино, в карты.

Со временем наказывать и награждать стали обычных животных. Считалось, что человеческая болезнь может поселиться в этих животных. Этнограф Д.К. Зеленин (1878-1958) в своей книге «Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов» пишет *«Окаменелых пережитков этого архаического взгляда чрезвычайно много, как во всех языках, где очень многие болезни носят имена по разным животным, так и в религиозной идеологии — в народной медицине и верованиях»* [Зеленин, 1936, с. 68]. *«У нас нет никакого основания предполагать, что в таких случаях имеется случайное совпадение имён, полисемантизм или метафора; напротив, в непонятных теперь именах болезней мы должны сознательно искать, в качестве первичного значения, именно названия различных животных. В культурных языках Европы известно большое количество болезней, которые получили своё название от животных, например, рак, жаба-ангина, грудная жаба, свинка и др.»* [Там же. С. 71].

Рукотворные **лики**, **личины**, чисто рефлекторно накладываемые на лицо, на раны, чтобы умерить боль, породили самые ранние представления о **лихе**, **лишениях**, а также о **лекарствах**, **лечении**. Породили они и представления о **ликантропах** — оборотнях (рис. 9). Чудесные животные, проецируемые на тело человека при манифестации боли, издревле рассматривались как маски. Эти маски, связанные с

врачебной и воспитательной практикой, позволяют наиболее глубоко проследить связь оборотничества с врачебной практикой.

Существуют объективные причины, которые могут побудить взрослого человека с самыми крепкими нервами быть волком, а также в обличии зверя носиться по селению, пугая население. Широко распространено поверье, что оборотни могут останавливать целые санные поезда и превращать всех в

волков. Есть все основания полагать, что именно зверская боль является объективной причиной, которая превращает человека в зверя. Лишний раз убедиться в этом можно, если понаблюдать за посетителями стоматологического кабинета. Многие из них скрывают своё истинное лицо. Бирюки, на которых раскачиваются несчастные в разные стороны, являются своеобразными бирками, в который больной орган заключён как в пробирку.

Держась за санки (челюсти), бирюки превращают целые санные поезда в оборотней. Радикальным средством против оборотней является отнюдь не серебряная пуля, плотно забитая в ружьё, а пломба из пластичного металла и стоматологическое мастерство. Следует заметить, что пломбирование зубов практиковалось задолго до появления пуль, да и ружьём издревле называли нашу наличную собственность,

Рис. 9. Оборотень смотрит волком.
Реконструкция В.А. Воронцова

наше естественное вооружение (рус. *ружьё* `наружность`, `внешность`)

Захватывая, заначивая, **заныкивая** больной орган, сказочный зверь становится **знаком**, который предельно актуален при диагностике. При деликатном обращении со сказочными зверями, с которыми связан животный код, исходные геометрические структуры, можно разобратся не только в **горстях**, но и в **горестях** страдальцев.

Матери традиционно предупреждают своих детей о грозящей опасности, демонстрируя жестами болевой шок. Прижатые к больному месту руки (греч. *χείρ* «рука») проливают свет на происхождение таких слов, как *хиреть*, *захиреть*. Руки способны обозначить и конкретный орган (нем. Herz `сердце`), причём без использования звукового языка. Пальцы, ладошки позволяют обозначить плечи, лодыжки молча. Матери испытывают огромное облегчение, когда младенцы начинают обозначать беспокоящие их органы и выражать чувства, желания посредством жестов, а также понимать посредством жестов состояния матери, вызванные тем или иным поступком, теми или иными обстоятельствами. Процесс введения в культуру медицинской семиотики полностью совпадает с процессом введения в культуру исходного языка человечества. Медицинская семиотика играет фундаментальную роль при культивировании сочувствия, сострадания, сознания, человечности (рис. 1), поэтому есть все основания считать, что медицина ровесница человечеству.

Надо сказать, что пальцы (**палы-штыри**) являются не только естественной знаковой системой, но и естественным **пластырем** — лечебным средством. Диагностические и терапевтические функции вещественного вещания не могут быть переоценены. О тесной связи вещания, лексики с лекарской практикой писал корифей российской филоло-

гической науки Ф.И. Буслаев (1818—1897), который широко практиковал этимологические изыскания при решении проблем фольклористики. В работе «Эпическая поэзия» он писал: «От глагола ба-ять происходит балий, уже в фрейзингенской рукописи употребляющееся в значении врача, а потом это слово получило смысл колдуна; так в “Азбуковнике” объясняется: “балия ворожея, чаровник; бальство, ворожба”. И наоборот, корень вед, откуда произошло слово ведьма, у сербов получает название лечения: видати — лечит, видар — лекарь, точно так же, как от глагола вещать, то есть говорить, у сербов виештац — колдун и виештица — колдунья, а у нас в Вологодской губернии, вещетитинье уже лекарство. Точно также и врач у сербов и болгар получил смысл колдуна, предсказателя, как у нас в старину врачевать значило колдовать, и, наконец, лекарь (от корня лек — значит лекарство), уже у Ульфицы встречающееся в том же значении (*leikeis, lekeis*) и распространившееся по всем, как немецким, так и славянским наречиям, имеет при себе и значение колдуна...» [Буслаев, 2003, с. 23–24]. В татарском языке слово им `лекарство`, `целительное средство`, `заговор`, `заклинание` [Татарско-..., 1966, с. 167].

В санскрите связь гаданий, речи с болезнью отражена предельно ярко:

I *gada* 1) речь, разговор 2) изречение.

II *gada* — болезнь, недуг [Кочергина, 2005, с. 188].

Исконная связь сказаний с показом, жестом до сих пор может быть обнаружена в самых разных языках. Так, например, в тюркских языках:

А:ЙА — `ладонь`, АЙ — `говорить`, АЙТ — `говорить` [Севортян, 1974, с. 761–762]. В китайском языке *bào* — `извещать`, `обнимать`, `охватывать руками` [Котов, 2004, с. 16–17].

Связь наших **горстей** с **горестями**, с разметкой, измерением, смертельной болью может быть продемонстрирована чисто формально на примере разных звуковых языков, которые продолжают сохранять свою исконную связь с жестами. Так, например, в венгерском языке: *marek, marok* — ‘горсть’; *martir* — ‘мученик’ [Хадрович, Гальди, 1971, с. 502-503]. В татарском языке: *карыш* — ‘пядь’, ‘вершок’; *карышу* — ‘сводить судорогой’; *карышлау* — ‘мерить’ [Татарско-..., 1966, с. 238]. В тюркских языках: *өл* — ‘умирать’; *өлч* — ‘измерение’ [Севортян, 1974]. В китайском языке: *shi* — ‘померить’; *shiti* — ‘мертвец’ [Котов, 2004, с.120].

В индоевропейских языках связь смерти с мерой, долей настолько очевидна, что об этом факте говорят уже не только лингвисты. Так, например, в «Словаре русских суеверий» М. Власовой говорится: «Семантику наделенности долей может иметь и слово “смерть”, восходящее к индоевропейскому ряду *ter-* / *tor-* / *tr-*, который ставится в связь с такими “культурными словами”, несущими значение “части”, как греческое “мойры” и восточнославянское Мара» [Власова, 2000, с. 482].

В работе [Воронцов, 2015], посвящённой истокам медицины, показано что смерть, болезнь, диагноз, прогноз издревле ассоциировалась со «страшным судом», божественным наказанием, причём под наказанием (наказом) понимался показ больного места божествами, которым приписывалось и создание языка. По вполне очевидным причинам в страшном суде нередко участвуют животные-божества, которые производят судьбоносные измерения, оценки. Пример подобного суда приведён на рис. 10.

В рамках генерализованной и генерализующей трудовой концепции антропосоциокультурогенеза показано, что сознательная забота о здоровье детей породила прямохожде-

Рис. 10. Суд Осириса. VI в. до н. э.
Музей «Эрмитаж», г. С.-Петербург. Россия

ние, гоминизацию зубов, родовой строй, а также широкий спектр других феноменов человеческой культуры.

Литература

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. — М.: Наука, 1984. — Т. 1. — 539 с.

Бородулин Ф.Р. История медицины. Избранные лекции. — М.: МЕДГИЗ, 1961. — 254 с.

Буслаев Ф.И. Эпическая поэзия // Народный эпос и мифология. — М.: Высш. школа, 2003. — 400 с.

Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. — СПб.: Азбука, 2000. — 672 с.

Воронцов В.А. Истоки протомедицины и её роль в антропо-социокультурогенезе. — Казань: Центр инновац. технологий, 2015. — 262 с.

Гезер Г. Основы истории медицины / пер. с нем. — Казань: Н.А. Ильяшенко, 1890. — 520 с.

Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — 230 с.

Котов А.В. Новый китайско-русский словарь. — М.: Рус. яз. медиа, 2004. — 605 с.

Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь: Около 30000 слов / ред. В.И. Кольянов. 3-е изд. — М.: Акад. проект: Альма Матер, 2005. — 944 с.

Лёббок Дж. Начало цивилизации. — СПб.: Ред. журн. «Знание», 1876. — 350 с.

Мультановский И.П. История медицины. Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Медицина, 1967. — 272 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М.: Наука, 1974.

Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. — М.: Худ. лит-ра, 1989. — 398 с.

Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 862 с.

Хадрович Л., Гальди Л. Венгерско-русский словарь. Около 40 000 слов. — Будапешт: ТЕРРА, 1971. — 804 с.

Швейцер А. Благоговение перед жизнью / пер. с нем. — М.: Прогресс, 1992. — 574 с.

4. ИСТОКИ ГЕОГРАФИИ

*Все планеты с полюсами,
есть экватор у любой.
Русская народная пословица*

География — мировоззренческая наука, которая призвана комплексно изучать природу, население и хозяйство в их пространственном и функциональном взаимодействии. История географии прослеживает процесс развития географии с целью осмысления настоящего и предвидения будущего этой науки. Актуальность истории географии обусловлена также её тесными связями с другими науками. Так, например, изучение истоков географии требует решения широкого комплекса предельно сложных и актуальных проблем, связанных с изучением процесса перехода наших предков к наземному обитанию и начала осмысленного взаимодействия с окружающей средой. Системно решать эти проблемы можно только в контексте учения об антропосоциокультурогенезе. Немецкий географ А. Геттнер (1859–1941) в своей книге «География, её история, сущность и методы» с полным основанием писал: *«У географии связь с общей историей человечества выступает яснее, чем у большинства наук»* [Геттнер, 1930, с. 7].

История географии *«изучает развитие географической науки на всём протяжении истории человеческого общества»* [Бусыгин, 1998, с. 13]. Следует заметить, что исследователи весьма скептически оценивают возможность проследить весь путь, который прошла география от своих истоков до современного состояния. Так, например, авторитетный российский историк географии В.Т. Богучарсков утвержда-

ет: «Одним из важнейших изобретений древних было умение изображать местность в форме планов и карт. Кто первый освоил графический способ передачи информации, ответить невозможно» [Богучарсков, 2006, с. 13]. В книге [Воронцов, 2018], которая называется «Истоки географии в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза», впервые показана глубокая ошибочность подобного рода взглядов. Генерализованная и генерализующая трудовая теория антропосоциокультурогенеза позволяет пролить свет на истоки картографии с абсолютной достоверностью.

При осмыслении истоков географии исследователи игнорируют тот факт, что от древних предков нам достались инстинкты, которые играли и играют огромную роль в процессе взаимодействия с окружающей средой. В живой природе широко распространены рефлекторные формы топофилии и топофобии, которые обеспечивают ориентацию в пространстве даже низкоорганизованным существам. Широко распространена в живой природе и инстинктивная разметка границ используемых территорий. Инстинктивные формы топофилии, топофобии, маркировки, структурирования, измерения, оценки пространственных объектов не могут исчезнуть или трансформироваться по мере становления географии. Именно рефлекторные формы топофилии, топофобии, топонимики и топографии, присущие каждому человеку от рождения, способны пролить свет не только на первые планы, карты, но и на другие знаковые (моделирующие) системы, имеющие самое непосредственное отношение к истокам «бытийного географизма».

К. Маркс и Ф. Энгельс были глубоко правы, когда писали в «Немецкой идеологии»: *«Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование жи-*

вых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе» [Маркс, Энгельс, с. 14]. Следует заметить, что мать является средой, с которой связана сама возможность появления человека на свет. Есть все основания считать, что именно телесность матери породила представление о Матери-природе. Материнский стан является первым станом, с которым знакомится, который осваивает человек. Именно с телесностью матери, с инстинктивными формами её констатации, структурирования, измерения и разметки её стана надо связывать истоки топонимики и топографии. Телесность матери (рис. 11), её инстинкты позволяют продемонстрировать и первые карты, и процесс их использования, и процесс их введения в культуру.

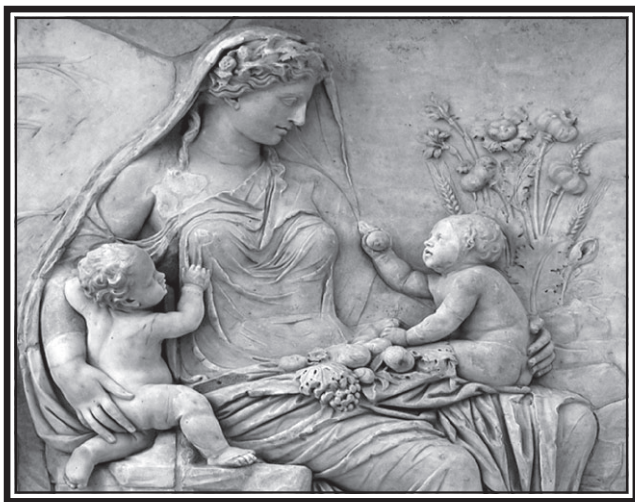

Рис. 11. Римская богиня Земли Теллус (деталь).
Рим. Музей алтаря Августа (13–9 гг. до н.э.)

При изучении истоков географии крайне важно учитывать антропоморфизм, антропоцентризм, психологизм архаичного мировоззрения, «бытийного географизма», которые позволили не только описать, но и прочувствовать окружающий мир. Мысленно очеловечивая окружающую

действительность, наши предки создали теоретическую базу для её окультуривания. Поскольку мысленное окультуривание всего и вся произошло в глубокой древности, все новые достижения человеческой культуры оказываются хорошо известными нашим предкам.

Соотнося с матерью, очеловечивая окружающий мир, человек научился сочувственно относиться к природе, беречь её. В этой связи глубоко ошибочными являются взгляды исследователей, которые полагают, что антропоцентризм противопоставляет человека, общество природе.

В работах [Воронцов, 2011, 2012, 2015а, б, 2018] впервые показано, что, учитывая генерализованную трудовую деятельность, связанную с заботой о младенцах, учитывая антропоцентризм первобытного мышления, исходный язык — язык геометрии, математики, а также самую древнюю науку — медицину, можно пролить свет на истоки географии и сделать их предельно очевидными.

Сеть из пальцев, накладываемая **на** тело, способна обозначить **стан**, а **сеть**, наложенная на **рану**, должна была породить представление о **стране, стороне**. Жесты страдальцев, проливающие свет на истоки медицинской семиотики, а также топографии, топонимики, крайне выразительны. Они способны вызвать переворот в сознании даже у субъектов, практикующих убийство ради убийства. Об этом свидетельствуют откровения английского капитана Джонсона, который поведал о подстреленной им обезьяне. Эта обезьяна *«вдруг остановилась, спокойно приложила руку к ране, пок-*

рытой кровью, и протянула её потом, чтобы показать мне. Я почувствовал такую жалость, что этот случай оставил во мне неизгладимое впечатление, и я с тех пор никогда больше не стрелял животных этой породы» [Цит. по Романес, 1905, с. 142]. Манифестацию ран с использованием методов начертательной геометрии, следует отнести к самым ранним формам топонимии и «картографирования стана», которые подверглись изначальному осмыслению.

В ходе картографирования человеческого стана сложились представления о чудесных, волшебных (лечебных) книгах. В таких книгах отразилась вся архитектура рукотворной Вселенной, все сокровенные тайны её построения, её творцов. Такого рода книги отражены в мифах и сказках самых разных народов. В иудейском мистическом трактате «Книга творения» говорится о том, что мир состоит из чисел и букв. «Старшая Эдда» древних германцев сохранила представление о том, что руны (сильнейшие знаки), были созданы богами и вырезаны Одином, чтобы узнать тайны мира.

Изначально счёт самым тесным образом был связан с обозначением и со структуризацией исходного универсума. Касаясь кончиком большого пальца подушечек четырёх смежных пальцев на руке, мы можем познакомиться не только с двенадцатью мышцами, но и с двенадцатью сказочными месяцами, которые могут накормить и обогреть, а также сурово наказать. Аналогично можно совершить путешествие в «три и девятое царство», а также увидеть сказочного скорохода — мальчика с пальчика, который с лёгкостью перепрыгивает из одного сказочного царства в другое. Всё это свидетельствует, что знакомство с первыми картами крайне актуально при осмыслении сказочной действительности — исходной среды нашего обитания, исходного культурного слоя.

Следует заметить, что своё первое путешествие человек совершает именно в сказочную страну. Подобного рода путешествие изображено на обложке данной книги. Путешествия в сказочные страны, где царят доброта, изобилие, духовность, детально описаны в сказках, мифах. Путь в эти страны показывают сказочные колечки, клубочки, которые образуются, когда матери загибают пальцы рук, приглашая детей на руки.

Ладони (долони) матери являются не только первыми долинами, которые мы изначально обживаем, но и первыми мерными устройства. Есть все основания считать, что именно материнские **длани** породили представления о **длине**. Также есть серьёзные основания считать, что серия пальцев руки матери породила представление о шири жмени (ладони) матери. Отсюда — ширь земная, Мать — Сыра Земля. В том, что исходные долины, доли самой природой поделены на доли и имеют координатную сетку нет оснований сомневаться. С учётом того, что Гея изначально ассоциировалась с женщиной, есть все основания считать, что и истоки геометрии, истоки картографии, истоки географии связаны с описанием материнской телесности и лишь со временем были распространены на макрокосм.

По очевидным причинам первые карты, а также сказочные царства могут скатываться, переноситься (*«скатали свои царства в яички, забрали с собой»*) [Афанасьев, 1984, № 140]. Изначальные площади могут делиться, складываться, оцифровываться чисто рефлекторно, без привлечения звукового языка.

Транспортироваться издревле могли не только царства, но рукотворные материки. Вложив одну ладонь в другую (рис. 3), можно продемонстрировать Европу, транспортируемую Зевсом. Именно эту Европу все люди изначально насе-

ляют. Таким образом верхние конечности (концы) няни или матери являются первыми континентами, которые были изначально населены, структурированы, измерены. Всё это свидетельствует о том, что географические представления сложились в ходе осмысления человеческой телесности и только со временем были спроецированы на окружающую действительность.

Рука матери, прикрывающая рану или имитирующая смертельную травму, способна задолго до освоения им звукового языка убедить ребёнка что пролитие родной крови порождает проблемы не только у матери. По вполне очевидным причинам такое пролитие приводит к тому, что ребёнок становится изгоем, поскольку его исконная обитель оказывается заполненной кровью. Пясть («пасть») Матери-Земли, напившись крови, перестаёт кормить его, поскольку теряет свою силу. Подобного рода убеждения породили массу сказок и мифов, в которых и кровь, и земля наделены знаковыми функциями и ведут себя как живые. В библейском рассказе Бог говорит Каину: *«Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата своего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не будет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле»* [Быт. 4: 11–12]. Всё это побуждает связывать истоки подобного рода представлений с языком жестов, с медицинской семиотикой, которые вводятся в культуру матерями на самых ранних этапах социализации и инкультурации младенцев, задолго до приобщения к звуковому языку, к земледелию.

Три оси системы координат (рис. 3) породили представление об изначальной земле как **острове**, который возник на дне первозданного водоёма, каковым являются наши руки,

Рис. 12. Золотой телец, Минотавр.
Реконструкция В.А. Воронцова

исходная система координат. По вполне объяснимым причинам земля, материки при таком оказались расположенными на рогах быка (рис. 12). Не удивительно, что киргизы в старину полагали, что земля утверждена на огромном сивом быке. Те же представления зафиксированы у многих других тюркских народов от Поволжья до Кавказа и Крыма. Считалось, что бык, устав держать землю, перемещает её с одного рога на другой, отчего и происходят земле-

трясения». Здесь уместно вспомнить про греческий миф, в котором Европа перемещается на Зевсе, принявшем образ быка.

Наш естественный водоём (**черпак**) породил широко распространённый миф о том, что земля держится на **черепахе**.

Микрокосм, естественная матрица и связанные с ней чудесные существа, горы, реки, озёра, леса традиционно играли системообразующую роль при описании макрокосма. Приписав окружающему миру свойства своей телесности, наши предки смогли прочувствовать, а, следовательно, понять его. Поскольку мифологическое сознание не упрощает, а предельно усложняет окружающий мир, наделяет его психикой нет оснований говорить о примитивности первобытного сознания и отрицать глубокую древность картографии.

Литература

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3-х т. — М.: Наука, 1986. — Т. 1.

Богучарсков В.Т. История географии: учебное пособие для вузов. — М.: Академический проект, 2006. — 360 с.

Бусыгин Е.П. История географии. — Казань: Унипресс, 1998. — 213 с.

Воронцов В.А. Подлинные истоки волшебной сказки. — Казань: Intelpress+, 2011. — 268 с.

Воронцов В.А. Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропосоциокультурогенеза. — Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. — 415 с.

Воронцов В.А. Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе. — Казань: Центр инновац. технологий, 2015а. — 252 с.

Воронцов В.А. Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе. — Казань: Центр инновац. технологий, 2015б. — 264 с.

Воронцов В.А. Истоки географии в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза. — Казань: Центр инновац. технологий, 2018. — 284 с.

Геттнер А. География, её история, сущность и методы /пер. с англ. — Л.–М.: ГИЗ, 1930. — 416 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — М.: Политиздат, 1988. — 574 с.

Романес Д. Духовная революция человека. — М.: Тов. Сытина, 1905. — 618 с.

5. ИСТОКИ АРХИТЕКТУРЫ

*Архитектура — это искусство,
в котором мы живём.*

Дж. Стоун

Духовный фактор традиционно игнорируется и при попытках пролить свет на истоки архитектуры. Игнорируя материнскую любовь, а также материнские руки, породившие предельно архаичное транспортируемое, обогреваемое, разумное убежище, с которым человек знакомится с первых минут своего бытия, историки архитектуры сталкиваются с непреодолимыми сложностями. Так, например, историк архитектуры **В.Л. Глазычев** в своей книге «Зарождение зодчества» пишет: *«Когда речь заходит о рождении чего-то конкретного, вроде паровой машины или двигателя внутреннего сгорания, все просто или почти просто — если и идут споры, то о годах и именах, о первенстве. Куда сложнее ответить на вопрос: кто и когда первым выплавил бронзу, приучил коня ходить в упряжи, кто и когда построил первый дом?»* [Глазычев, 1983, с. 6].

Следует учитывать, что животные также строят дома. Более того, по мнению К. Маркса, *«пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов»* [Маркс, 1960, с. 189]. Посрамить самых талантливых архитекторов могут даже лишённые мозга полипы, чьи сооружения (кораллы) могут поражать и размерами, и эстетическими свойствами. Муравьи способны использовать самые различные материалы и конструкции для своих строительных нужд. Это не свидетельствует о наличии у полипов, муравьёв и пчёл архитекторов.

К. Маркс с полным основанием находил, что *«самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально»* [Там же. С. 189]. Следует заметить, что архитекторы не строят. Строительством занимаются строители. Мыслительный процесс, моделирующие системы, а вовсе не используемые строительные материалы и орудия отличают труд архитектора от труда разного рода строителей. Без мыслительного процесса, без моделирующих систем не могла быть сформулирована строительная задача, поэтому именно они лежат у истоков архитектуры.

В контексте генерализованной и генерализующей трудовой теории антропосоциокультурогенеза существует реальная возможность пролить свет истоки архитектуры. Инстинктивная, а затем и сознательная забота матерей о здоровье младенцев вызвала к жизни широкий спектр культурных феноменов: медицину, кухню, костюм и т. д. Породила она и архитектуру. В монографиях [Воронцов, 2016, 2018], посвящённых истокам архитектуры и искусства, показано, что материнская забота, материнские руки вызвали к жизни не только исходную обитель человека, но мысленные построения. К такого рода построениям относится исходная система координат (рис. 3). **Строенные** оси породили представление о **строении**, а также о высоте, ширине, длине строения, без которых не может быть сформулирована строительная задача.

Забота о здоровье ребёнка побуждает матерей приобщаться, а также приобщать своих чад к геометрическому моделированию, к осмыслению архитектуры естественной

системы координат. Руки, рефлекторно или осознанно прикрывающие и обозначающие **кровь**, является первым **кровом**, снабжённым размерами. Исходный кров, исходная маска, исходное мерное устройство (**мерило, мурло**) позволяющие **замуровывать** кровоточащую рану, умерять невыносимую боль, заставляющую нас стенать, лезть на рукотворную стенку, подверглись изначальному осмыслению и стали воспроизводиться осмысленно.

Изначальная связь архитектуры с экспрессией не канула в Лету, поэтому далеко не всё, что строится человеком представляет архитектурную ценность, и далеко не все нереализованные и нереализуемые проекты архитекторов потеряли свою значимость для архитектуры. Здесь просматривается аналогия между трудом архитектора и драматурга. Пьеса драматурга представляет самостоятельную ценность, которая не зависит от факта её постановки или экранизации. О самоценности архитектурных идей свидетельствует их воспроизведение на одежде, посуде, обоях и т. д. Абстрагируясь от дерева, камня, глины, бетона, постигая истоки архитектуры как мыслительной деятельности, мы постигаем не только «архитектуру мысли», но и «архитектуру чувств»: связь жестов, рукотворных **построек, строений с настроением**.

Мысленные универсалии древних, позволяющие моделировать, структурировать, оцифровывать пространство, координировать, оценивать труд строителей, не нашли отражения в исследованиях, посвящённых истории архитектуры». Следует заметить, что исходные идеальные (мысленные) постройки, исходные моделирующие системы дошли до нас в идеальном состоянии. Рукотворный универсум — «умный дом человечества», посредством которого мы учимся считать, мерить, намереваться, думать, а также исходные архитектурные идеи невозможно «вырубить топором». Без

них — «как без рук». Именно руки позволяют продемонстрировать первые плотины, стены плача, бассейны, башни, храмы, кухни и т. д. Такого рода построения, обеспечивающие не только мыслительный и знаковый процессы, но и нашу жизнедеятельность, позволяют проследить тот этап в становлении архитектуры, когда архитектурная мысль абсолютно самоценна и предельно актуальна. Между тем историки архитектуры предпочитают этот этап игнорировать и руководствоваться догадками при осмыслении причин, вызвавших к жизни самые разные феномены протоархитектуры.

Механицизм, догмы современной антропологии и археологии побуждают историков архитектуры искать первые человеческие жилища вне материнских рук, вне исходного логического аппарата, исходной системы координат. В «Очерках по истории архитектуры» советский историк архитектуры Н.И. Брунов пишет: *«Пещера была древнейшим жильём человека, который пользовался изначально естественными пещерами»* [Брунов, 2003, с. 12]. Подобного рода идеями руководствовался ещё антрополог Э. Дюбуа, пока факты не убедили его, что предки человека предпочитали открытые пространства. Два поколения семьи Лики — палеоантропологов и писателей, сыгравших ключевую роль в поисках останков древнейшего человека в Восточной Африке, также находили стоянки и останки древнейших людей отнюдь не в пещерах, отопление и освещение которых требует наличия богатого древостоя, который не характерен для местности, в которой обитали древнейшие предки человека.

Особенно опасен климат пещер для человеческих младенцев. Материнская любовь, забота о здоровье младенцев вызвали к жизни **со'оружения** из естественных **орудий**

(рук). Это духовное чувство, эти рукотворные сооружения древнее каменных орудий, древнее самых первых попыток наших предков перейти к наземному обитанию. Глубоко ошибаются М.Г. Зейферт и И.Х. Мифтахутдинов, которые в своей книге «История архитектуры» пишут: *«Зарождение архитектуры можно отнести к эпохе позднего палеолита. В это время появились простейшие постройки, отвечающие не только утилитарным, но и примитивным духовным потребностям человека»* [Зейферт, Мифтахутдинов, 1998, с. 4].

Без учёта материнских рук, обеспечивающих основополагающую духовную потребность, изначальное человеческое бытие, можно глубоко ошибаться относительно времени появления первых «умных домов», первых переносных жилищ, первых полов, куполов, балок, первых оград, висячих мостов, замков и т. д. Игнорируя «ручное мышление», язык жестов, архитектурные архетипы, невозможно постигнуть природу исходных универсальных моделирующих систем, которые не имели отношения ни к камню, ни к бронзе, ни к железу, но имели самое непосредственное отношение к заботе о здоровье, к рукотворным постройкам, убежищам.

Особенности исходных архитектурных сооружений нашли детальное отражение в мифах и сказках. Сказочные сооружения (рис. 12–16), могут поворачиваться по команде и возводиться мгновенно. Две руки, **пальцы** позволяют воспроизводить ворота, сети, стены, плетни, палаты (итал. *'палаццо'*) в мгновение ока. Руки (греч. *χείρ* 'рука'), рукотворные маски (*хари*) легли в основу **храмовой** архитектуры. В первозданных храмах до сих пор ищут успокоения, преклоняют головы горемыки. По вполне объяснимым причинам герои сказок могут оборачиваться в церкви, мечети и т. д. *«Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; обороти-*

Рис. 13. Ума палата.
Реконструкция В.А. Воронцова

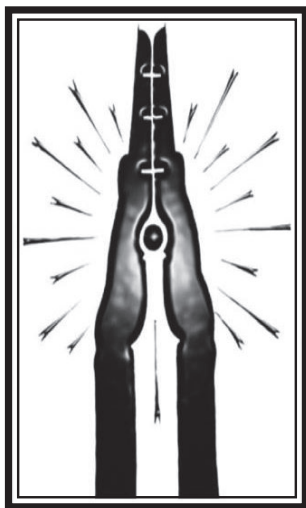

Рис. 14. Храм солнца.
Реконструкция В.А. Воронцова

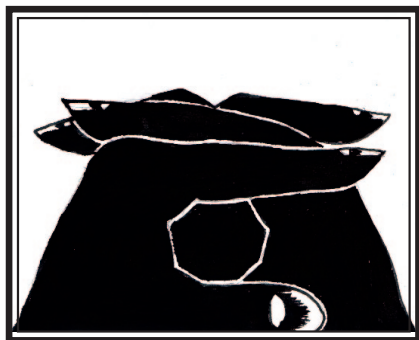

Рис. 15. Первый замок — детинец.
Реконструкция В.А. Воронцова

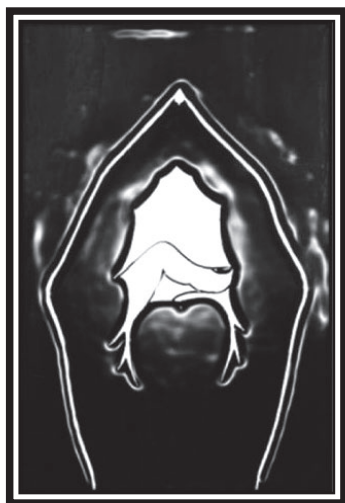

Рис. 16. Избушка Бабы-яги
и её хозяйка. Реконструкция
В.А. Воронцова

ла царевича — старым попом, а сама сделалась ветхой церковью» [Афанасьев, № 219]. «Только что он уехал, церковь оборотилась царевною...» [Там же. № 220]. В татарской сказке девушка говорит герою: «Ты стань мечетью, а я муэдзином стану и азан принесу» [Татарское..., 2001, № 3]. Игнорируя сказочные сооружения подобного рода, невозможно понять истоки архитектурных архетипов.

Сеть у раны породила представления о **струнах**, а также о **стенах**, снабжённых струнами, которые начинают звучать при малейшем прикосновении к **стене**. В русских сказках регулярно упоминаются подобного рода стены. Наивно полагать, что подобного рода сигнализация, подобного рода стены не были известны уже первым приматам, которые попытались ввести в культуру врачевание. Всё это свидетельствует не только о глубокой древности сказочной образности, но и о глубокой древности архитектурных архетипов.

Пальцы материнских рук могут сформировать замок (рис. 15), позволяющий удерживать на руках ребёнка длительное время. Этот замок является одним из древнейших архитектурных сооружений. Он назывался также детинцем — средством для переноса детей. Со временем замки, детинцы стали воспроизводиться и помимо материнских рук. К такого рода замкам относятся кольцевые выкладки из камней, дольмены.

Дольмены породили массу вопросов у исследователей. Так, например, исследователей глубоко волнует вопрос: почему многие из этих сооружений, создание которых требует титанических усилий, имеют малую площадь и мало пригодны для проживания в них сообществ, а некоторые вообще недоступны для проникновения в них взрослых людей? Убедительный ответ на этот вопрос можно получить, если учесть, что дольмены могли быть убежищами для детей или

использоваться для ритуалов, связанных с пребыванием детей в утробе Матери-Земли и последующего их появления на свет.

Материнские детинцы, висячие мосты особенно прочны, когда удерживают тела младенцев, поэтому возник обычай при возведении самых разных сооружений: крепостей, мостов, башен закладывать в их основание детей и матерей. Так, например, в легенде о постройке казанской крепости говорится: *«Тогда, сказывают, был странный обычай: перед тем, как построить новый город совершали в память этого события какое-нибудь великое дело. По обычаю того времени, и при основании этого города должны были совершить что-нибудь. Галим-бик заставил бросить жребий между одним своим приближённым и своим сыном. На кого выйдет жребий, того необходимо было закопать живым в фундамент, в память строящегося города. Жребий выпал на долю собственного сына Галимбик-хана»* [Вахидов, 1926, с. 89].

У югославов есть баллада, которая называется «Построение минарета Дервиш-паши», которая заканчивается так:

*«Минарет паши был воздвигнут
До сих пор он стоит, как прежде.
Закопал паша под минаретом
Верную жену молодую,
Вместе с нею младшего сына».*

[Построение..., 1980, с. 179]

Весьма прочные рукотворные сооружения получают- ся при захвате кровавой раны. Следует заметить, что слова *орудие, сооружение* происходят от слова *руда* `кровь`, что подтверждает их изначальную связь первого рукотворного крова с кровавой раной. Всё это породило поверье о необходимости возводить самые разные сооружения «на крови».

Английский этнолог Э.Б. Тайлор (1832-1917) в своей книге «Миф и обряд в первобытной культуре» об этом писал следующее: *«В Шотландии распространено поверье, будто пикты, которым местная легенда приписывает постройки доисторической древности, орошали закладку своих построек человеческой кровью»* [Тайлор, 2000, с. 35]. Он также упоминает английскую легенду о Вортигерне, *«который не мог окончить своей башни, пока камни фундамента не были смочены кровью ребёнка, рождённого матерью без отца»* [Там же. С. 36].

Взгляды, согласно которым замок, стена или мост нуждаются в человеческой крови для прочности, не только широко распространены в народных поверьях, но и широко воплощались в жизнь. Это подтверждается хрониками разных стран. **Тайлор** привёл многочисленные свидетельства того, что издревле человеческие жертвоприношения при строительстве были широко распространены в самых различных частях ойкумены, что свидетельствует об их глубокой древности. Более того, он показал, что *«гнусные обряды, о которых в Европе сохранилось лишь смутное воспоминание, ещё сохраняют своё древнее значение в Африке, Полинезии и Азии в тех обществах, которые являются если не хронологически, то по степени своего развития представителями древнейших ступеней Цивилизации»* [Там же. С. 38–40].

Мёртвая хватка, вызванная смертельной болью, инициировала у разных народов не только поверья в необходимость строительных жертв, чтобы сооружать намертво. Не менее широко распространено поверье, что каждое новое здание строится на «чьё-либо голову», т. е. в нём кто-либо должен в скором времени умереть. Богатая подборка таких поверий приведена в книге Д. Зеленина «Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов». Так, например,

«в Шотландии прежде широко была распространена вера в то, что постройка нового дома влечёт за собою скорую смерть хозяина» [Зеленин, 1937, с. 31]. У немцев было поверье: «Кто первым войдёт в новый дом, тот ранее всех прочих в данной семье умрёт, почему на новоселье сначала в новый дом пускают кошку или собаку, петуха или курицу, или какое-либо иное животное и носят его по всем помещениям» [Там же. С. 31]. В связи с этим поверьем, великорусы прежде при первом входе в новый дом на пороге избы отрубали голову у курицы и мясо этой курицы не ели. «В бывшей Владимирской и других северных губерниях в новую избу сначала пускали ночевать петуха или кошку, особенно чёрной масти, и только потом уже переселялись на жительство сами хозяева. Некоторые старики, впрочем, намеренно первыми вступали в новую избу, желая тем показать, что они готовы умереть. Украинцы на Полтавщине прежде боялись присутствовать при закладке нового здания, так как верили, будто бы плотник может заложить "на голову" присутствующего человека, и этот последний вскоре умрёт» [Там же. С. 32]. Османские турки свято верили, что «пока дом строится, хозяин не умрёт» [Там же. С. 33]. Сходные поверья привели к обыкновению не доводить постройку в деталях до полного конца.

Поскольку естественные строения возводятся при выражении всякой скорби, *«украинцы некогда верили, что дом может быть заложен на болезнь, смерть, хилость детей, падёж скота, размножение червей. Закладывали обычно на чью-либо голову, иначе и поп не будет святить здания»* [Там же. С. 35]. Всё это подтверждает мысль о том, что истоки протоархитектуры, как и истоки геометрии, математического моделирования, начертательной геометрии неразрывно связаны с болезнью, смертью, медицинской семиотикой и

должны изучаться в неразрывной связи с самой древней наукой — медициной.

Огромную роль в становлении протоархитектуры сыграло живое небо (нёбо), принадлежащее пясти (пасти). Живое небо является первым полом, первым куполом, которые подвергаются осмыслению. В первозданное небо (нёбо) можно угодить пальцем при счёте. На нём обитают безгрешные люди – младенцы. Сказки и мифы свидетельствуют, что издревле можно было забираться на небо и наедаться там. Именно это небо послужило в качестве прообраза макроскопического неба. Макроскопическое Небо отличается недоступностью для простых смертных. Во время грозы оно оскаливается и грозит поглотить Землю со всеми обитателями. Его побаивались не только дети. Запуганным небесными грозами обитателям Земли оставалось надеяться, что Небо не обрушится на Землю, поскольку побоится высоких гор, острых скал, высоких деревьев, которые могут проколоть его.

Надежды на спасение от неминуемой гибели привели к обожествлению окружающих гор, скал, высоких деревьев, рощ. Без всякой надежды оказывались только те, кто не видел вокруг себя высоких гор, растений, острых скал. Чтобы усовершенствовать ландшафт и утратить Небо, люди стали воспроизводить геоглифы, петроглифы, выкладки из камня с образами героев, которые угрожают Небу палицами (рис. 17) или держат палки, способные проколоть небо при его попытке обрушиться на землю (рис. 18).

Надо сказать, что далеко не везде и не всегда люди полагались на возможность запугать Небо простыми изображениями. Радикальным средством для устрашения Неба считалось снабжение Земли элементами челюстной системы, способной испугать небесный свод или дать ему опору.

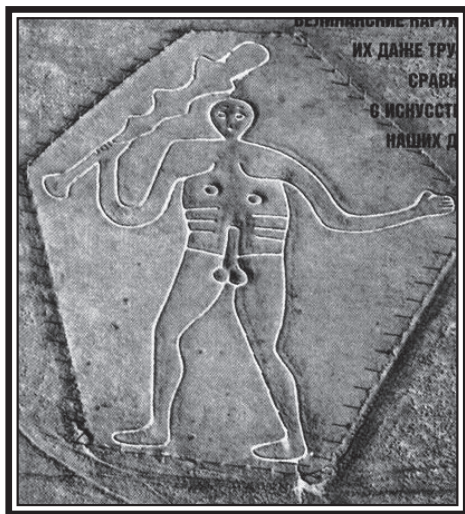

Рис. 17. Геоглиф великана «Керн-Аббаса».
Деревня Дорсет, Англия)

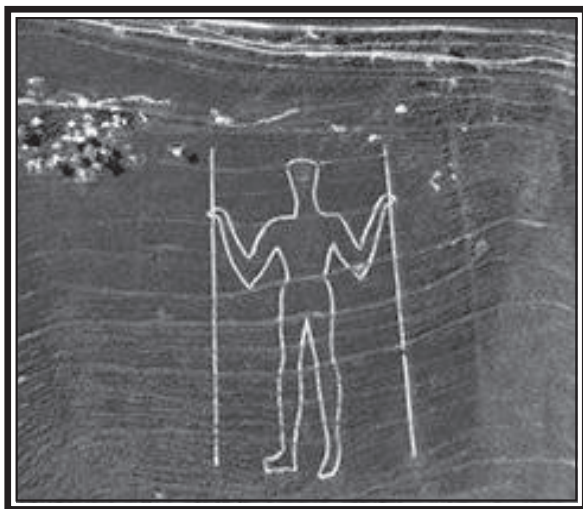

Рис. 18. Геоглиф «Лонгмен» на склоне холма.
Графство Дорсет. Англия

Рис. 19. Китовая аллея. Остров Ытыгран. Чукотский полуостров

Рис. 20. Аллеи менгиров. Карнак. Франция

К подобного рода сооружениям относятся китовые аллеи (рис. 19), группы менгиров, а также их аллеи (рис. 20). Чтобы «покуситься» на Небо, эти аллеи могли простирались до самого горизонта.

Для фиксации Неба обитатели острова Пасхи воспроизвели каменные статуи в виде сдвоенных передних резцов челюстной системы человека (рис. 21), которые изначально были снабжены шляпами из розового камня, служившими в

Рис. 21. Маои. Остров Пасхи. Область Вальпараисо. Чили

Рис. 22. Изображение на обратной стороне маои «Моаи Хоа-Хака-Нана-Иа». Остров Пасхи. Британский музей. Лондон

качестве дёсен Небу (Нёбу). То, что сдвоенные зубы служили в качестве опоры для Неба и катящегося по нему солнца, подтверждает изображение, приведённое на рис. 22.

Рис. 23. Геоглифы на холме Керро-Питандос.
Пустыня Атакама. Чили

Изначальное пребывание детей в материнских пастях-пестях, а также их последующее освобождение из чрева, привело к появлению каменных лабиринтов, символизовавших пищеварительный тракт Матери-Земли, пройти через который должен ребёнок в ходе мифологизированного обряда жертвоприношения и последующего его порождения змееподобной Матерью-Землёй. Сцена с отправлением ребёнка в лабиринт приведена на рис. 23.

Литература

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. — М.: Наука, 1984–1986.

Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры. В 2-х т. М.: Центрполиграф, 2003. — Т. 1. — 400 с.

Бахидов С.Г. Татарские легенды о прошлом Волжско-камского края // Вестник научного общества татароведения. — Казань, 1926. — № 7.

Воронцов В.А. Истоки протоархитектуры в свете генерализованной и генерализующей трудовой концепции антропосоцио-

культурогенеза. — Казань: Центр. инновац. технологий, 2016. — 282 с.

Воронцов В.А. Истоки искусства в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза. — Казань, 2018. — 298 с.

Глазычев В.Л. Зарождение зодчества. — М.: Стройиздат, 1983. — 126 с.

Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1960. — Т. 23. — 907 с.

Построение минарета Дервиш паши // Эолова арфа: Антология баллады. — М.: Высш. шк., 1980. — С. 179–180.

Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре / пер. с англ. — Смоленск: Русич, 2000. — 624 с.

Татарское народное творчество: В 14 т. — Казань: Раннур, 2001. — Т. 2. — 400 с. (Волшебные сказки).

6. ИСТОКИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ, БАСНИ, СКАЗКИ И МИФА

*От басни навсегда
Нечаянно дойдёшь до были.
И.И. Дмитриев*

Генерализованная и генерализующая трудовая теория антропосоциокультурогенеза, связывающая истоки различных феноменов культуры с исходными формами общения матери и младенца, позволяет ответить на широкий круг вопросов, связанных не только с истоками языка, но и с истоками стиха, басни, сказки и мифа. Обратив внимание на корень («зря в корень») слова *сказка* (укр. *казка*), можно заключить, что это слово изначально обозначало визуальный показ, демонстрацию, наглядное свидетельство. Слова *сказать* и *показать* связаны по смыслу так же, как слова *смазать* и *помазать*. Есть все основания полагать, что не только сказки, но и басни изначально показывались, были наглядными свидетельствами, в них верили. В украинском языке до сих пор *бачення* 'видение'. Факты побуждают исследователей говорить о том, что и мифы изначально демонстрировались. Так, например, российский философ, мифолог и искусствовед М.С. Кухта в своей книге «Истоки искусств» пишет: *«Использование звуковой оболочки совершенно обязательно для проявления мифического слова, пластическим модусом которого являются ритуально-магические практики во всем многообразии жестов, мимики, обрядовой символики»* [Кухта, 2010, с. 37].

Советский фольклорист В.Я. Пропп (1895–1970) был глубоко прав, утверждая, что все сказания изначально де-

монстрировались. В своей книге «Исторические корни волшебной сказки» он писал: *«То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали, а то, что не делали, представляли себе»* [Пропп, 1946, с. 353].

Немецкий философ М. Хайдеггер (1889–1976), ориентируясь на лингвистические факты, почерпнутые из немецкого языка, также приходит к мысли о том, что сказания изначально показывались. Он пишет: *«Помня о древнейшем употреблении этого слова, мы будем понимать сказ от сказывания в смысле показывания и употребим для обозначения такого сказа, насколько в нём покоится сущность языка, старое, достаточно засвидетельствованное, но умершее слово каз»* [Хайдеггер, 1983, с. 265].

При реконструкции исходных форм показа важно учитывать бриколаж. Бриколаж (от фр. bricolage) — создание предмета или объекта из подручных материалов, а также сам этот предмет или объект. Этот термин применяется в различных областях, включая философию, искусство, образование, антропологию, компьютерное программное обеспечение, бизнес. Бриколаж приводит к перевоплощению существующих материалов, объектов или символов в неожиданно новые. В баснях, сказках, мифах субъекты и объекты регулярно приобретают самые необычные свойства и способности. Это побудило известного этнолога, социолога, этнографа, философа и культуролога К. Леви-Строса считать бриколаж характерным для менталитета людей традиционного общества. В своей книге «Структурная антропология» он утверждал, что *«мифологическая рефлексия выступает в качестве интеллектуальной формы бриколажа»* [Леви-Строс, 1994, с. 130].

С бриколажем, причём не только интеллектуальным, абсолютно все приматы знакомятся с первых дней своего

появления на свет. Руки их матерей способны трансформироваться в общие (ностратические) для всех приматов убежища, транспортные средства, водоемы, маски, миски, указки, а также предельно наглядно манифестировать процессы порождения этих объектов, их потенции. Это позволяет рассматривать материнские руки в качестве общей (ностратической) образной семиотической системы, способной порождать общепонятные для всех приматов общие (ностратические) визуальные стихи, сказки, басни и мифы. Игнорируя исходную форму бриколажа, вещественное вещание, вещее слово, вещественные мыслеформы, Леви-Строс не смог разглядеть, прочувствовать, осознать мифологическую мысль, пролить свет на природу ностратических сказочных и мифологических кодов, а также произвести реконструкцию изначальной формы и содержания ностратических мифов и сказок.

Учёт порождённой бриколажем семиотической системы, которая органически присуща всем приматам, понятна даже младенцам и используется в их социализации, инкультурации изначальное, создаёт условия для реконструкции исходных форм стихов, басен, сказок, легенд и мифов, которые следует рассматривать как неразрывно связанные предметные, мысленные и знаковые процессы, порождённые вещественным вещанием, вещим словом.

Бриколаж, показ, сказ, басня, миф зачастую имеют рефлекторные формы, которые только со временем вводятся в культуру. Сильная боль побуждает приматов рефлекторно **сетовать**: наносить координатную или мерную **сетку** из пальцев рук на больное место, чтобы умерить боль. **Сетки, вёрши** из пальцев (рис. 1, 3) породили представления об исходных, предельно выразительных и предельно актуальных **стихах, виршах, поэмах, поэзии**, которые не могут кануть

в Лету, пока существуют приматы. Следует заметить, что в славянских языках слова **уд**, **оуд** означают 'части (тела)' [Фасмер, 1973, с. 148], причем преимущественно конечности, включая срамные уды. Это наводит на мысль о том, что **оды** изначально складывались посредством сложения рук. Естественный **стих** может нападать на человека чисто **стихийно** и характеризовать наше состояние предельно выразительно. Именно рефлекторный **стих** породил представления о **стихиях**, а также о повелителях этих стихий и основоположниках стихосложения — божествах (рис. 6).

Визуальный показ способен воспроизводить всё и вся. Он должен был породить поэзию, сказки, басни, мифы задолго до появления звуковых языков, да и самого человека. Дело в том, что визуальный показ широко распространён в живой природе, что свидетельствует о его глубокой древности. Сразу после рождения любая обезьяна убеждается, что она окружена взрослыми особями (гигантами, великанами) и находится в их полном подчинении. В процессе приучения её к рукам она знакомится с райским уголком (рис. 3), с рукотворным миром, созданным гигантами. Отучение её от рук (изгнание из рая, конец золотого века) также отражается в её сознании, поскольку происходит не без её энергичного сопротивления. Аналогично обстоит дело не только с мифологическими, но и со сказочными сюжетами, мотивами.

Визуальный показ делает басни, сказки, мифы очевидными и убедительными. Надуманными они кажутся при их отражении в псевдоязыках, **лишённых способности показывать — сущностного качества подлинных языков (по М. Хайдеггеру)**. К подлинным языкам следует отнести язык жестов, язык геометрии, графики (черчения), живописи, фотографии, кино и т. д.

Подлинный язык в принципе не может быть замещён псевдоязыком. Ещё французский философ Э.Б. де Кондильяк настаивал, что учёт языка жестов абсолютно необходим при изучении древних мифологических и религиозных систем. Он утверждал [Кондильяк, 1980, с. 186, 187], что Священное писание дает нам «*бесчисленные примеры*» бесед на жестовом языке. Визуальное общение родителей с детьми способно порождать самые разные сказочные и мифические сюжеты. Так, например, в ходе приобщения младенцев к рукам, водоём, составленный из родительских ладоней, может раздвигаться и пропускать любимых чад, а затем смыкаться и трансформироваться в сказочную страну: Беловодье, Русь и т. д. Родительские руки (**руци**) абсолютно всех приматов воспроизводили и воспроизводят сюжеты о сказочной **Руси** и других сказочных странах зачастую чисто рефлекторно, что свидетельствует о глубокой древности этих сюжетов. Загадочными подобного рода сюжеты становятся только при их изложении посредством «без`образных», вторичных языков.

Ручное мышление, язык жестов фольклористы и мифологи склонны игнорировать, поэтому в настоящее время языком, стихом, сказкой, басней, мифом считается то, что было всего лишь звуковым сопровождением подлинного языка, стиха, подлинной сказки, басни, мифа. Лишённая изначального зрительного ряда, делающего очевидными, тривиальными сказочные и мифические события, звуковая сказка будит воображение, причём, не только у детей. Подвиги сказочных героев в традиционных обществах глубоко волнуют и взрослых. До недавних пор слушание сказок было любимым времяпровождением в сельской местности в зимнее время даже в Европе. Во многих регионах Азии, Африки, Америки, Австралии эта традиция до сих пор не изжита.

Исследователи зафиксировали не только интерес к сказочным событиям, но и традиционно глубокую веру в сказочные чудеса, которая изначально была свойственна разным народам. Такая вера у русских была широко распространена ещё в XIX веке. Советско-российский литературовед, фольклорист, филолог-славист Н.В. Новиков (1911–1997) считал, что установки на вымысел *«не было у многих сказок во второй половине XIX и даже в начале XX в., что и подтверждается конкретными фольклорно-этнографическими наблюдениями»* [Новиков, 1974, с. 14]. Он писал: *«Несомненно, что чем дальше в прошлое, тем вера в сказку и её героев была распространённое и устойчивее. И это вполне закономерно, поскольку основу сказки составляют языческие представления, которые лишь с течением длительного времени изживаются в сознании народных масс»* [Там же, с. 22]. Действительно, глубокая вера в колдунов, ведьм, в колдовские чары, в чудесные превращения издревле была присуща всем слоям населения, независимо от возраста и пола. И тут как раз проявляется огромная разница между пониманием слов «казка-сказка, байка-басня» народом и исследователями. Ссылки на мифологическое сознание не раскрывают суть проблемы. Ибо проблема глубже.

Цивилизация разрушает веру в сказку. Подавляющая масса цивилизованных людей уже не верит в сказочные чудеса и склонно трактовать сверхъестественное, как неестественное. Между тем, сверхприбыль — прибыль, сверхразум — разум, сверхъестественное — предельно естественно. Вспомнив про бриколаж, совсем не сложно обнаружить источник всех сказочных чудес. Этим источником является чудо природы — человеческие руки. Эти органы (др. русск. *це уды, це оуды, це оудеса*), способны породить представления о **чуде, чудесах, чудаках, чудачествах, чуде и уде** (Чуде-

Юде) и т. д. Чтобы увидеть Чудо-Юдо, достаточно обратить внимание на наши пясти-пасти, демонстрирующие напасти, зверскую боль. Загадочными чудеса, сказочные существа становятся только при игнорировании их природы.

Неверие в сказочные чудеса свойственно абсолютному большинству исследователей волшебной сказки. Так, например, В.Я. Пропп категорически заявлял: *«Сказка есть нарочитая и поэтическая фикция. Она никогда не выдаётся за действительность»* [Пропп, 1976, с. 87]. При этом Пропп не замечал, что вступает в противоречие с собственной же теорией о «дикарских» корнях сказки. Для нынешних туземцев, на которых ориентируется наука в своих представлениях о первобытном обществе, *«все сказки являются преданиями о том, что имело место в действительности»* [Леви-Брюль, 2010, с. 16-17]. Следует учесть, что изначально, пребывая на материнских руках, в сказочном мире, люди не выделяют себя из сказочной действительности. Их интересуют русалки, домовые, лешие, чуды-юды вовсе не потому, что о них слагаются занятные истории, а потому, что люди вынуждены сожительствовать с этими персонажами чудесной сказки.

Неверие в сказочные чудеса порождает непреодолимые проблемы при выявлении исторических корней волшебной сказки. Оно побуждает исследователей искать истоки волшебной сказки в народной фантазии, мистических обрядах, снах, которые являются формами превратного отражения действительности. Всё это создаёт предельно искажённое представление о мифологическом сознании, о той действительности, которая отражена в волшебной сказке.

Масса проблем возникает и у тех исследователей, которые искренне верят в реальность сказочного мира. Так, например, профессор филологии Оксфордского университета

Дж. Р.Р. Толкиен (1892–1973) относился к миру волшебной сказки очень и очень серьезно, не считая его вымыслом, однако находил, что искать корни волшебной сказки — крайне трудная и неблагодарная задача. Вместе с тем, в своей статье «О волшебных историях» он отмечал: *«Вопрос: “Где скрыто начало чуда и волшебства?” — без сомнения приведет нас к самым фундаментальным и вечным вопросам нашего мира»* [Толкиен, 1991, с. 28]. С этим трудно не согласиться.

Бриколаж, язык жестов, ручное мышление традиционно игнорируются и при изучении истоков басни. Басня часто рассматривается как жанр дидактической литературы: короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированным моральным выводом, придающим рассказу аллегорический смысл. Нужно сразу сказать, что использовать понятие жанр весьма проблематично при рассмотрении басен и сказок о животных. Материалы, собранные в древних и средневековых сборниках басен, столь разнообразны, что никакое точное определение не способно их охватить. Так, например, басни Эзопа включают сказки, этиологические мифы, споры между соперниками, мифы о богах, новеллы, анекдоты, шутки и т. д.

Впервые комплексное изучение процессов формирования басенных, сказочных и мифологических архетипов с учётом бриколажа, а также в неразрывной связи с антропосоциокультурогенезом, с процессом введения в культуру языка жестов, математического моделирования проведено в работах [Воронцов, 2008, 2010, 2011, 2012, 2019а, б]. Эти исследования позволили пролить свет на основные особенности мифологического мышления, на сказочную древность, на баснословные времена. Они также позволили понять природу мифических, сказочных и басенных универсалий, инвариантов, архетипов, ностратических сюжетов и мотивов.

Эти универсалии оказались порождёнными универсальным характером исходной орудийной и знаковой системы — материнских рук.

Две руки матери являются дверками в чудесный мир детства всех приматов, игнорируя которые невозможно постигнуть естественные истоки сказок, басен и мифов, а также природу множества сказочных и мифических архетипов, универсалий. Анализируя связанный с материнскими руками исходный культурный слой, можно увидеть «скатерть-самобранку» (рис. 24), «ковёр-самолёт» (рис. 25), утварь, чудесных тварей (27-38), чудесные растения (рис. 39-41).

Люди быстро забывают времена, связанные с пребыванием на материнских руках, но их матери помнят этот этап в жизни своих детей, начиная с самого первого его момента. В рукотворном разумном духовном мире, воплотившим святое материнское чувство, младенцы учатся с огромным энтузиазмом демонстрировать свою любовь к близким, готовность всем делиться с ними. Это даёт основание трактовать материнские руки как первый социальный лифт, который обеспечивает переход младенца из животного состояния в социальную жизнь, наделяет его качествами, которые высоко ценятся в обществе.

«Отбиваясь от рук» дети зачастую утрачивают былой энтузиазм в манифестации своих социальных потенций. Эти утраты глубоко огорчают их матерей и побуждают их вновь и вновь вспоминать о изначальных благостных временах, когда люди беззаботны, ничего не знают о смерти и питают искреннюю любовь к ближним. Горестные сентенции матерей об ухудшении нравов, ожесточении людей после того как они «спустятся на землю» не могли не оформиться в соответствующие мифологемы.

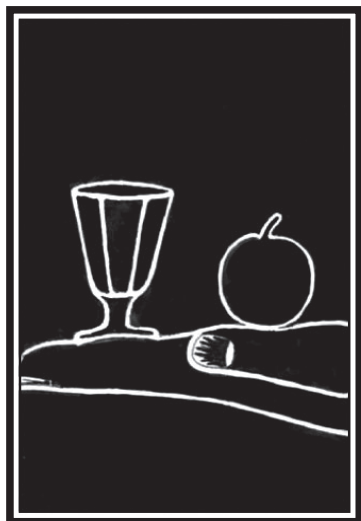

Рис. 24. Скатерть-самобранка.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 25. На ковче-самолёте.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 26. Солнечная колесница.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 27. Мышка на ручке и варежка.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 28. Коза-дереза.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 29. Сказочный змей
и его жертва. Реконструкция
В.А. Воронцова

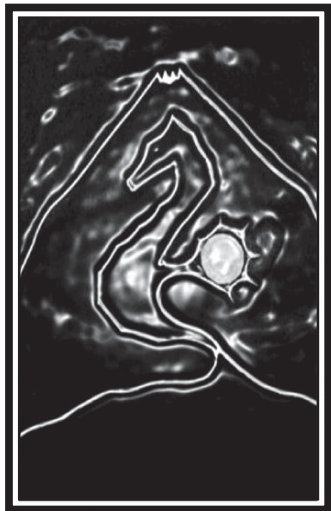

Рис. 30. Дракон похищает солнце.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 31. Жар-птица.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 32. Птица Рух затмевает солнце.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 33. Золотой телец, Минотавр.
Реконструкция В.А. Воронцова

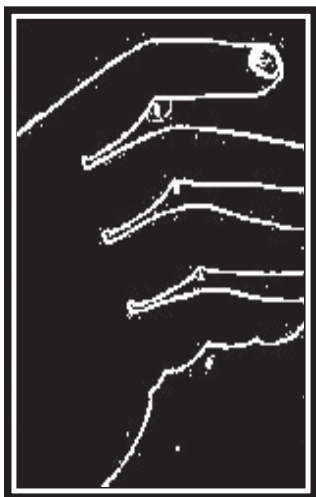

Рис. 34. Крокодиловы слёзы.
Реконструкция В.А. Воронцова

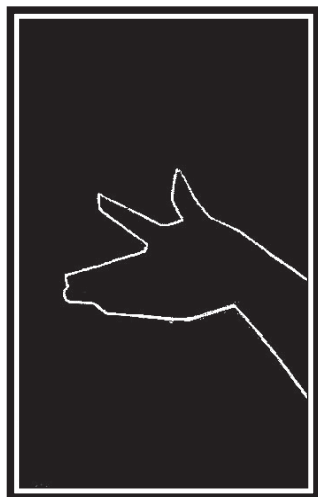

Рис. 35. Единорог.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 36. Паук и его паутина
или жук и дюймовочка.
Реконструкция
В.А. Воронцова

Рис. 37. Воспроизведение сказочных
и мифических существ. Из раскопок
чуских могил. V-III вв. до н.э.
Город Чанша.
Провинция Хунань, Китай

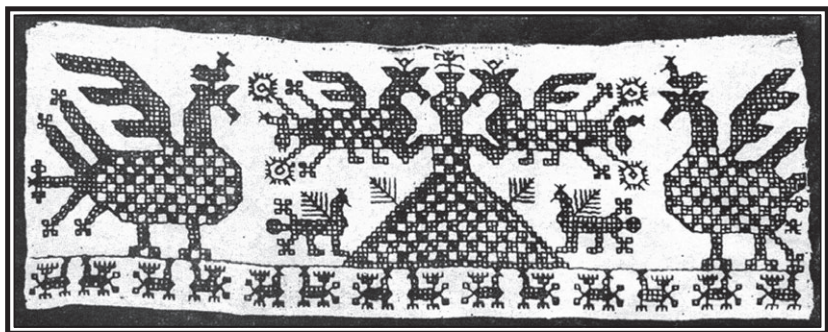

Рис. 38. Рукотворные чудесные животные. Конец полотенца.
Вышивка двусторонним швом красными нитями
по льняному полотну. Псковская губерния. XIX в.
// Богуславская И. Я. Русская народная вышивка. — М., 1972. — С. 10.

Рис. 39. Цветик-семицветик.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 40. Мировое древо (вид сбоку).
Реконструкция В.А. Воронцова

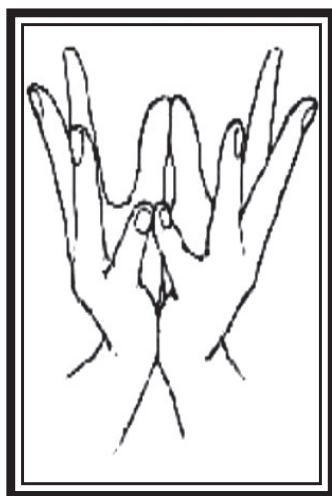

Рис. 41. Лотос-мудра
(обитель богов)

Золотой век — мифологическое представление, существовавшее в античном мире, согласно которому первые времена человечества отличаются абсолютной беззаботностью. Зародышевую форму таких представлений можно найти не только у греков, но и у многих первобытных народов, сохранивших мифы об изначальных временах, когда человеку не надо было трудиться, а окружающий мир был рукотворен и полон чудесных превращений. Представления о золотом веке, утраченном земном рае можно встретить и в развитых религиозно-мифологических представлениях.

Современная наука не смогла убедительно объяснить причину стойкой веры народов в золотой век, сказочные страны. Она категорически отрицает существование в прошлом таких времен, когда человеку всё доставалось даром, когда его окружали чудесные предметы, постройки, существа. В основе скептического отношения современной науки к сказочным древностям лежат свидетельства археологической науки, которая категорически отрицает сказочную действительность. Слепота археологов вполне объяснима. Они просто забыли о начальных временах человеческого бытия, когда деревья были большими, плоды — огромными, когда человека окружали исполины (большие, взрослые), «титаны мысли и духовности».

Рука руку моет. Руки любого примата обречены на сотрудничество, которое предельно архаично, естественно, наглядно и поучительно. Руки примата могут обручаться, понести ребёнка, заботиться о нём, воспитывать его. Потенции рук могут адекватно осмысливаться не только приматами, но и другими животными, что обеспечивает их приручение.

В работе [Воронцов, 2012] показано, что сведение рук (свадьба) формирует **матрицу**, **матрац**, **мат**, которые позволяют **материться**, обкладывать **матом**, обозначать больные

места молча. Эта **матрица**, этот матрац состоит из **матери и отца**, составляющих самую архаичную **семью**, которая свойственна всем без исключения приматам и лежит у истоков **семиозиса**: благого мата, математики и т. д. В этой работе также показано *«что пятеро пальцев на руке и составляют первого патера. Эти звероподобные патеры, пятерни, патроны заботились о детях в те времена, когда самцы абсолютно не участвовали в воспитательном процессе, и вся забота о детях лежала на плечах самок. Вторая рука (собственно мат, мать-земля) прикладывается непосредственно к телу при обозначении матери, разметке больного места (благой мат)»* [Там же. С. 173]. Связь сказочных супругов с нашими ладонями подтверждает тот факт, что в древнерусском языке *лада* `супруг`, укр. *ладо, лада* `супруг`, `супруга` [Фасмер, 1967, с. 447].

Спаренные ладони, наложенные на тело, позволяют умирить боль, поэтому свадьба, сведение рук, обручение традиционно обеспечивали успокоение, покой. Нет ничего удивительного в том, что у покойника складывают на груди руки, чтобы обеспечить вечный покой. Очевидно, что подобного рода пара обречена быть похороненной одновременно. Их свадьба предшествует похоронам. Связь сближения полов со смертью нашла отражение в сказках, балладах, мифах, обрядах. Так, например, познав друг друга Адам и Ева познали смерть. Известна также примета: видеть во сне свадьбу или себя под венцом — к смерти своей или кого-то из родных.

Руки, судорожно прикрывающие кровавую рану, породили представление о смертельной схватке между брачующимися или между супругами. Связь **ля мур**а с **мором**, смертью можно проследить на обширном лингвистическом, фольклорном и мифологическом материале. Так, например, русская былина «Дунай Иванович» связывает появление

реки Дунай с кровавой схваткой между супругами. В брачном поединке нередко участвуют целые армии (нем. *Arm`рука`*; каз. *кол`рука`*, `армия`). Сватовство как смертельная схватка является древнейшим мотивом, который получил распространение на Западе и Востоке («Китаби Коркут», «Манас», «Сорок девушек», «Тысяча и одна ночь», «Давид Сосунский», «Шахнаме» Фирдоуси и др.) Этот мотив хорошо известен исследователям, однако единый взгляд на истоки этого мотива до сих пор отсутствует.

Следует заметить, что изначальная форма брака свойственна рукам, в которых течёт одна кровь и которые появляются на свет одновременно. Нет ничего удивительного в том, что подобного рода междоусобицы, близнеческие браки издревле считались священными, поскольку они обеспечивают умиротворение, покой, порождение исходного универсума, исходного социума. Весьма древним мифом об инцесте является индийский миф о любви сестры Ями к собственному брату-близнецу Яме, изложенный в Ригведе. Согласно утверждению сестры, добывающей любви брата, *«еще в утробе прародитель создал нас двоих супругами»* [РВ X, 10,5].

Две брачующиеся пясти-пасти привели к появлению в сказках, мифах животных-супругов. Сказочные животные регулярно похищают сказочных женщин, держат их в заточении и от этого брака рождаются сказочные существа, мифические герои, которые воспитываются в логовах животных. В этих логовах воспитывались не только сказочные и мифические герои, но и все, кто писал и читает эти строки.

Зачастую сказочные и мифические отцы просто глотают своих супружниц, а также её детей, в качестве которых могут выступать пальцы. Не следует удивляться тому, что в сказках и мифах сказочные и мифические дети могут появляться из рук, головы, рта родителей. Так, например, в русской сказке,

«Мальчик с пальчик» материнский мизинец говорит матери: «Я твой сынок, родился из твоего мизинчика» [Афанасьев, № 300]. Из головы Зевса «выскочила в полном вооружении выходит Афина» [Апполодор, 2004, с. 8,9]. По вполне объяснимым причинам появлению Афины на свет предшествовало поедание Зевсом её матери — Метиды.

Отличительной чертой сказочных и мифических детей может быть наличие у них солярной символики: «во лбу солнце, на затылке месяц» [Там же. № 283]. Обнаружить подобную символику можно на пальце, если рассматривать ноготь с противоположных сторон. Глубоко ошибочны любые попытки осмысливать истоки подобной образности, игнорируя антропоморфизм, антропоцентризм мифологического сознания.

Говоря о сказочной и мифологической космогонии, следует различать процесс формирования микрокосма (рукотворной системы координат) путём сложения рук и процесс проецирования элементов микрокосма на макрокосм. В первом случае миф описывает брак, во втором — развод мифических супругов, их противопоставление. Общеизвестный китайский миф о возникновении вселенной записан в книге «Хуайнянь-цзы». В этом мифе весь процесс мироздания рассматривается как результат взаимодействия и выделения мужского («ян») и женского («инь») начал, создавших небо и землю.

Рассматривая ногти на пальцах (естественных единицах) можно обнаружить астральные символы (нимбы, лунки), которые фигурируют во многих астральных мифах и сказках в качестве братьев, сестёр, супругов, обитателей солнечных и лунных царств. Именно они породили представления о небожителях, о небесных карах, о солнце, которое может пребольно щёлкать, наносить солнечные удары и т. д. По

вполне очевидным причинам в разных частях ойкумены зафиксированы мифы, легенды, сказки, в которых говорится о том, что изначально было 10 солнц или 10 лун, которые могут быть братьями, сёстрами. Есть все основания полагать, что они близнецы, поскольку появляются на свет одновременно и из одного чрева.

Сравнительно-историческое изучение широкого круга мифологем и сказочных сюжетов позволило исследователям отнести мифы и сказки о животных к глубинным слоям мифологического сознания. В сказках, мифах в качестве предков, создателей различных культурных ценностей часто фигурируют животные, которые зачастую занимаются врачеванием и являются символом мудрости. В своей монографии «Типы и формы животного эпоса» русский этнограф, литературовед, фольклорист Е.А. Костюхин (1938–2006) писал: *«Чем ближе мы к истокам словесности, тем чаще её полноправными героями оказываются животные. То они появляются рядом с людьми, наравне с ними, а порою превосходя их, то вступают между собой в отношения, диктуемые правилами не природного, а человеческого общежития. Повествования о животных то смешат, то заставляют задуматься над нормами человеческого поведения. Словом, сфера деятельности животных в старинной словесности широка и многообразна.*

Мифы о птицах и зверях, устраивающих мироздание, сказки о проделках животных-хитрецов, нравоучительные басни, учёные сочинения фантастического характера о диковинных животных, эпические поэмы и сатирические повести о царстве животных, кривом зеркале человеческого социального устройства — вот неполный список тех художественных форм, в которых отлились повествования о животных» [Костюхин, 1987, с. 7].

Мифические животные могут выступать в качестве тотемных предков, героев, божеств, демиургов, трикстеров (обманщиков, ловкачей), ездовых животных богов, героев и т. д. Мифическое животное может выступать типологически в чистом виде, однако зачастую оно является человеческим предком и божеством, культурным героем и трикстером. Ворон у ительменов демиург, культурный герой, создатель рельефа местности и самой земли, изобретатель одежды, лодки и т. д. Это не мешает им рассматривать Ворона в качестве трикстера. Подобно сказочным животным мифические звери могут заверять, общаться между собой и с людьми, поскольку обладают особым языком, постигнув который герой становился необычайно мудрым и проницательным. Он может установить причину той или иной болезни, вылечить любую болезнь.

По поводу природы мифических тотемных существ, наделённых всеми атрибутами человека, включая речь, у исследователей до сих пор отсутствует единство взглядов, хотя попытки отрефлексировать природу тотемистических учений имеют давнюю историю. Родительские пасти-пасти способны пролить свет на природу тотемных существ, которые пестуют нас, когда мы абсолютно беспомощны, а также наставляют нас на путь истины.

Способность сказочных и мифических животных создавать исходную культурную среду, исходный жестовый язык не может вызывать сомнений. Именно с ними связаны исходные представления о жестах, божествах, о языке зверей, знакомство с которым позволяло приобщиться к самым сокровенным тайнам. Звери и звероподобные существа традиционно выступают в качестве наставников, помощников героев не только в сказках, но и в мифах. Волки, кони и другие «инструкторы» общаются с героями на общепонятном

языке. К такого рода существам в греческой мифологии относится кентавр Хирон, который выделяется мудростью и благожелательностью. Он является воспитателем героев: Тесея, Ясона, Диоскуров. В качестве лекаря он обучал врачеванию Асклепия. Имя Хирона указывает на его связь с руками (греч. χέρι — 'рука').

Сразу после рождения младенцы попадают в писти-пасти звероподобных предков, божеств, отцов. По вполне объяснимым причинам пребывание героя в чреве сказочного или мифического животного, божества, тотемного предка заканчивается тем, что их отрыгивают обратно. Многочисленные сказки, мифы свидетельствуют, что скушанные младенцы появляются на свет искушёнными во всяких премудростях. Причины этого кроются в воспитательном процессе.

Издревле был широко распространён обряд инициации, во время которого посвящаемый пролезал через сооружение, выполненное в форме огромного животного. При этом он как бы переваривался в чреве животного и извергался искушённым в тайнах, которые делают человека человеком. Это подтверждает мысль о том, что вовсе не тотемы были изначально продуктами питания, поэтому глубоко ошибочны любые попытки связывать истоки тотемизма с охотой. Для совершения обрядов, связанных с пребыванием в чреве первопредков, со временем стали сооружаться дольмены, лабиринты и другие архитектурные сооружения, осмыслить назначение которых невозможно, игнорируя материнские руки, воспитательный процесс, тотемизм. Надо сказать, что обычай принесения детей в жертву божеству нашёл отражение даже в Библии.

Руки позволяют пролить свет и на природу басен, в которых фигурируют разумные животные. Обычным животным не свойственны рассудочность, юмор, сатира. Несмотря на

длительные и многочисленные попытки пролить свет на истоки повествований о разумных животных, единый взгляд на эти истоки отсутствует. Отсутствует единообразное освещение и истоков басни. Из наиболее убедительных теорий, призванных пролить свет на эти истоки, следует отметить генеративную.

Сторонники генеративной теории с полным основанием пытаются отыскать более ранний жанр словесности, в рамках которого зародились основные характеристики басенного жанра. В работе [Воронцов, 2019] впервые показано, что основные характеристики басенного жанра присутствуют уже в дидактических пальчиковых играх-потешках. Всеми качествами басенных животных обладают животные, участвующие в дидактических пальчиковых играх-потешках, с которыми человек знакомится в первые времена своего бытия. Вот примеры такой пальчиковой игры-потешки:

*«Сорока-ворона кашку варила,
деток кормила и говорила:
Этот — пальчик большой — воду носил,
Этот — пальчик указательный — дрова колол,
Этот — пальчик средний — печку топил,
Этот — пальчик безымянный — кашу варил.
А этот — мизинчик — за водой не ходил,
Дров не колол, печку не топил, кашу не варил.
Ты кашу и не получишь!»*

Дидактические потенции этой потешки не менее очевидны и серьёзны, чем у крыловской басни «Стрекоза и муравей».

Пальчиковая **Сорока** (рис. 42) может показывать **сроки**, обучать счёту. Она самым естественным образом делится пищей не только со своими детишками, но и с самыми разными приматами (большими и маленькими). Антропо-

морфная **Кукушка** может не только показывать сроки, но и демонстрировать **кукиш**. В высшей степени наивно соотносить подобных птиц с обычными биологическими видами, а также не учитывать их роль в генезисе сказок о животных, басен, мифов о тотемных существах.

В некоторых вариантах этой пальчиковой игры-потешки обделённым Сорокой оказывается большой палец, а не мизинец. Объяснить существование этих вариантов можно, если учесть, что при разминании, подготовке кашицы четырьмя смежными пальцами доступа к пище не получает большой палец, который не участвовал в этом процессе, а разминая пищу щепотью (рис. 42) Сорока отлучает от пищи мизинец, который также не участвует в приготовлении пищи. Таким образом практика, которая свойственна абсолютно всем приматам, лежит у истоков сюжета данной пальцевой игры-потешки, что свидетельствует о его глубокой древности.

Сознательное воспроизведение и манифестация этого сюжета, а также использование его в дидактических целях должно было войти в практику после того, как пальцы стали ассоциироваться с кровными родственниками, семейством, и здесь также большую роль сыграли очевидное кровное

Рис. 42. Сорока.
Реконструкция В.А. Воронцова

родство между пальцами руки и манифестация этого родства. Вот пример такого показа, такой пальчиковой игры, существующей у самых разных народов и закладывающей основы счёта, социального моделирования:

*«Вот дедушка,
Вот бабушка,
Вот папочка,
Вот мамочка,
Вот деточка моя,
А вот и вся семья».*

Эта игра даёт возможность не только молча подсчитать членов семьи, показать их количество на пальцах, но и побудить членов сказочной семьи вытаскивать репку вместе со сказочной мышкой (рис. 27) и т. д.

Следует заметить, что в педагогических целях крайне важно внушить ребёнку мысль, что законы морали объективны, что им подчиняются и животные, и растения, и предметы, и светила. Очевидно, что пальчиковые игры-потешки играют фундаментальную роль в пропаганде этой мысли.

Широко распространено мнение что басни в качестве иносказания породили угнетённые слои общества, чтобы довести свои проблемы до сведения угнетателей. Не следует думать, что в естественном социуме (мать-дитя) существует социальное равенство. Матерей их чада бессознательно и сознательно эксплуатируют, используя их в качестве транспортных средств, а также в качестве источников всех благ, поэтому выявить древнейших эксплуататоров и эксплуатируемых в этом социуме предельно просто. Приобщение ребёнка к показу, языку жестов позволяет решить многие проблемы, с которыми сталкиваются матери, однако порождает новую. Дело в том, что простой показ позволяет визу-

Рис. 43. Золотая рыбка.
Реконструкция
В.А. Воронцова

ализировать самые невероятные требования, которыми ребёнок начинает досаждать мать. Облегчить свою участь матери могут, если им удаётся ограничить запросы своих чад. При решении этой **предельно актуальной и традиционной проблемы** неопределимую роль могут сыграть не мифы, а сказки, потешки, басни. Так, например, «Сказка о золотой рыбке» способна побудить ребёнка задуматься о необходимости ограничить свои запросы. Следует заметить, что воспроизвести подательницу разных благ — золотую рыбку предельно просто (рис. 43). Она может воспроизвес-

ти и разбитое корыто, и хоромы, и храмы (рис. 13), и палаты (рис. 14), и слуг, и сказочных стариков, и старух. Это даёт основание думать, что и «Сказка о золотой рыбке» сложилась в ходе пальчиковых игр, показа.

Следует заметить, что иносказание вводится в культуру постепенно. Для младенцев, которые зачастую ничего не знают о биологических видах, антропоморфные разумные животные выступают в качестве носителей свойств всего животного мира, который абсолютно тождественен человеческому миру. Глубоко ошибаются исследователи, которые полагают, что метафоричность изначально свойственна младенческому сознанию.

Дидактически характер басен сближает их с пословицами и сказками о животных. Е.А. Костюхин вслед за Я. Грммом полагает, что *«миф, сказка и басня — это три последова-*

тельные (в типологическом отношении) ступени развития животного эпоса» [Костюхин, 1987, с. 8]. Вместе с тем он вынужден констатировать, что «уже в архаическом фольклоре появляется мифологическая животная сказка, не имеющая ничего общего с высокой мифологией богов и героев» [Там же. С. 8]. Он также отмечает, что жанры животного эпоса неравноправны. «Безусловно доминирующим является сказка о проделках животных-проказников (трикстеров), и комизм трикстерных сказок оказывает сильное воздействие на прочие жанры фольклорного животного эпоса, вплоть до преданий и легенд» [Там же. С. 8-9]. Обращение к исходным формам общения матери и ребёнка свидетельствует о надуманности попыток выводить басню и сказку из мифа.

В сказках и мифах разных народов регулярно упоминаются не только чудесные животные, но чудесные растения. Широко распространены сказочные и мифологические мотивы, в которых отобразилась связь растения и человека, растения и мифологического героя, божества, растения и рода, семейства. Первобытный человек наделял дерево не только способностью чувствовать, но и способностью мстить, наказывать. Следует заметить, что во многих языках слово *рука* может обозначать 'растение', 'ветку', 'кисть', 'палку', 'отпрыск' и т. д.

Для выяснения природы сказочных и мифических растений очень ценно наблюдение российского лингвиста и фольклориста Ф.И. Буслаева (1818–1897), который в своей работе «Эпическая поэзия» писал: «Языки индоевропейские особенное сходство с растением находили в руке: так в санскрите названия руки, пальцев, ногтей образовались уподоблением с растением: палец *кара сак'а* (*кара* рука, собственно: делающая, от *крі* делать, а *сак'а* сук, сучёк), поэтому и рука называется сложным словом, значащим по переводу: име-

ющая пять ветвей или сучков: (*панчан* пять, и *сак'а* сук); ноготь же вырастает на пальце, как лист на ветви, а потому называется *кара-руи* (*кара* рука, и *руи* расти), собственно растущий на руке. Имея в виду такую связь понятий, можем предположить, что слово *рамень* — лес, поросль, доселе употребляющееся в Вятской губернии и весьма обыкновенной в языке старинном, происходит от *рамо*, *рамена*» [Буслаев, 2003, с. 30]. В тюркских языках *суқ* «указательный (палец)» [Этимологический..., 2003, с. 333], *суксук* «какое-то дерево (саксаул)» [Там же. С. 348]. В татарском языке *уч* «ладонь», «горсть»; *учарлы* «ветвистый» [Татарско-..., 1966]. В латинском языке слово *brāchium* означает не только руку, но и «ветвь, сук, отпрыск» [Латинско-..., 1976].

Пальцы, ладони (греч. *παλαμή*, лат. *palma* «ладонь», «рука») являются первыми пальмами, лотосами, с которыми мы знакомимся, в которых мы изначально обитаем. В них обитают и божества (рис. 6, 7). Пальцы руки породили представления о чудесных палицах, палках, лесе рук, а **дюжина углов**, образующихся при сгибании четырёх смежных пальцев — о сказочных **джунглях**. По вполне объяснимым причинам в сказках большую роль играет сказочный лес, в котором герои знакомятся со сказочными чудо-вещами, чудовищами, лешими (рис. 44) и т. д. Сказочные леса, растения похожи на строительные леса, решётки, сети. Они могут служить в качестве маски, облицовки, преграды, укрытия и возникать мгновенно. Для этого достаточно волшебного слова или взмаха рук. В украинском языке *леса* «плетень», «ограда», в болг. «переносный плетень», «решётка».

Дремучий лес, кусты в сказках зачастую служат для охраны дремлющей красавицы. Они никого не пускают и только перед героем, которому довелось стать её возлюбленным,

кусты благосклонно расступаются. Очевидно, что без женского притворства здесь не обошлось. С подобного рода притворством младенцы знакомятся уже во время игры с матерью в прятки.

В сказках деревья также часто служат в качестве укрытия, обители. Так, например, в русской сказке яблоня скрывает детей, которых стремятся настигнуть гуси-лебеди. На ветвях дуба скрываются преследуемая героиня. В дупле обитает гонимая героиня. С подобного рода деревьями-укрытиями человек знакомится с первых минут своей жизни.

В качестве исходной знаковой и орудийной системы чудесные растения могут общаться с людьми, выполнять их желания, быть их защитой и опорой. В сказках растения выступают как живые существа: они чувствуют, говорят с людьми, требуют, выполняют разные желания. Так, например, в русской сказке «Жадная старуха» дерево выступает в качестве «золотой рыбки». *«Не руби меня мужичок! Что тебе надо, всё сделаю»* [Афанасьев, 1984, № 76]. По вполне объяснимым причинам растения могут играть роль родителей, тотемных предков, божеств.

Чудесные растения являются естественными масками, поэтому в сказках лица разного пола могут вольно или невольно (от горя, боли, обиды или лукавья) оборачиваться в растения. Чтобы превратиться в **яблоню** или **грушу**, доста-

Рис. 44. Леший и лесные чары.
Реконструкция В.А. Воронцова

точно прикрыть лицо рукой или руками и сказать: «**Я больна**» или «**Я грущу**». Антропоморфные деревья способны продемонстрировать и соответствующие антропоморфные плоды — дули, фи́ги.

Ладонь, зажимающая **рану**, способна породить представления о **кране, корне, кроне, короне** и т. д. Опушенные руки позволяют демонстрировать чудесные деревья, растущие кронами вниз. Вертикальная и горизонтальная структура мирового дерева содержит в себе набор «мифопоэтических» констант, которые позволяют описывать мир. «Членение по вертикали предполагает преимущественно триаду (богов, месяцев в сезоне, героев сказки и т. д.). Членение по горизонтали — тетраду (богов, сезонов, сторон света, космические века и т. п.)» [Мифы..., 1992, с. 404]. Касаясь большим пальцем четырёх смежных пальцев, мы можем продемонстрировать четыре сезона, три месяца (три мышцы) на каждом пальце, а также солнечных и лунных божеств.

Полифункциональность руки породила представление о чудесном дереве (рис. 40), которое имеет множество названий: «мировое дерево», «дерево жизни», «дерево плодородия», «дерево центра», «дерево восхождения», «небесное дерево», «шаманское дерево», «мистическое дерево», «дерево познания», «дерево смерти», «дерево зла», «дерево подземного царства» и т. д.

В космогонических мифах мировое дерево зачастую выступает как первый объект, который был создан богами. Вполне возможно, что слово древность этимологически связано со словом дерево. В скандинавской мифологии корнями и кроной ясень Иггдрасиль объемлет весь мир, именно на нём держатся небо, звёзды. У корней ясеня бьет чудесный источник. На его вершине сидит орёл, у корней находится

дракон Нидхед, а по стволу бегают белки — медиаторы между верхом и низом.

Под мировым деревом в центре вселенной традиционно рождались боги, герои, цари. Древнегреческий миф повествует о том, как младенец Зевс был вскормлен козой Амалтейей у подножия священного дерева. Под деревом родился и Аполлон. Майя, мать Будды, гуляя в священной роще, почувствовала приближение схваток и родила «избавителя всех живых существ», схватившись за ветвь одного из деревьев.

Руки позволяют обнаружить сказочную или мифическую козу (рис. 28), которая вскормила не только Зевса, но и всё человечество. С математической строгостью реконструируются и чудесные птицы (пятаки), которые обитают в кроне мирового древа. Для выявления родников, которые бьют у корней мирового древа, следует вспомнить, что рудой издревле называли кровь. До сих пор матери называют родничком пульсирующую артерию на голове ребёнка. Присутствуют такие артерии и у кисти руки, где традиционно щупают пульс.

Наряду с животным, растительным кодами, архетипами в ностратических сказках и мифах широко представлены архетипы скал и гор. В греческом языке **пэтра** `скала`, `камень`. **Пятеро** пальцев руки позволяют продемонстрировать истоки архетипа скалы (шкалы). Две руки, две скалы могут быть супругами, близнецами. Эти скалы могут сходиться и расходиться (скалиться). С ними связаны и исходные дёсны (десницы). Рукотворный характер носят и сказочные горы, которые часто соотносятся со сказочными героями (рис. 45), божествами. Издревле существует культ гор и скал.

Не следует удивляться тому, что сказочные и мифические мечи могли без проблем рассекают скалы, а сказочные

Рис. 45. Мировая гора, Святогор и Меч-кладенец.
Реконструкция В.А. Воронцова

и мифические герои, божества трансформироваться в горы, камни, скалы (шкалы). Так, например, широко известна русская былина «Камское побоище», которая повествует о том, как после битвы русские богатыри превратились в камни:

*«А как они тогда же, все богатыри,
Как подъезжали к стенам да ко каменным,
А как какой придёт-от тут
да тут же окаменеет»*

[Былины, 1986, с. 350].

Горы могут быть супружеской парой. Так, например, в кхмерской легенде «Мужская гора и женская гора», призванной пролить свет на обычай мужчин предлагать руку женщинам, говорится о двух рукотворных горах: Мужской горе и Женской горе.

Руки, шкалы-скалы принимают подношения и награждают изначально. Это позволяет понять, почему у первобытных народов принято поклоняться, жертвовать, обращаться с просьбами к скалам, **горам**.

Есть все основания полагать, что именно антропоморфные горы (горсти, горы-сети) породили представления о летучих, толкучих (сталкивающихся) горах, сходящихся и расходящихся скалах.

Сходящиеся, толкучие горы широко представлены в фольклоре самых разных народов. Такие горы упоминаются, например, в стихе про Егория Храброго и в песне про Дюка Степановича.

*«Стоят тут горы толкучие;
Тые ж как горы врозь растолкнутся,
Врозь растолкнутся, вместе столкнутся –
Тут тебе Дюку не проехати,
Тут тебе молодому живу не бывати...»*

[Афанасьев, 1983, с. 228].

Кровь (руда) является естественным сокровищем, которое может **скапливаться** в горсти. Прикрытая горстью и удерживаемая с огромной силой рана породила представления о **копях**, рудокопах, духах-покровителях, скрытых в горе сокровищах,кладах, которые тщательно оберегают горные нимфы, тролли, подземные гномы, различные чудовища, змеи и другие хтонические существа. Обращение к медицинской семиотике, к наглядному показу фундаментальных проблем, связанных с человеческой конституцией, даёт возможность пролить свет на природу сказочных и мифических гор, а также на их роль в генезисе различного рода культов, мифов, легенд, связанных с горами.

Руки являются естественными ёмкостями, которые позволяют пролить свет на архетипы рек, морей, озёр, которые

широко представлены в сказках и мифах. Пять пальцев (пятаки) породили представление о напитках, реках, морях вина, молока и т. д. Сказочные реки могут изрекать, угощать, скрывать. Так, например, в сказке «Гуси-лебеди» [Афанасьев, 1984, № 113] молочная речка, кисельные берега настоятельно предлагает девочке съесть киселя.

Сказочные водоёмы, а также их обитатели могут порождаться простым взмахом руки. Так, например, в русской сказке Василиса Прекрасная *«...махнула левым рукавом — вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом — поплыли по озеру белые лебеди»* [Афанасьев, 1985, № 269].

Глаза являются естественными источниками солёной воды. Приложив естественную утирку (руку) к **оку** можно воспроизвести сказочный или мифический **Океан**. Каждое око способно породить океан солёной воды, которая переполнит долины (длани). Аналогично воспроизводятся моря, реки слёз. *«Бросили ширикку златошвейную — разлилось море широкое, глубокое, огненное...»* [Афанасьев, 1984, № 114]. Огненным сделали его горючие слёзы. Нет ничего удивительного в том, что в сказках утирки (руки) превращаются в непроходимое огненное море, огненные реки. В сказках проявляются самые сокровенные стороны моря-океана. Вот, например, с какой морской пучиной, расположенной вокруг глаза, довелось повстречаться Василию Буслаевичу. *«Тут лежит морская пучина — вокруг глаза»*. Эту пучину логично соотнести с паутиной или пауком (паучиной), которые приведены на рис. 36.

Естественное стремление зажать кровотокающую рану пальстью вызвало к жизни представление о «море крови», которое часто ассоциируется с пастью, жаждущей человеческой крови:

*«Христианської крови в Чёрне море впускали,
Стало Чёрне море кров християнської пожирати,
Стала на Чёрним морі супротивная валечня
хвиля утихати»*

[Иванов, Топоров, 1963, с. 115].

Слёзы матерей и их детей породили представления о мёртвой и живой воде, а также о методах её добывания и использования. В ходе показа ребёнок быстро убеждается, что вызвать к жизни заплаканную, имитирующую мёртвую мать можно, если вытереть слёзы (мёртвую воду) мнимой покойницы, а также оросить или омыть мнимую покойницу своими слезами (живой водой). Связь живой воды со слезами предельно ясно раскрыта в сказках. *«Стала царевна будить Ивана солдатского сына, толкала-толкала, нет — не просыпается; заплакала она слёзно, и канула горячая слеза ему на щеку; от того богатырь проснулся...»* [Афанасьев, 1984, № 155].

По вполне очевидным причинам живая и мёртвая вода скапливается в естественном водоёме, который состоит из двух горстей — сказочных и мифических толкучих гор, сходящихся и расходящихся скал (шкал). *«В том царстве есть две горы высокие, стоят они вместе, вплотную одна к другой прилегли; только раз в сутки расходятся, раздвигаются, и через 2–3 минуты опять сходятся. Промеж тех толкучих гор хранятся воды живущие и целующие»* [Афанасьев, 1985, № 204, вар. 2].

Женихи зачастую вынуждены разыскивать своих возлюбленных у водоёмов, которые образуются чисто механически, когда девицы складывают свои лебяжьи крылья (руки) и наполняют их слезами радости или горя. По вполне объяснимым причинам захват подобного крыла или крыль-

ев героем заканчивается обручением, супружеством. Следует заметить, что в качестве претендентов на руки красавиц в сказках, мифах часто выступает сказочный змей (рис. 29), а также другие сказочные животные и птицы, которые выступают в качестве женихов и супругов.

Надо сказать, что девицы не противятся попыткам отыскать их в водоёмах. Так, например, героиня русской сказки «Морской царь и Василиса Премудрая» говорит Ивану-царевичу: *«Ах, Иван-царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведет в подводное царство; ступай по ней смело. Там и меня найдешь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая»* [Афанасьев, 1985, № 222].

В работах [Воронцов, 2008, 2011, 2012] показано, что с широким спектром басенных, сказочных и мифических персонажей ребёнок знакомится в процессе приобщения его к математическому моделированию, обеспечивающего визуальный показу (сказ) различного рода внутренних состояний, желаний и т. д. Этот процесс был рассмотрен в разделе, посвящённом истокам математики, однако придётся рассмотреть его вновь, чтобы продемонстрировать связь этого процесса со сказочными сюжетами, персонажами, а также с последовательностью введения этих сюжетов в культуру.

В процессе приобщения младенца к осмысленному использованию рукотворной координатной системы (лика, личины, величин) и её проецированию на тело (оборотничеству) были выделены семь последовательных этапов, играющих фундаментальную роль в психогенезе, в становлении осмысленных форм заботы о здоровье, а также культивировании знаковых (моделирующих) систем (математики, медицинской семиотики, пантомимы, сказки, обряда, мифа, живописи, графики, театра). Этот процесс предельно

наглядно демонстрирует неразрывную связь языка геометрии, геометрических построений не только с архитектурой чувств, их культурой, но и с басней, сказкой, мифом,

На первом этапе приобщения младенца к геометрическому моделированию, визуальному показу (сказу) мать просто закрывает своё лицо руками (сказочными близнецами, супругами, естественной маской, координатной системой, рукотворным универсумом, сказочной страной), а потом открывает его к великой радости младенца. Аналогичные операции она проделывает и с руками ребёнка: «полетели-полетели, на головку сели».

Радостное лицо матери, появляющееся из рукотворного универсума, должно породить представление о чудесной стране, где царит радость и веселие и куда можно попасть, предприняв определённые усилия. Подобного рода игры порождают также представления о птицах, улетающих в сказочные страны, а также мифы, связанные с появлением людей на свет из космического яйца и т. д. В ходе подобного рода игр матери не только демонстрируют первое укрытие, первую маску, но и процесс формирования исходного убежища, микрокосма. Эти игры раскрывают потенции младенцев формировать подобного рода убежища, маски и т. д. Очевидно, что исходные визуальные сказки, мифы не могут устареть, потерять своей актуальности. Они бесконечно архаичнее звукового языка, всякого рода обрядов. Нет ни малейших оснований полагать, что мифологические сюжеты подобного рода изначально были сакрализованы, связаны с культом.

Второй этап протекает в форме игры в прятки («тю-тю»): мать закрывает лицо руками и побуждает ребёнка отыскивать его под рукотворной маской, рукотворной постройкой. Очевидно, что с подобного рода играми связаны исходные

представления о похитителях любимых лиц, а также о борьбе героев с похитителями, в качестве которых могут выступать стихии, животные, птицы, сказочные существа, чародеи и т. д.

Научившись освобождать, спасать мать от ужасных похитителей, поглотителей, чудовищ, младенец начинает демонстрировать своё умение справляться с похитителями других лиц (братьев, сестёр, отцов и т. д.), которые вовлекаются в игры с младенцем, а также начинают соревноваться в умении общаться с ним, пробуждать в нём нежные чувства, а также манифестировать их. Успешное освобождение любимых лиц от чудовищ, злых чар, колдунов, похитителей, поглотителей, заточителей, победа молодого героя над старыми божествами, разрушение сказочных застенков, крепостей, царств, замков сопровождается бурным восторгом матери и окружающих, а также чувством маленького героя. Этот восторг вызван пониманием того, что в младенце пробудился защитник, готовый вступить за ближних. Наглядный показ похищения и освобождения любимых лиц спровоцировал массу героических сказаний в сложившихся со временем звуковых языках.

На третьем этапе мать посредством маски, чары, личности, слёз начинает моделировать свои внутренние состояния, настроения: боль, обиду, мёртвый сон, смерть, побуждая ребёнка возвращать её к жизни всеми доступными ему средствами. В качестве таких средств может выступать обтирание мёртвой и живой водой и т. д. Подобного рода игры способны культивировать не только альтруизм, но и породить представления о мировых потопах, в ходе которых оказывается затопленным весь исходный универсум, а также о борьбе с последствиями потопа, включая оживление пострадавших людей. С этими играми связаны и исходные

представления о русалках, водяных, которые заманивают своих жертв на дно водоёма, а также о путешествиях героев в подводный мир.

Очевидно, что с мировыми потопами мы знакомимся в младенчестве и наглядная манифестация этих потоков играет фундаментальную роль в воспитательном процессе. Звуковые мифы о мировых потопах, которые известны самым разным народам, бесконечно моложе их визуального показа.

На четвёртом этапе мать посредством рукотворной маски, рукотворной постройки, указательных жестов начинает демонстрировать ребёнку связь между её настроениями и поведением ребёнка. Это позволяет приобщить ребёнка к архитектуре чувств, к социальным нормам поведения, а также к умению не только понимать, но и выражать свои внутренние состояния посредством геометрических структур, рукотворных построек, масок, пантомимы. Подобного рода игры иницируют сказки и мифы, связанные с колдовством, чародейством, нарушением запретов, искупительными жертвами и т. д.

На пятом этапе мать, надавливая или толкая пальцы страдающего ребёнка, молча показывает каким образом, используя естественную координатную или мерную сеть, порождённую близнецами, можно определить эпицентр боли, её границы, а также размеры поражённого участка у страдальцев. Её болезненные толчки учат ребёнка «понимать толк», осмысленно «толковать». Очевидно, что «стать толковым», научиться воспринимать чужую боль как свою, стать человеком можно и без усвоения звукового языка, который не столь содержателен и актуален, как язык масок, язык геометрических моделей. Подобного рода практика породила представления о загробном мире, о его обитателях, о страшных муках, связанных с пребыванием в мире мёртвых.

Научившись воспринимать чужую боль как свою, научившись сострадать, сочувствовать ребёнок становится социальным существом. В 7-8 лет он способен сам быть воспитателем своих младших братьев и сестёр.

На шестом этапе происходит «оцифровка» естественной координатной системы, рукотворного универсума, рукотворных построек посредством пальцевых игр, пальцевого и звукового счёта. В ходе этих игр ребёнок учится описывать и воспроизводить самые разные образы посредством языка жестов, неразрывно связанного с языком математики, языком медицины, языком архитектуры. Пальцы руки (исходный календарь) позволяют моделировать космические циклы. Касаясь поочерёдно большим пальцем четырёх смежных пальцев, а также подушечек на них, можно демонстрировать годы, сезоны, месяцы. Поочерёдное пребывание пальцев одной руки в ладони другой руки при счёте породило сюжеты о людоедах, которые склонны глотать даже своих детей, о героях, которым удаётся побеждать людоедов и т. д. Оцифровка сказочных царств приводит к появлению сказочных скороходов, которые способны в мгновение ока перемещаться из одного царства в другое. Солярные и лунные символы на ногтях породили также множество мифов и сказок, в которых участвуют солнечные и лунные божества. В ходе геометрического моделирования, «оцифровки» геометрических структур, порождённых руками матери, происходит детальное знакомство ребёнка с колыбелью, домом, родовым гнездом человечества и другими архитектурными архетипами, лежащими в основе моделирования и воспроизводства самых разных рукотворных построек.

На седьмом этапе путём наглядного показа микрокосм, естественные математические модели начинают использоваться для описания макрокосма. Рукотворные геометри-

ческие модели дают возможность выделить макрокосмический объект, вычленить его оси, описать его форму, показать предыдущие и последующие позиции. Так, например, естественная **сеть** из пальцев позволяет обозначить **стены, стан, становище, пристань** и т. д. В наиболее архаичных мифах процесс проецирования элементов микрокосма на макрокосм трактуется как развод супругов, которые изначально пребывали в соитии. При этом представитель одного **пола** обозначает небесный **купол**, представитель другого **пола** обозначает **пол, поле, землю** и т. д.

Проведённые исследования со всей очевидностью показывают, что процесс введения в культуру языка математики неразрывно связан со становлением показа (сказа), проливающего свет на природу басенных, сказочных и мифологических архетипов, универсалий.

Литература

Аполлодор. Мифологическая библиотека / пер. с древнегреч. В.Г. Боруховича. — М.: АСТ: Астрель, 2004. — 350 с.

Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. — М.: Современник, 1983. — 464 с.

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. — М.: Наука, 1984-1986.

Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология. — М.: Высшая школа, 2003. — 400 с.

Былины / Сост. В.И. Калугин. — М.: Современник, 1986. — 559 с.

Воронцов В.А. Природа языка и мифа. — Казань: ИНТЕЛ-ПРЕСС, 2008. — 473 с.

Воронцов В.А. Мировоззрение «золотого века» и его истоки // Философия и общество. — 2010. — №3. — С. 130-148.

Воронцов В.А. Подлинные истоки волшебной сказки. — Казань: Intelpress+, 2011. — 268 с.

Воронцов В.А. Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогенеза. — Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. — 415 с.

Воронцов В.А. Истоки искусства в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза: Научное издание // В.А. Воронцов. — Казань: Центр инновац. технологий, 2018. — 304 с.

Воронцов В.А. Природа мифических и сказочных близнецов. — Казань: Центр инновац. технологий, 2019а. — 272 с.

Воронцов В.А. Визуальный показ как исходная форма басни, волшебной сказки и мифа. — Казань: Центр инновац. технологий, 2019б. — 404 с.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Кетская модель мира // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тез. докл. — М., 1972. — С. 100-105.

Кондильяк. Опыт о происхождении человеческих знаний // Коидильяк. Соч.: В 2 т. М.: — Мысль, 1980. — Т. 1. — С. 67-332.

Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. — М.: Наука, 1987. — 270 с.

Кухта М.С. История искусств: учебник. — Томск: Ид-во Томского политех. ун-та, 2010. — 269 с.

Латинско-русский словарь: Около 50 000 слов / И.Х. Дворецкий. — 2-е изд. — Москва: Изд-во : Русский язык, 1976. — 1096 с.

Леви-Брюль Л. Первобытная мифология: Мифический мир австралийцев и папуасов / Пер. Б.И. Шаревской. — М.: КРАСАНД, 2010. — С. 16–17.

Леви-Строс К. Первобытное мышление. — М.: Республика, 1994. — 394 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. — М.: Советская энциклопедия, 1991-1992.

Новиков В.Н. Образы восточнославянской волшебной сказки. — М.: Наука, 1974. — 253 с.

Пропт В.Я. Фольклор и действительность // Фольклор и действительность. — М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1976. — С. 83-115.

Ригведа

Толкиен Дж.Р. О волшебных историях // Древо и лист. — М.: Прогресс; Гносис, 1991. — С.10-111.

Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов / сост. А.Ш. Асадуллин, Г.С. Амиров, У.Ш. Байчурова и др. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 862 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. — М.: Прогресс, 1964-1973. — Т. 4. — 851 с.

Хайдеггер М. Путь к языку // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1983. С. 279-273.

Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л, М, Н, П, С). — М.: Вост. лит., 2003. — 445 с.

7. ПРИРОДА ПЕРВОЙ МАСКИ

*Я на земле был брошен в яркий бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерял.*

А. Блок

Маска является архаичным и крайне загадочным феноменом человеческой культуры, тесно связанным с древними верованиями и знаковыми (моделирующими) системами. По мнению Вяч. Вс. Иванова, *«способность к изготовлению и применению маски или ее аналогов может быть признана одним из универсальных человеческих свойств»* [Иванов, 2007, с. 334]. Французский философ и социолог Р. Кайуа (1913–1978) повсеместное использование масок в первобытные времена называет *«одной из главных загадок этнографии»* [Кайуа, 2007, с. 10]. Осмыслением феномена маски занимается широкий круг исследователей: философы, археологи, этнографы, искусствоведы, культурологи. Археологи пытаются определить временные рамки существования данного феномена, этнографы фиксируют разнообразие функций маски в традиционных сообществах, искусствоведы пытаются постигнуть её эстетические потенции, философы — осмыслить онтологические аспекты этого феномена, а культурологи — осветить роль маски в истории культуры.

Маске посвящена обширная литература. Полифункциональность и разнообразие искусственных масок породили разнообразие их классификаций, а также взглядов на генезис маски. Несмотря на обилие работ, вне поля зрения исследователей оказалась предельно архаичная и самая универсальная маска — человеческая рука (рис.1), что по-

рождает искажённые представления о времени появления маски, о её жизненно важных функциях, связанных со становлением знакового общения, исходных форм сознания и т. д. Писатель и антрополог Д.А. Коропчевский (1842–1903), выражая широко распространённое мнение, писал: *«Мы напрасно стали бы искать такого центра, где были впервые придуманы и откуда распространились маски»* [Коропчевский, 1892, с. 18].

Следует заметить, что в живой природе маскировка широко распространена. Ей посвящено невообразимое количество работ. Животными используются самые разнообразные маски и техники маскировки. Так, например, белый медведь, приближаясь к тюленям или нерпам, прикрывает лапой свой нос, который выделяется на белом снегу. Нет оснований считать, что человек от природы лишён естественной маски подобного рода, позволяющей скрывать «краску стыда», слёзы и т. д. Естественной маской мы пользуемся не только для сокрытия и манифестации наших чувств, но и для защиты наших органов, причём делаем это зачастую чисто механически, например, прикрывая ею лицо, глаза от ветра, пыли, яркого света. Это свидетельствует о глубокой древности естественной маски, функции которой не поддаются перечислению.

Древность и универсальность первой маски дают основания утверждать, что именно она послужила прототипом других архаичных рукотворных масок, созданных с использованием внешних для человека материалов. Первая маска позволяет ответить на множество вопросов, которые возникают при осмыслении мифов, мифологизированных обрядов, связанных с масками. Так, например, в своей книге «Путь масок» К. Леви-Строс пишет: *«На острове, у каучан и их соседей нанаймо, выход масок играл очистительную роль:*

маска "мыла" присутствующих» [Леви-Строс, 2000, с. 27]. Наша естественная маска позволяет не только черпать воду, но и умываться. Умываясь, мы прикладываем её к лицу, что даёт основание видеть в ней прообраз той маски, которая использовалась во время обряда, описанного в книге Леви-Строса.

Обращение к руке, к её функциям позволяет реконструировать загадочные сосуды, окунание в которых меняет внешность. Изначально человек умывается не только горячими слезами или водой. Многие матери верят, что их молоко обладает целебными свойствами и периодически умывают им своих младенцев в лечебных и профилактических целях. Не следует удивляться появлению сказок, в которых юные герои погружаются в пламенный котёл или казан с молоком и становятся красавцами [Афанасьев, № 130, 170]. Пальцы (палы) матери позволяют реконструировать пламенные котлы (казаны). Следует заметить, что в русском языке *казанок* — «кость запястья» [Фасмер, 1967, с. 159].

В повествовании об обнаружении первой маски, которое приводит *К. Леви-Строс* в своей книге «Путь масок», раскрываются изначальная связь водоёмов с масками, их очистительными, лечебными свойствами. *«Некогда был юноша, пораженный проказой. Его тело издавало зловонный запах, и даже его близкие избегали его. Несчастный решил покончить с собой, бросившись в озеро. В толще воды он наткнулся на крышу жилища, охраняемого нырками (Gavia sp.), все обитатели которого страдали от какой-то таинственной болезни (либо, согласно версиям, только младенец или дочь вождя, пораженные судорогами, после того как герой брызнул им на спину или на желудок). В обмен на собственное исцеление он излечил больных, получил девушку в жены и впервые увидел маски, сестры и костюмы танцоров swaihwé»* [Леви-Стросс,

2000, с. 30]. Руки, пальцы позволяют продемонстрировать загадочных животных, которые обитают на дне водоёма, а также умываются и исцеляются вместе с нами. **Пальцы** позволяют обнаружить и первое **платье**, и первых **плясунов**, которые пускаются в **пляс**, когда мы начинаем **рукоплескать, плескаться** и т. д.

К. Леви-Строс отмечает, что *«повсюду в рассматриваемом ареале маски приносили удачу и благоприятствовали обретению богатств»* [Там же. С. 27]. Руки не только моют нас, но и являются подателями всех благ, создателями различного рода богатств. В сказках они могут фигурировать в качестве самостоятельных персонажей, выполняющих функции подателей, работников, транспортных средств. Так, например, в русской сказке «Василиса Прекрасная» Баба-яга *«...крикнула: “Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!” Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз»* [Афанасьев, № 104].

Существуют мифы, в которых обретение маски ассоциируется с началом брачных отношений. К. Леви-Строс пишет, что в мифе *«обретение маски и ее употребление приводят женщин к экзогамному браку»* [Леви-Строс, 2000, с. 31-32]. Есть все основания полагать, что обретение маски в подобного рода мифах означает обретение руки супруга (обручение).

Следует заметить, что маски в мифах могут не только обручаться и вступать в брак. Они могут забеременеть, понести ребёнка. Следует учесть, что именно рамена (плечи) породили представление об обременённости, а обе руки — о брюхе. Если мы вспомним, что в латинском языке *«brachium 1) часть руки от локтя до кисти...; иногда вся рука...»* [Дворецкий, 1967], то связь **брака** с исходной маской станет ещё более чем очевидной.

Поскольку во многих языках слово *рука* может обозначать 'растение', 'ветку', 'кисть', не следует удивляться тому, что растения в сказках и мифах регулярно выступают в качестве укрытия или маски. Так, например, в русской сказке «Гуси-лебеди» яблоня укрывает детей от погони. В русской сказке «Морской царь и Василиса премудрая» царевна, спасаясь от погони, превращает себя и мужа в реку и дерево [Афанасьев, № 220].

Чудесные животные, чьи пясти-пасти, прижатые к телу страдальцев, демонстрируют различного рода напасти, породили представление о маске смерти, о зверской боли, а также о проводниках в царство смерти, через реки крови, горячие слёзы, огненные воды. Со временем возник обычай заклания обычных животных, которые должны были сопровождать хозяина в мире ином. Э. Тайлор в своей книге «Миф и обряд в первобытной культуре» приводит множество примеров, подтверждающих существование подобных обычаев у самых разных народов. Так, например, он пишет, что «в отдалённых областях ацтеков одним из главных обрядов при погребении было умерщвление туземной собаки. Её сжигали или зарывали вместе с трупом с бумажной верёвкой на шее, и обязанность её заключалась в том, чтобы перевести умершего через глубокие воды Ху-ухнахуапан по пути к стране мёртвых. У бурят любимую лошадь умершего приводили к могиле осёдланной, убивали и зарывали, чтобы она могла служить хозяину. В Тонкине существовал обычай топить при погребении князей даже диких животных, чтобы они могли служить им в будущем мире. Среди семитов пример такого же обычая можно найти у арабов, которые убивали на могиле верблюда, чтобы дух умершего человека мог ездить на нём» [Тайлор, 2000, с. 183].

Введение в культуру естественной «маски смерти», которая символизирует зверскую боль, горе, реки крови, вызвало к жизни не только веру в оборотничество, в способность человека оборачиваться (обёртываться) в животных, горы, реки, но и веру в реинкарнацию после смерти. Обычные животные, растения, предметы стали восприниматься как люди, которые обрели новую телесную оболочку после смерти. *«В Африке племя марави думает, судя по рассказам путешественников, что души злых превращаются в шакалов, а души добрых в змей»* [Там же. С. 215]. В Гвинее полагают, что *«обезьяны, обитающие вблизи кладбища, вмещают в себя души умерших. В некоторых местностях обезьяны, крокодилы и змеи, принимаемые за превращённых людей, считаются священными»* [Там же. С. 215]. Издревле была широко распространена вера в то, что растения также могут служитьместилищем странствующей человеческой души. Так, например, *«у даяков на острове Борнео можно слышать о человеческих душах, вселившихся в стволы деревьев. Они живут, но потеряли свою индивидуальность»* [Там же. С. 217]

Маски издревле ассоциировались с колдовством и колдунами, природа которых детально описана в сказках и мифах. Наши **ладони** позволяют без проблем пролить свет на природу сказочного **колдуна** — Кощея Бессмертного. Этот колдун в сказках часто фигурирует в качестве похитителя любимых лиц, что выдаёт в нём маску. *«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У этого царя было три сына, все они были на возрасте. Только мать их вдруг унёс Кош Бессмертный»* [Афанасьев, № 156]. Чтобы воспроизвести Кощея (**Коша**), регулярно похищающего любимых лица, достаточно приложить ладони **к очам** (рис. 46).

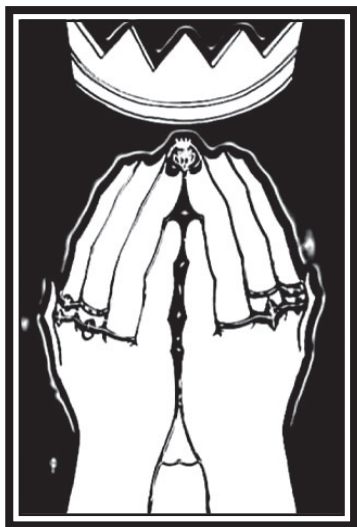

Рис. 46. Кощей.
Реконструкция В.А. Воронцова

Рис. 47. Кощеево царство.
Реконструкция В.А. Воронцова

Чары (чарки) Кощея, повергающие сказочных красавиц в сон, позволяют увидеть воочию царство ужасного Кощея — сложенные ладони (рис. 47). Кощеево царство напоминают о космическом яйце, из которого появился мир, в котором мы изначально обитаем, пока нас не сбудут с рук. Чтобы покончить с Кощеем, похищающим любимые лица, необходимо раздавить яйцо. Структура Кощея, его царства позволяет пролить свет на сказочные царства (рис. 48), на сказочных жар-птиц (рис. 31).

Есть все основания считать, что Кощей склонен похищать женщин и девушек по их полному согласию. Так, например, героини сказок зачастую сами возвращаются к Кощею. Самым ярким подтверждением власти женщин над Кощеем является образ Кощея-жертвы, Кощея-пленника, который держится в заточении в подвешенном состоянии по прика-

зу женщин. Виновниц своего бедственного положения Кощей обычно не скрывает. Он признаётся герою, что *«пове-сила мне твоя Марья Кирби-товна»* [Романов, 1891, № 25], или: *«Ведь тридцать шесть лет твоя жена держит меня здесь и не даёт ничего»* [Красножёнова, 1937, № 20]. Образ Кощей (рис. 46) со всей наглядностью свидетельствует, что подвешен он в темнице отнюдь не без участия женских рук.

По вполне объяснимым причинам Кощей приобретает необычайную силу, если дать ему напиться. Дело в том, что, когда мы наполняем чары этого чародея водой или слезами, ладони плотно сближаются и Кощей напрягается. Плача мы прижимаем наполненные слезами чары к лицу. Это подтверждает связь сказочных чар с первой маской.

К маскам исследователи относят и рисунки на лице. Кисти руки являются естественными и самыми древними кистями, которыми пользовались и пользуются люди. Эти кисти способны наносить мазки чисто рефлекторно, поэтому эти мазки на лице также можно рассматривать в качестве весьма архаичных масок. Подобного рода маски до сих пор находят применение в военном деле.

Приведённые факты свидетельствуют, что обряды, сказки, мифы народов мира являются неисчерпаемым источником сведений, которые подтверждают фундаментальную

Рис. 48. Сказочные царства.
Реконструкция В.А. Воронцова

роль первой маски в становлении древних верований, а также моделирующих систем.

Литература

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. — М.: Наука, 1984-86. — Т. 1-3.

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Около 50000 слов. Изд. 2-е, перераб. — М.: Русский язык, 1976. — 1095 с.

Иванов Вяч.Вс. Маска как элемент культуры // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. — Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. — М., 2007. — С. 333-344.

Кайуа Р. Игры и люди. Маска и головокружение // Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / пер. с фр. — М., 2007. — 296 с.

Корончевский Д.А. Волшебное значение маски // Современная наука. — 1892. — вып. III. — С.15-35.

Красножёнова М.В. Сказки Красноярского края. — Л.: Госполитиздат, 1937. — 294 с.

Леви-Строс К. Путь масок. — М.: Руспублика, 2000. — 399 с.

Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 4: Сказки космогонические и культурные. — Витебск: Типо-литография Г.А. Малкина, 1891. 220 с.

Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре / пер. с англ. — Смоленск: Русич, 2000. — 624 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. — М.: Прогресс. 1967. — 671 с.

8. ИСТОКИ ЧУДЕСНЫХ ВИДЕНИЙ

Театр — это сказка, театр — это чудо.
Э. Успенский

Не только в мифах, сказках, но и в исторических источниках часто повествуется о чудесных видениях: небесном воинстве, небесных битвах, великанах и т. д. Так, например, авторы книги «Феномены книги чудес» пишут: *«Народам, населявшим тогда север Европы, было хорошо известно, что иногда боги и герои Вальхаллы сражаются на небе. В Бретани ни один крестьянин не удивился бы при виде короля Артура и его свиты, скачущих по небу на битву или преследовавших кого-либо. В те времена местные сказания и легенды, по-видимому, служили достаточным объяснением призрачных армий на небе»* [Мичел, Рихард, 1988]. Подобного рода чудесные видения детально описаны в отчёте Ибн-Фадлана (секретаря посольства аббасидского халифа ал-Муктадира), который наблюдал эти видения во время посещения Булгарии в 921-922 гг., а также зафиксированы арабским путешественником, исламским миссионером Абу Хамид аль-Гарнати, посетивший Булгарию двумя столетиями позже.

Отчёт Ибн-Фадлана [Путешествие..., 1939] пользуется большим доверием у широкого круга историков. В своём отчёте Ибн-Фадлан добросовестно передал многое из того, что ему удалось увидеть и услышать по пути в Булгарию, а также в самой Булгарии. Современная историческая наука считает большинство личных наблюдений Ибн-Фадлана согласующимися с реалиями. Вместе с тем исследователи полагают, что некоторые свидетельства Ибн-Фадлана сближают его повествование с литературным произведением. Допускает-

ся, что появлению «чудесных видений» в отчёте способствовало *«желание рассказать что-нибудь необыкновенное, та “восточная фантазия”, которая свойственна большинству такого рода книг в средние века»* [Там же. С. 45]. На наш взгляд, существуют более веские причины, вызвавшие появление в отчёте Ибн-Фалана «чудесных видений». Описание этих видений позволяет говорить о наличии у волжских болгар профессионального театра.

Появлению отчёта Ибн-Фадлана предшествовали следующие события. Весной 921 года в Багдад к халифу Джаффару ал-Муктадиру прибыл посол болгарского правителя Алмуша. Через своего посла Алмуш, уже принявший ислам, просил халифа о *«присылке к нему (людей) из тех, кто научил бы его вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвигнул бы для него минбар, чтобы совершались на нём молитвы за него (царя) в его городе и во всём его государстве, и просит его о постройке крепости, чтобы он укрепился в ней от царей, своих противников»* [Там же. С. 45].

Халифское правительство с пониманием отнеслось к просьбам Алмуша. Послом назначается его Сусан ар-Расси, а секретарём посольства — Ахмед Ибн-Фадлан. Посольство сопровождал караван в составе пяти тысяч человек, трёх тысяч лошадей и множества верблюдов. Затраты на организацию посольства оказались несопоставимыми с его результатами. Булгарский царь оказался крайне недовольным, что столь масштабная экспедиция не выполнила распоряжение халифа и не привезла денег. По всей видимости, Сусан постарался свалить все грехи, допущенные делегацией, на Ибн-Фадлана. Вернувшись в Багдад, Ибн-Фадлан составил отчёт, в котором сообщает увиденное своими глазами в стране тюрок, хазар, руссов, болгар, башкир и других, обитающих в тех

землях народов, повествует также об их верованиях, обычаях, правителях, условиях жизни и т. д. В нём он постарался всячески оправдать себя в глазах руководства халифата.

Судя по отчёту, его автор весьма дорожил своей репутацией правдивого человека. Он прекрасно понимал, что секретарь посольства — не досужий обыватель, который волен, странствуя по белу свету за свой счёт, плодить разного рода небылицы. Маловероятно, чтобы он согласился пожертвовать своей репутацией, а также дать повод Сусану уличить себя во лжи, публикуя то, что могут опровергнуть его товарищи по посольству.

Отчёт содержит прямые указания на то, что спутники секретаря посольства являются очевидцами множества «чудесных видений» в Булгарии. Вот выдержка из отчёта: *«Я видел в его стране столько удивительных вещей, что я их не перечту из-за множества, как, например, то, что в первую (же) ночь, которую мы переночевали в его стране, я увидел перед заходом солнца, в обычный час, как небесный горизонт сильно покраснел, и услышал в атмосфере сильный шум и ворчанье громкое. Тогда я поднял голову и вот, (вижу) облако, подобное огню, недалеко от меня, и вот, (я вижу, что) это ворчанье и шумы (идут) от него, и вот, в нём (видны) подобию людей и лошадей, и вот, в отдалённых фигурах, которые в нём (облаке) похожи на людей, (видны) копыта и мечи, которые то казались совершенно ясными, то лишь кажущимися. И вот, (я увидел) другой кусок, подобный этим (фигурам), в котором также я увидел мужей, лошадей и оружие, и начал этот кусок нападать на тот кусок, как нападает эскадрон (кавалерии) на другой эскадрон. Мы же испугались этого и начали просить и молить, а они (жители) смеются над нами и удивляются тому, что мы делаем. Он (Ибн-Фадлан) сказал: и мы смотрели на отряд, нападающий на отряд*

и оба они смешались вместе, потом оба разделились и таким образом это дело продолжалось некоторую часть ночи. Потом мы скрылись (от них). Мы спросили об этом царя, и он сообщил, что его предки говорили, что эти всадники принадлежат к верующим и неверующим джиннам, и они сражаются каждый вечер, и что они не прекращают этого с тех пор, как они (жители) живут (здесь), каждую ночь» [Там же. С. 70, 71].

У нас нет серьёзных оснований считать, что первым о чудесах, творящихся в Булгарии, Багдаду поведал Ибн-Фадлан. Отчёт секретаря должен был появиться после доклада, сделанного послом. Последний также не является автором сказочных сюжетов, поскольку о чудесах в Булгарии халифское правительство было наслышано задолго до отправки посольства в Булгарию.

При знакомстве с отчётом настораживает тот факт, что чудеса члены делегации наблюдают только в Булгарии, хотя именно об этой стране они были обязаны сообщать правдивую информацию. Для привлечения внимания к отчёту такая локализация вовсе не требовалась, и автор отчёта мог фантазировать с гораздо меньшим риском для своей репутации, описывая творящиеся чудеса в других странах. Объяснить эту загадку можно, если вспомнить роль болгарского посла, стремившегося всеми средствами привлечь внимание халифского правительства к своей стране.

Рекламой болгарских чудес в Багдаде занимался не только болгарский посол. При дворе халифа в то время жил некий тюрок по имени Такин ат-Турки (турок). Он занимал привилегированное положение «гуляма» — доверенного слуги халифа. Такин находился когда-то на службе у царя болгар и по его указанию укрощал сказочного «алыпа» (богатыря). Этот факт является ключевым в процессе доказательства наличия

у болгар профессионального театра кукол. Именно рассказы Такина пробудили интерес Назира аль-Харами, ближайшего к халифу лица, который согласился быть посредником между халифом и болгарским послом, а также передать письмо царя халифу.

Рассказывая о «сказочных чудесах», которые происходят в Болгарии и агитируя за организацию дорогостоящей экспедиции в эту страну, Такин наверняка понимал, что вовсе не он будет определять состав делегации. Руководителем делегации мог быть назначен его недруг, поэтому ему дорого обошлась бы каждая его выдумка.

Мистификация могла дорого обойтись не только Такину. У болгарского посла, который вместе с Такином описывал «чудеса», неприятности могли начаться сразу после прибытия делегации в Булгарию. Дело в том, что Алмуш боготворил повелителя «правоверных» и стремился наладить с Багдадом долговременные взаимоотношения. Послы, вне всякого сомнения, были бы возмущены обнаруженной сознательной мистификацией своего руководства и могли настоять на суровом наказании организаторов мистификации.

Поведение Такина и болгарского посла вполне объяснимо только в том случае, если за чудесами в Булгарии стояли некие реалии, которые могла подтвердить любая делегация. Поскольку чудеса должны были произойти в нужном месте, в нужное время, у нас есть все основания считать их рукотворными. Протокольное описание чудес, оставленное потомкам правдивым и наблюдательным секретарём посольства, позволяет с большой вероятностью реконструировать технику их фабрикации.

Надо сказать, что о чудесах в Булгарии свидетельствует не только отчёт Ибн-Фадлана. Арабский путешественник, исламский миссионер Абу Хамид аль-Гарнати, посетивший

Булгарию двумя столетиями позже, сообщает в своих записях о живом алыпe, представшем в образе богатыря-великана. *«А Царь Болгара, — пишет аль-Гарнати, — изготовил для него кольчугу, которую он возил с собой на войну на повозке. А шлём у него из железа в виде большого котла. Он сражался с такой огромной дубинкой из крепкого дуба, который не может поднять сильный мужчина, а она в его руках, как палка в руке одного из нас»* [Путешествие..., 1971 с. 43, 61]. Несмотря на огромную физическую силу, *«он был любезным, добродетельным, миролюбивым... И был он добрым, скромным; когда встречался со мной, то приветствовал меня и здоровался со мной почтительно, хотя моя голова не доставала ему до пояса...»* [Там же. С. 43, 61]. Аль-Гарнати также отмечает, что алып был столь высок, что не было в Булгаре бани, в которую он мог бы войти, кроме одной с большими дверями, и он ходил в неё.

В работах [Воронцов, 2008, 2017] впервые дано рациональное объяснение природы чудес в Булгарии, описанных Ибн-Фадланом и Абу Хамидом аль-Гарнати. Чудом, с которым издревле знакомо человечество, является театр. Древнюю культуру любого народа трудно представить без масок, ряженных, театрализованных действ, в ходе которых воспроизводятся различного рода мифологические сюжеты. В Китае, Японии, Индии, Корее, Монголии существует целая индустрия, связанная с изготовлением атрибутики для подобного рода действ. Широкой популярностью пользуется кукольный театр, издревле знакомый целому ряду тюркских народов. Известный исследователь узбекского театра М. Кадыров в своей книге «Узбекский традиционный театр кукол» пишет: *«Театр кукол — необыкновенное и удивительное искусство в семье традиционных искусств узбекского народа. Действенность, зрелищность и очаровательная*

простота исходят из его “чудесной природы”. Разве не чудо посредством неживых, ничего не говорящих кукол показывать панораму человеческой жизни, общественные и семейные отношения, нравы и обычаи. Но чудо это — не действие каких-либо сверхъестественных сил, не продукт мистики. Чудо это совершается мастерством народного кукольника, ибо это он оживляет мёртвых кукол, заставляет их жить человеческой жизнью: мыслить и страдать, смеяться и плакать, любить и ненавидеть, петь и плясать, думать над извечными проблемами общественного бытия. Чудо это происходит у Вас на глазах. Оно очаровывает вас, уводит в необыкновенный мир. Вы начинаете воспринимать происходящее на ширме, как реальное, как настоящее человеческое. Вас охватывает удивление, восхищение, радость» [Кадыров, 1979, с. 29-30].

Одной из архаичных форм театра является театр теней, который существует объективно и хорошо знаком всем людям на земле. Тень, неотступно следующая за человеком, «пляшущие тени» вокруг костра будили воображение наших предков, подсказывали им пути создания бесконечно богатой искусственной образности. Нет ничего удивительного в том, что мир теней широко представлен в мифах разных народов. Надо сказать, что, несмотря на свою древность, театр теней не канул в вечность даже у высокоцивилизованных народов.

В наиболее архаичных формах показа образы в театре теней создаются с помощью рук. **Пять (пятеро)** пальцев руки являются первыми **паяцами, петрушками. Пятеро** пальцев (исходный логический аппарат) дают возможность сообразить («допетрить»), что за «петрушка» — сказочные и мифические герои, богатыри, божества, (протоинд.*bhāghu `рука`, др. нем. buog `сустав`). Так, например, чтобы увидеть сказочного **алыпа**, которого укрощал Такин, поведавший

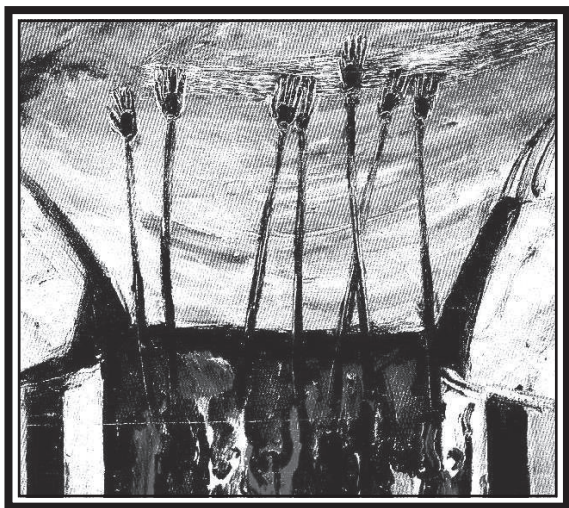

Рис. 49. Праздник в ауле.
Фрагмент картины художника А. Зарипова (1980)

руководству Багдада о чудесах в Булгарии, достаточно обратиться к чувашскому языку, в котором *ал ланпи* 'ладонь'. Алыпы могут быть прикреплены к дереву (древку), о чём свидетельствует Ибн-Фадлан, а также автор картины «Праздник в ауле» туркменский художник А. Зарипов, воспроизводящий древние туркменские традиции и обряды (рис. 49). Не следует удивляться тому, что у булгар после запрета исламом традиционных театрализованных действий алыпы стали ассоциироваться с людьми-великанами.

Наши ладони способны превратить источник света в «лампу Алладина» и показывать на просвет Пересвета, Святогора, мальчика с пальчика, шиша, Кер-оглы, Геракла и других персонажей, порождённых нашими каракулями (тюрк. *кара* 'чёрный', *кул* 'рука') [Там же. С. 227, 294].

Из отчёта видно, что Ибн-Фадлан общался с булгарами через переводчика. Языковой барьер не позволял ему адек-

ватно воспринимать анекдоты, обыгрывавшие особенности тюркской лексики. По всей видимости, именно языковой барьер побуждал гостеприимных и общительных булгар усиленно развлекать высоких гостей столь общепонятным зрелищем, каковым является театр теней. Из отчёта видно, что чудесные видения начинают преследовать гостей в окружении хохочущих булгар, крайне довольных эффектом, произведённым чудовищами, один вид которых способен повергнуть в ужас самого хладнокровного человека.

Реконструкция «чудес», с которыми познакомился Ибн-Фадлан в Булгарии, не может составить серьёзную проблему, если мы учтём чудесные потенции наших рук. Так, например, он пишет: *«Я видел, что змей у них такое множество, что вот на ветке дерева право же накрутилось десяток из них и более. Они не убивают их, и они (змеи) им не вредят»* [Путешествие..., 1939, с. 72]. Воспроизвести посредством своих алыпов ветвистую липу (тат. *уч`ладонь`, учарлы`ветвистый`*) [Татарско-..., 1966, с. 596-597], на ветвях которой копошится с десяток змей, сможет каждый из читающих эти строки без всякой подготовки.

Вопрос о «небесной коннице» также решается в рамках театра теней. Судя по описанию зрелища, в нём была задействована целая группа актёров, в число которых прежде входил и Такин, укрощавший по приказу царя булгар «алыпа». Труппа эта работала на постоянной основе, поэтому понятна уверенность Такина в наличии чудес, с которыми встретилось посольство в Булгарии. В случае успеха посольства у него появлялся реальный шанс организовать и возглавить подобного рода зрелище в Багдаде.

Показ конницы на фоне заходящего солнца, по всей видимости, производился двумя группами актёров, которые располагались с двух сторон относительно входа в палатку,

Рис. 50. Схватка конных отрядов. Реконструкция В.А. Воронцова

на которой предварительно был опущен полупрозрачный занавес, напоминающий облако, пламенеющее на фоне заходящего солнца (рис. 50).

Способность наших рук (тюрк. *кул* 'рука') демонстрировать **куланов**, коней общеизвестна. Сказочная **конница** (верхние **конечности** родителей), с которой неразрывно связаны первые времена человеческого бытия, детально описана в сказках и мифах. Сказочные кони не просто транспортируют нас по воздуху. Они являются нашими наставниками.

Существует несколько способов показа «чудесных всадников» с помощью рук. В наиболее простом варианте всадником является большой палец руки, который сидит на голове лошади как мальчик-с-пальчик. Если на большой палец надеть напёрсток, то жокей выглядит как настоящий джигит-каракалпак.

Зная нравы актёров и политиков, которые абсолютно не меняются со временем, можно реконструировать не только спектакль, но и всю его предысторию. Конная схватка была первым спектаклем, который был показан парламентариям из Багдада, поэтому актёры выкладывались, стремясь продемонстрировать зрителям всё своё мастерство, а мастерство у них было, поскольку отбор актёров для столь ответственной «показухи» наверняка был предельно строгим. Заинтересо-

ванными в успехе спектакля были не только актёры. Алмуш делал всё возможное и невозможное, чтобы его двор не показался посланцам Багдада скучным захолустьем.

Одним из традиционных театральных приёмов являлся эффект сакральности. Зрители должны были видеть во время спектакля только тёмные фигуры на фоне заходящего солнца, но не актёров. Вход в юрту, который у степняков является священным местом, очень удобен для театрализованных действий подобного рода.

Другой испытанный приём связан с эффектом внезапности. Действуя без предупреждения, можно лишить зрителя дара речи, если он даже готовился к восприятию знакомого театрализованного действия.

Сразу после вечернего намаза, пока гости ещё не успели подняться на ноги и прийти в себя после общения с аллахом, актёры дружно ударили в бубны, сохранившиеся от языческих времён. «Гром среди ясного неба» способен потрясти любого человека. Этот гром должен был привлечь внимание членов делегации к входу в юрту, где чёрные фигуры, напоминающие всадников, вступили в бой на фоне пламенеющих небес.

Легко представить, как торжествовал предусмотрительный Такин, глядя с напускным ужасом на своих насмерть перепуганных спутников, обречённых всю оставшуюся жизнь помнить о чудесах при болгарском дворе. У него были все основания полагать, что по возвращении в Багдад им крайне сложно будет отрицать правдивость рассказов Такина о чудесах при дворе болгарского властителя, что побудит халифа организовать нечто подобное при своём дворе.

Следует заметить, что руки позволяют продемонстрировать «троянского коня», фалангу, скрытую в нём, первые армии (нем. Arm `рука`), первые схватки и побоища,

совершаемые в воздушном пространстве. Существует множество мифов, преданий, легенд, в которых повествуется о «небесном воинстве», о схватках и побоищах на фоне небес. Обращение к нашим армиям, к пальцам-полкам, которые являются естественными полками, плацдармами, позволяет продемонстрировать и побоища демонических существ: бесов (каз. *бес* ` пять `), джиннов. Чтобы обнаружить целые армии джиннов, которые традиционно воевали в Булгарии, можно воспользоваться ладонями вместо «лампы Аладдина». Потерев большим пальцем четыре смежных пальца, можно обнаружить **дюжину подушечек**, из которых состояли фибры **души, духи, джинны**.

В работах [Воронцов, 2015, с. 220-223; 2017, с. 247-249] впервые показано, что истоки древних сюжетов, связанных с борьбой **джиннов** между собой, побоищами между поколениями богов, зачастую восходят к ручному счёту **дюжинами**, а также к пальцевой демонстрации годовых циклов. В ходе этой демонстрации пальцы одной руки участвуют в загибании пальцев другой руки, после чего загнутые пальцы выпрямляются и начинают участвовать в загибании пальцев другой руки. Загибание пальцев при счёте породило представление о гибели богов, о борьбе между разными кланами, поколениями богов, о схватке двух армий, которая происходит над землёй. «Зная двоичный код, состоящий из единиц и нулей, можно без всяких проблем пролить свет на природу воюющих между собой древних германских божеств — асов и ванов. Очевидно, что асы... это согнутые в кольца пальцы руки (англ. *eye* ` глаз ` , ` очко ` ; *mn. eyes*), а ваны — выпрямленные пальцы другой руки, готовые начать отсчёт нового времени (англ. *one* ` один `)» [Воронцов, 2017, с. 248]. Осмысление содержания подобного рода мифов приближает нас к пониманию природы древних актёров, с которыми связаны чудесные видения.

Булгары поведали *Ибн-Фадлану* о загадочном существе — единороге, о его нападении на всадников и т. д. Природа единорога уже давно волнует исследователей, поскольку он является фигурантом мифов разных народов. Самые ранние изображения этого удивительного существа «встречаются в памятниках культуры 3-го тыс. до н. э. В частности, на печатях из древних городов долины Инда — Мохенджо-Даро и Хараппы, представляя собой один из наиболее значимых образов. Реконструкция данного образа не может составить проблему, если мы обратимся к театру теней, а также учтём изобразительные потенции наших рук (рис. 35). Единорогом мы не только едим. Его рогом мы всё трогаем, поэтому он традиционно используется как естественная печать. Появление его изображения на искусственных печатях вполне закономерно. Для показа схватки этого единорога с всадником достаточно двух рук, которые есть у сказителя.

Явно театрализованное представление описано в следующих строках отчёта: *«Как-то я увидел в одном месте длинное дерево, длина которого была более ста локтей. Оно уже упало, и вот я вижу, что ствол его огромный чрезвычайно. Я остановился, глядя на него, и тогда оно задвигалось, и меня испугало. Я посмотрел на него внимательно и вот, (вижу) на нём змея, подобного ему по толщине и длине»* [Путешествие..., 1939, с.72].

Изображение гигантского змея или дракона традиционно для театрализованных действий многих народов. При создании этого образа актёры становятся гуськом, наклоняются и прикрываются попой. Такая цепочка актёров больше похожа на гусеницу, однако если ноги актёров скрыты бревном, образ получается весьма убедительным. Внезапно появиться над бревном не может составить проблему для подобного рода змея. Ортодоксальные мусульмане, у которых

категорически запрещено художественное воспроизведение животных, могли быть в шоке от подобного рода видения.

Актёрское мастерство проливает свет и на природу великана, о котором поведал *Ал-Гарнати*. Чтобы воспроизвести исполина, рост которого «больше семи локтей», актёру вовсе не надо становиться на ходули. Для этого достаточно взрослому человеку сесть на плечи другого человека и прикрыться соответствующим одеянием. В этом случае пояс великана будет располагаться выше головы среднего человека. Существование подобных исполинов должно было отбивать всякое желание нападать на Булгарию. Сверхъестественную силу исполин может демонстрировать, если в качестве актёра использовать скорняка, подобного русскому Кожемяке, описанного в «Повести временных лет». Надо сказать, что Булгария славилась своими скорняками. Для демонстрации силы можно также использовать бутафорские палицы и т.д.

Причина, по которой великан не ходил в общую баню, предельно очевидна. Такой поход неизбежно должен был вызвать разоблачение.

Учёт всех обстоятельств, связанных с организацией посольства в Булгарию, а также рассмотрение «чудесных видений» в Булгарии в свете театральной культуры тюркоязычных народов, позволяет говорить о наличии профессионального театра у волжских булгар во время посещения этой страны посольством из Багдада с целью приобщения булгар к исламу. В ходе радикальной исламизации булгар театрализованные зрелища оказались под запретом, и их персонажи смогли сохраниться только в сказках и мифах.

Литература

Воронцов В.А. О театре волжских булгар и природе театрального искусства. — Казань: Интелпресс, 2008. — 212 с.

Воронцов В.А. О театре волжских булгар и природе театрального искусства. 2-е изд. испр. — Казань: Центр инновац. технологий, 2017. — 248 с.

Воронцов В.А. Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе. — Казань: Центр инновац. технологий, 2015. — 252 с.

Кадыров М. Узбекский традиционный театр кукол. — Ташкент: Изд. лит. и искусства, 1979. — 148 с.

Мичел Дж., Рихард. Р. Феномены книги чудес/ пер. с нем. — М.: Политиздат, 1988. — 294 с.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153) / Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. — М.: Наука, 1971. — 136 с.

Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу / Перевод и комментарии А.П. Ковалевского, под ред. акад. И.Ю. Крачковского. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — 193 с.

Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов. — М.: Сов. энци-ия, 1966. — 863 с.

9. ИСТОКИ ИСКУССТВА

Жизнь коротка, искусство вечно.

Гиппократ

Существует множество трактовок искусства, а также попыток осмыслить его роль в истории общества. Искусство может трактоваться как знаковая (моделирующая) система, возникшая на основе языка (Ю.М. Лотман, Я.А. Шер), а также письма (Ч. Лоукотка, В.А. Истрин, Д. Дирингер). Советский психолог Л.С. Выготский видел в искусстве орудийную систему, играющую фундаментальную роль в социогенезе. Он писал: *«Искусство есть социальное в нас... — есть общественная техника чувства, орудие общества, с помощью которого оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны нашего существа»* [Выготский, 1968, с. 36]. Существует и прямо противоположное мнение. Ведь ещё известный французский философ, писатель и теоретик искусства Ж.-Ж. Руссо [1712-1778] в своём трактате «Рассуждение о науках и искусствах» всю ответственность за порчу нравов возложил на науку и искусство. Антигуманную деструктивную сущность различных направлений искусства критиковали многие выдающиеся мыслители, ученые и художники: И. Ильин, В. Розанов, О. Мандельштам, Г. Федотов, А. Лосев, А. Швейцер, Ч. Сноу, Э. Фромм, А. Моруа, Ж. Эллюль, В. Франкл, П. Сорокин и др.

«Как возникло искусство?», «Каковы причины и условия его породившие?», «Какова роль искусства в человеческой истории?» — эти вопросы далеко не праздны, поскольку без ответа на них невозможно оценить настоящее и предвидеть будущее искусства. Они глубоко волновали уже древних гре-

ков, в жизни которых искусство всегда играло важную роль. В своей работе «Законы» древнегреческий философ Платон (427-347 до н. э) выступал против одностороннего взгляда на искусство. Философ различал «упорядоченную» и «сладостную» музы. Первая «улучшает людей», вторая — «ухудшает». На этом основании Платон полагал, что в идеальном государстве необходимо «приручение» искусства, фильтрация произведений искусства по принципу воспитательного значения. История свидетельствует, что всё это актуально не только для гипотетического общества. Особый негатив «сладострастная Муза» приносила в жизнь общества на начальных этапах его формирования, неразрывно связанного с «приручением» полового инстинкта, зоологического индивидуализма.

Попытки древних греков осветить истоки искусства вызвали к жизни целый ряд конкурирующих взглядов, учений, многие из которых до сих пор не только цитируются, но и находят сторонников в научных кругах. Становление таких наук как археология, этнография, психология, мифология, приматология лишь расширило список гипотез, но так и не привело к выработке общепринятого взгляда на истоки искусства. С обзорами этих гипотез можно познакомиться в работах [Чеботарёв, 1930; Гущин, 1937; Еремеев, 1970; Вишняцкий, 1997] и других авторов.

Налаживание приматологами и психологами контактов с обезьянами посредством жестовой речи, бирок, компьютеров показало, что эти животные располагают психическими способностями, необходимыми для освоения весьма развитых форм «визуального символизма». Посредством этого символизма удалось проникнуть в их внутренний мир и выявить потенции обезьян, имеющие самое непосредственное отношение к истокам самого комплексного

вида искусства: театра. Так, например, у них обнаружилось чувство юмора, способность выдавать себя за других, а также умение придумывать и разыгрывать спектакли. Об этом свидетельствуют, например, проведённые ещё в 1972 году опыты американской исследовательницы Ф. Паттерсон [Patterson, 1980], которая стала обучать Коко — годовалую гориллу. Подобно маленьким детям, горилла жестикувала сама с собой, обращалась к игрушкам, а однажды придумала, разыграла и прокомментировала воображаемую социальную ситуацию между двумя игрушечными гориллами: розовой и голубой. Всё это подтверждает глубинную связь между игрой и искусством, а также сходную с игровой теорией теорию художественного инстинкта, которую пытались обосновать Платон, Ч. Дарвин, М. Гюйо, М. Вебер, Р. Гюнтер, Г. Маркелов и др.

Может показаться, что драматургические и артистические потенции приматов, а также «шекспировские страсти» не играют особой роли в жизни обезьян, живущих в естественных условиях. Но это далеко не так. В книге «Политика у шимпанзе» [De Wall, 1982] нидерландский приматолог и этолог Ф. де Валь показывает, что самыми заядлыми политиками (в прямом смысле этого слова) являются наши ближайшие родственники в современном мире — шимпанзе. Шимпанзе-самцы живут в мире непрерывных политических интриг, требующих глубокого знания психологии противника, умения играть на чувствах других, а также способности скрывать свои намерения, «перевоплощаться», распределять роли и т. д.

Надо сказать, что стихийные драматургические и артистические потенции патологических «политиканов», «лицемеров» и «лицедеёв», а также Муза, которая их вдохновляет, отнюдь не противостоят игре амбиций, игре страстей, что не

способствуют прогрессу ни в хозяйственной деятельности, ни в социализации приматов. Коллективный труд, нравственный закон, человеческие формы общежития требуют не только контроля над страстями, но и над стихийными формами искусства, которые провоцируют эти страсти. Очевидно, что антропосоциокультурогенез невозможен без «приручения» (по Платону) стихийных форм игры, стихийных форм творчества. Решая проблемы антропосоциокультурогенеза, крайне актуально выявить те факторы, которые побудили ввести естественный артистизм и драматургические потенции приматов в культуру и обеспечили установлению нравственных начал в общежитии. Утверждение именно этих начал привело к появлению человека, общества, а также искусства как феномена человеческой культуры.

Приматы в ходе общения широко используют мимику и жесты, жизненную значимость которых трудно переоценить. Выразительная мимика приматов, делающая их прирождёнными лицедеями, позволяет им давать оценки, предельно наглядно выражать мнение по поводу самых различных явлений, процессов, с которыми они столкнулись, сталкиваются или собираются столкнуться. Ещё более выразительна жестикуляция приматов. Обращение к естественным семиотическим системам, которые органически присущи всем приматам, создаёт условия для разработки такого семиотического концепта искусства, который не уводит от его биологического (жизненного) смысла. Этот смысл изначально присущ и нравственному закону, а также целям и средствам его конституирования. Всё это не только актуализирует тему исследования естественных семиотических систем, связанных с истоками широкого спектра искусств. Эти истоки неразрывно связаны с истоками театра и присущей ему знаковости.

В отличие от каменных орудий, знаковые системы являются «общественными орудиями» (по Л.С. Выготскому), посредством которых формулируются табу, нравственный закон, воспроизводятся человек, культурный социум — общество. Генерализованная и генерализующая трудовая теория антропосоциокультурогенеза, конкретизирующая труд, породивший человечество, общество, культуру, конкретизирует и истоки искусства, неразрывно связанные с исходными формами общения матери и ребёнка, а также заботы о нём.

Родительский инстинкт способен пробуждать самые разные творческие потенции, обеспечивающие сохранение и воспитание потомства. Так, например, птицы, животные демонстрируют незаурядные актёрские способности, когда пытаются отвлечь или отпугнуть врагов от своих детёнышей. Аналогичные способности проявляют родители, предупреждая младенцев об опасности, а также развлекая и воспитывая их.

Культивирование человечности, техники безопасности в принципе невозможно без искусства, без манифестации самых ужасных трагедий и драм, связанных со стихийным использованием оружия, нарушением нравственного закона. Смысл этих трагедий и драм должен быть понятен даже младенцу, причём до того, как он «отобьётся от рук» матери, совершит первый необдуманный поступок, поэтому матери должны уметь манифестировать смертные муки, смерть при любых попытках младенца совершить необдуманный поступок, способный лишить его жизни. Не следует удивляться тому, что в «добрых» детских сказках матери регулярно умирают, похищаются, а несчастные сироты испытывают всяческого рода лишения.

Классики марксизма считали, что появление науки и искусства обеспечило разделение труда, причём: *«Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда»* [Маркс, Энгельс, 1955, с. 30]. Есть все основания полагать, что *«разделение труда на чисто физический, связанный с заготовкой пропитания, и духовный, связанный с воспитанием, произошёл на самой ранней стадии антропосоциокультурогенеза. Это разделение не могло не вызвать к жизни широкого спектра культурных феноменов, свойственных человеку, включавшего науку и искусство»* [Воронцов, 2018, с. 57].

Профессиональная забота о младенце должна была породить медицину — осмысленную заботу о здоровье. В рамках самой первой, и самой мудрой науки должны были развиваться семиотические (моделирующие) системы, способные отразить всё, что воздействует на человека, а также все его реакции.

Разделение труда на физический и духовный не могло не привести к материальному и духовному обмену. Старые матери учили и учат не только детей. Именно от них молодые матери перенимали и перенимают искусство ухода за детьми, умение обучать их языку, ходьбе, танцам и т. д. Старые матери в очень отдалённую эпоху начинают выполнять идеологические и культурологические функции. Они становятся хранительницами очага. Есть все основания считать их и первыми деятелями искусства. Может показаться, что искусство старых безграмотных старух может вызвать интерес только у детей, однако не следует забывать высказывание А. Пушкина: *«Что за прелесть эти сказки!»*! Каждая есть поэма». Следует также вспомнить его строки из его стихотворения «Зимний вечер»:

*«Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла».*

Обращение к диагностике, к пальцевым играм, к исходным формам общения с младенцами позволяет пролить свет на истоки пантомимы, театра, а **«пять (пятеро) пальцев руки** позволяют увидеть первых **паяцев**, первых **петрушек**. **Четыре** (греч. *tetra* “четыре”) смежных пальца руки позволяют увидеть первый **театр**, с которым каждый знаком с младенчества» [Воронцов, 2018, с. 244]. Паяцы изначально не только паясничали, но и поясняли. Следует заметить, что куклы первого кукольного театра регулярно упоминаются в сказках [Афанасьев, № 104, № 114, № 225, № 291, № 294]. Подчас куклы всё делают за героинь, а также выступают в качестве советчиков, покровителей. Подобного рода куклы широко представлены в русских сказках. Игнорировать эти куклы при изучении истоков сказки, истоков театра нет оснований.

Советский филолог О.М. Фрейденберг (1898-1955) показала в своём докладе [Фрейндерберг, 1988], что театр кукол в его изначальном архитектурно-смысловом значении (шопка, вертеп, батлейка) есть овеществление исходной модели мироздания. Она также обнаружила тождество между понятиями, обозначающими «жилище божества», «жилище женщин», «вместилище воды», «переносное место пребывания Бога». Всё это подтверждает изначальную связь театра кукол с женскими руками, с исходным рукотворным универсумом, который является и обителью божеств, и жилищем, а также исходным водоёмом.

Фрейденберг с полным основанием соотнесла изобретение кукольного театра с матриархатом, когда женщина была

главой рода, воспитателем, идеологом. По её мнению, кукольный театр *«единственный театр, протагонистом которого является божество не мужское, а женское»* [Там же. С. 26]. Исследования Фрейденберг подтверждают необходимость изучения истоков кукольного театра в тесной связи с воспитательным процессом, который инициируется представительницами женского пола.

Театр достиг пика своего развития в глубокой древности, когда он был единственной формой общения. Российский и советский этнограф В.Н. Харузина (1866-1931) сочла возможным говорить о примитивности театра не у первобытных, а у цивилизованных народов. В своей статье «Примитивные формы драматического искусства» она напомнила, *«что современный театр народов цивилизованных, несмотря на высокую степень, достигнутую им в технике постановки, в игре артистов, иногда преднамеренно возвращаются к примитивности»* [Харузина, 1947, с. 57]. Харузина также отметила, что театрализованные представления у первобытных народов в процессе развития приобретали множество форм, многие из которых весьма далеки от исходной и по содержанию. Это предельно затрудняет реконструкцию формы и содержания исходного театрализованного действия.

В работах [Воронцов, 2011, 2012, 2017, 2018] показано, что пальцевые игры с младенцами лежат не только у истоков у истоков басни, волшебной сказки, мифа, но и у истоков театра. Посредством рук — естественной маски (рис. 1) мать регулярно демонстрирует ребёнку самые ужасные трагедии и драмы, связанные с самым близким для младенца человеком. Именно посредством этой маски младенца учат постигать внутренние состояния других. Манифестируя обиду, страдания можно научить младенца делиться едой, игрушками и другими благами. Всё это придаёт рукотворной

маске, театрализованному действию фундаментальную роль в исходных формах социализации и инкультурации. *«Научившись воспринимать чужую боль как свою, научившись делиться, договариваться, ребёнок становится социальным существом. В 7-8 лет он обычно сам мог становиться воспитателем своих младших братьев и сестёр»* [Воронцов, 2018, с. 226].

Масса проблем возникает у исследователей при попытках пролить свет на истоки танца. Танец — ритмичные, выразительные телодвижения, обычно выстраиваемые в определенную композицию и исполняемые с музыкальным сопровождением. Танец часто рассматривается в качестве древнейшего из искусств, поскольку он известен всем племенам и народам. Танец был издревле связан с самыми различными сторонами общественной жизни. Существовали танцы ритуальные, охотничьи, трудовые, воинские. Они передавались от поколения к поколению. Со временем их смысл (а им была пронизана природа древнего танца) утрачивался, забывался, но тысячелетиями народ хранил свой особенный пластический язык, который отражает восходящую к самым ранним временам потребность человека передавать другим людям свои эмоции и демонстрировать свои потенции.

Народное творчество смогло развить танец до высочайших высот и разнообразия, но вместе с тем затруднило осмысление его естественных корней, поэтому исследователи вынуждены высказывать самые различные мнения об истоках танца. Ряд исследователей связывает истоки танца с сексом. Другие соотносят танцы людей с танцами животных, однако большинство исследователей видят в танце чисто человеческое изобретение. Связывая истоки танца с истоками знакового поведения, а также учитывая, что исходный

язык был жестовым, некоторые учёные предлагают рассматривать танец как средство выражения эмоций, а также более широко: как заменитель еще не родившегося звукового языка.

При анализе исходных танцевальных образцов крайне актуально выделить такие формы, которые имеют всемирное распространение и общечеловеческое значение. «Генерализованная и генерализующая трудовая теория антропосоциокультурогенеза позволяет выявить такие образцы, а также первых хореографов, первые танцплощадки. Есть все основания полагать, что первыми “танцполами” и первыми хореографами являются представительницы женского пола, которые учат детей плясать на своих коленях» [Воронцов, 2018, с. 230, 231].

Танец возник из разнообразных естественных движений и жестов, отражающих наше внутреннее состояние и наши возможности. Культивирование этих движений и жестов вначале имело чисто прикладное значение, однако, со временем, в процессе культивирования выделилась эстетическая составляющая, в результате чего сформировалось искусство танца — одно из древнейших проявлений народного творчества.

Следует учесть, что младенцы начинают толкаться ногами ещё в утробе матери. Эти толчки, ощущаемые матерью только с четвёртого месяца (чаще всего между 16-й и 20-й неделями), становятся регулярными в течение всего периода между 5 и 9 месяцем. Знаковый характер сучение ногами, всплескивание руками приобретают в ходе общения младенца со взрослыми. Постепенно вырабатывается особая реакция обращения к взрослым, которая называется «комплексом оживления». Малыш сосредоточивает взгляд на лице склонившегося над ним человека, улыбается ему, оживлен-

но двигает руками и ногами, издает тихие звуки. Это и есть выражение появившейся потребности в общении — первой социальной потребности ребенка, которую матери стремятся всемерно развить.

«Есть серьёзные основания считать, что пляской изначально называлось рукоплескание, которое вводится в культуру до того, как ребёнок научится ходить. Побуждая ребёнка хлопать в ладоши («ладушки-ладушки»), а также сучить и топать ногами («попляши, попляши, твои ножки хороши») старшие стремятся всячески развеселить младенца. Стремление выражать радость хлопками рук и прыжками у него сохраняется на всю жизнь» [Там же. С. 231]. Побуждение сучить ногами связано не только с баловством (франц. *bal* `танец`), но и с приобщением ребёнка к прямохождению.

Надо сказать, что ребёнок изначально склонен размахивать руками, сучить и топать ногами не только от радости, но и от огорчения. Старшие вполне сознательно вводят в культуру подобного рода пантомиму, манифестируя огорчение, демонстрируя табу и т. д. Таким образом истоки танца (греч. *choreia* «танец») неразрывно связаны не только с радостью, но и с горем.

Сучить ногами человека побуждает также сильная боль. *«Смертные муки, агония должны была вызвать к жизни "танец смерти", имитирующий "пляски мертвецов". Других средств для обозначения и манифестации этого процесса изначально просто не было. Следует заметить, что в греческом языке **thanatos** — `смерть`. Становлению **танцев** смерти содействовало также поведение некоторых родственников на похоронах, с которыми случается истерика, во время которой они падают на могилу и иступлённо сучат ногами»* [Там же. С. 232].

«Танец смерти» (нем. Totentanz, англ. Dance of Death, фр. Dance macabre, итал. Danza macabra, исп. Danza de la muerte) — род аллегорической драмы или процессии, в которой главным персонажем являлась смерть, и которая некогда представлялась в лицах и часто изображалась в картинах, гравюрах и скульптурных произведениях разных народов, включая народы Европы. Образ танцующей смерти характерен для танцев многих первобытных обществ — например, до сегодняшнего дня он играет большую роль в магических обрядах вудуистов. Издревле погребальные танцы практиковались и у народов Европы, но особенно широко «танец смерти» распространился в Европе в XIV в., в периоды эпидемии чумы.

Агония могла породить представление об огненной преисподней, где мертвецам приходится идти по раскалённым углям, чтобы вознестись на небо. Огонь погребального костра позволял следовать вслед за мужем его жёнам и возлюбленным, причём делалось это зачастую добровольно. Пример такого самопожертвования у русов описан **Ибн-Фадланом** в ходе его путешествия на Волгу в 921-922 г. Подобная практика издревле существовала у индусов, славян и ряда других народов. Со временем она могла быть замещена обрядами, связанными с хождением и танцами на раскалённых углях, которые были распространены среди многих народов Азии, Африки, Океании и ряда регионов Европы с глубокой древности. Так, в Индии хождение по раскалённым углям известно, как минимум с 1200 года до н. э. Оно могло привести к появлению такого зажигательного танца, как фламенко, истоки которого связывают с выходцами из Индии — цыганами.

Генерализованная и генерализующая трудовая теория антропосоциокультурогенеза позволяет пролить свет и на

истоки изобразительного искусства. В первобытную эпоху сформировались все виды изобразительного искусства:

- 1) графика (рисунки, силуэты);
- 2) живопись (изображения в цвете, выполненные минеральными красками);
- 3) скульптура (фигуры, высеченные из камня или вылепленные из глины);
- 4) декоративное искусство (резьба по дереву, камню, кости; рельефы, орнаменты).

Надо сказать, что изначально истоки искусства связывались с появлением различного рода механических орудий и только со временем искусство стало соотноситься со знаковыми (моделирующими, образными) системами. Так, например, французский археолог Б. де Перт в 1857 г. публикует по материалам своих раскопок на р. Сомме кости диких животных с правильно расположенными рядами насечек, сравнивает их с мерными устройствами, знаками счёта, метками на память, однако столь актуальная графика, неразрывно связанная с высшими формами мыслительного процесса, а также с хозяйственной практикой не вызвала интереса у других исследователей. Четверть века ранее в Вэйрье (Швейцария) был найден палеолитический «жезл» с графическим орнаментом из геометрически правильных мотивов, который также не стал рассматриваться в качестве свидетельства реальности палеолитического искусства. Ведущую роль в становлении современных представлений об истоках искусства сыграло обнаружение пещерной графики и живописи, а также палеолитических скульптур.

Первые дошедшие до нас произведения первобытного искусства принято относить к верхнему палеолиту. Их возраст около 40 тыс. лет. Среди них особое место занимают насечки на костях животных, а также скульптурки — «Венеры».

Наиболее убедительно осветить природу насечек и «палеолитических венер», а также пещерной живописи способна «гипотеза руки», сформулированная французским философом и этнографом Г. Люке (1876-1965) в книге «Искусство и религия ископаемого человека». Согласно этой гипотезе, «рука» была изначальным прообразом всего искусства эпохи верхнего палеолита [Luquet, 1926].

Советский историк искусства А.С. Гущин (1902—1950) в своей книге «Происхождение искусства» также отстаивает мысль, что отпечатки рук выявляют *«исторический процесс зарождения и начального развития искусства»*, как *«одну из сторон общего процесса развития человеческого сознания»* [Гущин, 1937, с. 78,79]. Именно образ человеческой руки, по мнению Гущина, был особо важным для человека в осознаваемой им действительности.

В условиях доминирования жестовой речи роль руки как знаковой системы трудно переоценить. Есть все основания полагать, что насечки на кости служили заменой пальцев рук при счёте, а образ Вестонической Венеры (рис. 51), которая выполнена из керамики, даёт основания думать, что прообразами подобных фигур являются древние божества (рис. 6), неразрывно связанные с нашей телесностью, с нашими руками, стоящими у истоков самых разных феноменов культуры, включая искусство. По всей видимос-

Рис. 51. Статуэтка женщины. Обожжённая глина. Стоянка Дольни Вестоницы, Чехия. Палеолит

ти изначально эти фигуры отражали кости и суставы (бабки) больших пальцев рук. Принадлежали они главному божеству, которое возглавляет целое «собрание» других божеств.

Простое окрашивание пальцев рук матери приводит к тому, что окрашенным и орнаментированным оказывается весь исходный универсум, включающий исходные помещения, емкости, утварь, тварей и т. д., поэтому глубоко ошибочны любые попытки связывать истоки живописного искусства с наскальной живописью, которая всегда была чужда культуре абсолютного большинства первобытных и цивилизованных людей, населявших и населяющих землю. Именно этим можно объяснить тот факт, что абсолютное большинство пещер, издревле известных человечеству, не расписано древними и современными художниками.

Во всех пещерах рядом с фигурами животных изображены абстрактные знаки: линии, сетки, прямоугольники, а также проекции рук. Это даёт основания полагать, что создатели картин были знакомы не только с исходным языком геометрии, жестовой речью, но и со связанными с ними процессами проецирования, печати. Очевидно, что истоки осмысленного использования языка геометрии, сознательного проецирования руки бесконечно архаичнее настенной живописи и восходят к истокам сознательной заботы о жизни и здоровье. Есть также множество оснований считать, что задолго до того, как наши предки стали расписывать пещеры, высекать изображения на камнях, скалах они стали расписывать, татуировать своё тело. Подобного рода искусство издревле считалось жизненно важным у самых разных первобытных и цивилизованных сообществ, проживавших вблизи и вдалеке от пещер. Кроме того, на многих наскальных изображениях видна раскраска, а в самих изображениях подчас находят соответствия с элементами татуировки.

Татуировка — искусство весьма архаичное и сложное. При осмыслении его истоков исследователи сталкиваются с не меньшими проблемами, чем при изучении наскальной живописи. Как и наскальная живопись, искусство татуировки у первобытных народов нередко достигало высочайшего уровня. Так, например, высочайшего уровня этот вид искусства достиг в Полинезии. Русский мореплаватель, адмирал И.Ф. Крузенштерн видел в татуировке разновидность живописного искусства: *«Искусство сие, составляющее некоторый род живописи, нигде не доведено до такого совершенства, как на островах Вашингтоновых; оно состоит в том, что прокалывают кожу и втирают разные краски, а обыкновенно черную, которая делается после темно-синюю. Король, отец его и главные жрецы отличаются тем, что расписаны темнее прочих. Все части тела их украшены сим образом. Лицо, глаза, даже и те места головы, на коих острижены волосы, покрыты сею живописью. Сей же обычай, по свидетельству капитана Кинга, введен и на Новой Зеландии и Сандвичевых островах; на островах же Товарищества и Дружества лица не расписывают, а украшают одно только тело»* [Крузенштерн, 1809, с. 191].

В работе [Воронцов, 2018, с. 129-143] показано, что пролить свет на истоки искусства, связанного с раскраской, нанесением различного рода рисунков на тело, включая геометрические узоры, невозможно, если игнорировать рефлексорные формы процесса, связанные с исходным языком геометрии, исходной формой печати, которые имеют огромную диагностическую и терапевтическую значимость. Кровавые отпечатки рукотворного универсума (исходной координатной сети), пястей (пастей) рук породили обычай наносить на тело геометрические структуры, образы сказочных и мифически существ, растений, мифической вселенной и т. д. Со

временем, когда люди стали прикрывать своё тело одеждой, возник обычай наносить подобные образы на одежду. Древний обычай воспроизводить образы мифических существ, растений, космоса на одежде сохранился у шаманов. Изначальная связь рук с порождением сказочных существ, растений нашла яркое отражение не только в образах, встречающихся на китайских тканях (рис. 37), но и в русской вышивке (рис. 38). Характерной особенностью русской вышивки является тот факт, что она выполнялась красными нитками на белом фоне. Всё это подтверждает её связь с исконной живописью, порождённой кистью руки и кровью.

Исходный печатный процесс позволяет пролить свет и на истоки орнамента. Орнамент (лат. *ornamentum* — украшение) — узор, основанный на повторе и чередовании составляющих его элементов; предназначается для украшения различных предметов (утварь, орудия и оружие, текстильные изделия, мебель, книги и т. д.), архитектурных сооружений (как извне, так и в интерьере), произведений пластических искусств (главным образом прикладных), у первобытных народов также самого человеческого тела (раскраска, татуировка). Орнамент — один из древнейших видов изобразительной деятельности человека, в далеком прошлом несший в себе символический и магический смысл, знаковую, семантическую функцию. Сеть из пальцев, зажавших **рану**, способна воспроизвести самый **ранний** орнамент. Благодаря естественным геометрическим структурам сетчатый узор и его элементы (кресты, квадраты) считаются наиболее архаичными. Кровавый орнамент нес и несет знаковую функцию. Орнамент часто рассматривается в качестве исходного письма.

Пальцы матери являются естественным **паласом**, ковром, прикрывающим тело, раны. Есть все основания пола-

гать, что именно с этими паласами, коврами связаны исходные ковровые узоры. Со временем для нанесения на тело ковровых узоров стали использоваться искусственные печати, а также кровезаменители. Естественная система координат из **пальцев** породила представления о **плаче, плетении, сплетнях** как знаковых процессах, игнорируя которые невозможно постигнуть истоки орнаментального искусства, проследить его глубинную связь с исходной знаковой системой, связанной с проецированием исходной координатной сети на человеческую телесность.

Археологи располагают богатой коллекцией печаток, посредством которых наносились узоры на тело. Отпечатки пальцев на механических орудиях могут порождать повторяющиеся структуры (рис. 52) чисто рефлекторно, что также свидетельствует об их глубокой древности и актуальности при реконструкции истоков подобного рода художеств.

Почти все исследователи первобытного искусства, в том числе и те, кто отстаивает альтернативные гипотезы, сходятся в одном: искусство не могло возникнуть внезапно «из ничего». О том, что изобразительное творчество изначально не

Рис. 52. Разрисованная галька.
Пещера Мас-д'Азиль, департамент Арьеж, Франция.
Датировка — предположительно IX—VIII тыс. до н.э.

было связано с пещерами и следы его могли не сохраниться, пишут многие исследователи. Так, например, чешский антрополог Я. Елинек считает, что первые художественные опыты палеоантропов до нас не дошли, поскольку наносились на предметы из нестойких материалов. Он пишет: *«Органические материалы, такие как дерево, кора, кожа и т.д., которые, несомненно, играли огромную роль как в материальной культуре, так и в художественном творчестве первобытного человека, в большинстве своем не сохранились. Обнаружение значительных количеств красной краски в культурных слоях мустьерского времени также недвусмысленно говорит о том, что позднепалеолитическому искусству вне всякого сомнения предшествовало довольно продолжительное развитие»* [Елинек, 1983, с. 465].

Уже давно замечено, что первобытных людей глубоко интересует их внешность. Они любят «повертеться» перед подаренным или купленным зеркалом не меньше современных модниц. Сначала роль зеркала играла гладкая поверхность воды или хорошо отполированные раковины. До сих пор, чтобы украсить своё тело, первобытные люди прибегают к различного рода ухищрениям, включая различные трансформации органов, а также раскраску тела. Раскраска тела издревле была широко распространена во всех частях ойкумены, что свидетельствует о её глубокой древности. Грим (смесь жира с краской) был известен уже в каменном веке. В палеолите людям было известно около 17 красок. Самые основные: белила (мел, известь), черная (древесный уголь, марганцевая руда), охра, которая позволяла получать оттенки от светло-желтого до оранжевого и красного.

Рисунки на теле первобытных людей несут не только эстетические функции. Они могут указывать на социальный статус, происхождение и даже веру. Раскраска лица и тела

издревле была магическим обрядом, часто являлась признаком взрослого мужчины-воина и впервые наносилась во время обряда инициации (посвящения во взрослые полноправные члены племени). Тело воина, выкрашенное определенной краской, предположительно становится менее уязвимым для врага. Краска, рисунок на теле могут отпугнуть врага или злого духа. Церемониальный орнамент во время ритуала переносит из реальной жизни в мир духов, защищает от негативного влияния и создаёт связь с предками.

Предельно архаичные и предельно выразительные знаки на теле человека могут быть получены без всяких искусственных красителей и инструментов: сильная физическая и душевная боль побуждает детей и взрослых царапать тело и лицо. Эти знаки, имеющие большое диагностическое значение, традиционно игнорируются исследователями. Подобного рода предельно архаичные, но предельно выразительные знаки издревле наносились также вполне сознательно представителями самых различных племён и народов, что подтверждает гипотезу руки. Британский религиовед, антрополог, этнолог, культуролог, фольклорист и историк религии Дж. Фрэзер (1854-1941) в своей книге «Фольклор в ветхом завете» приводит многочисленные факты, свидетельствующие о широком распространении обычаев, связанных с самоистязанием во время траура. Так, например, арабские женщины во время траура *«срывали с себя верхнее платье, царапали себе ногтями грудь и лицо, били себя обувью и обрезали свои волосы... В Древней Греции женщины, оплакивавшие близких родственников, срезали свои волосы и царапали себе ногтями до крови лицо, а иногда и шею»* [Фрэзер, 1985, с. 414].

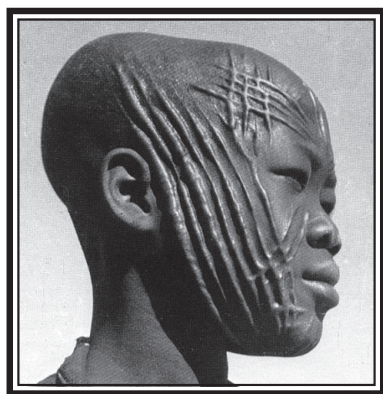
Царапины, шрамы на теле оставляет не только человеческая пядь-пасть, но и зубы, когти хищников, что лишь

подтверждает знаковую роль руки, способную манифестировать пасть хищника и другие напасти. Размеры, количество, место расположения, форма царапин, шрамов могли свидетельствовать о мужестве члена социума, искренности его скорби по умершим членам сообщества и т. д., поэтому царапины, шрамы уже очень давно приобрели знаковый характер, причём не только в медицине.

Истязания, связанные с различного рода следами на теле, издревле практиковались также во время инициаций. Характерной особенностью мужских инициаций у самых разных племен и народов являлось наличие мучительных испытаний, которым подвергались посвящаемые юноши. Полученные при инициации травмы также выполняли знаковые функции, поскольку свидетельствовали о новом статусе их владельца, позволяющем налаживать половые отношения и т. д.

Стремление отразить безысходную скорбь, зверскую боль, а также мужество, социальный статус посредством царапания, насаживания кожи, бичевания, прокалывания со временем приобрело художественную форму. С усложнением и социальным расслоением общества эти знаки доблести стали наносить профессионалы, в том числе и на тела тех, кто не принимал участия в боях и охоте, но мог хорошо заплатить мастеру. Так возникло искусство шрамирования (скарификации) (от лат. *scarifico* — царапаю), связанное с нанесением изображений на тело человека посредством шрамов (рис. 53). Традиция украшать тело с помощью шрамов — древняя, но до сих пор практикуемая среди некоторых племён Австралии, Африки, островов Новой Гвинеи. Узоры из шрамов на теле способны поведать о многом. Они могут рассказать о принадлежности к той или иной этнической группе, о семье и статусе хозяина шрамов, о его возрасте. Во многих

племенах шрамы гарантируют успех у противоположного пола: мужчина или женщина, не украшенные орнаментом из шрамов, считаются некрасивыми, а также трусами, которые боятся боли.

**Рис. 53. Шрамированный мужчина из Чада.
Фото. Грёнинг архив**

Наряду со шрамированием издревле развивалось и искусство татуировки. Татуировка, т. е. обычай нанесения на лицо и тело рисунков (рис. 54) путём наколов или надрезов и введения в них красящих веществ, некогда существовала почти у всех народов земного шара, а в некоторых группах общества она распространена и в наше время.

Следы на теле от ногтей человека и когтей животных породили татуировку в виде орнамента из сплошных линий, точек, сеток. Попытки реконструкции царапающих пястей-пастей, оставивших следы на теле, могли привести к появлению рисунков сказочных и мифических когтящих, царапающих, клюющих существ, а также растений.

Царапины, насечки, отпечатки, символизирующие нечеловеческую боль, опасность, скорбь, ужас издревле вос-

**Рис. 54. Фантастический зверь — деталь татуировки.
IV–III в. до н. э. Прорисовка. Второй Пазырковский курган.
Из книги С.И. Руденко «Сокровища Пазырковских курганов»**

производились и вне тела человека. Их могут оставлять чисто механически люди, которые заблудились в пещере или были затащены туда хищниками. К числу древнейших изображений на стенах палеолитических пещер относятся натуралистические оттиски человеческой руки и беспорядочные переплетения волнистых линий, продавленных в сырой глине пальцами (т. н. «макароны» и «меандры») или процарапанные на скалах зубчатыми инструментами (рис. 55). Следует заметить, что меандры, пятна, отпечатки на стенах и полах пещер позволяют реконструировать жесты людей, которые их оставили (рис. 56). Язык жестов позволяет рассматривать отпечатки и соответствующие им жесты как предсмертные послания погибших людей, отразившие их животный ужас. Естественное стремление сохранить эти послания сыграло огромную роль в становлении палеолитической живописи.

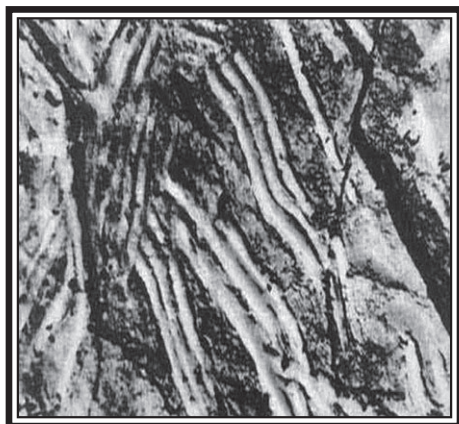

Рис. 55. Группа параллельных линий. Прочерчены пальцем по глине. Пещера Альтамира, Испания

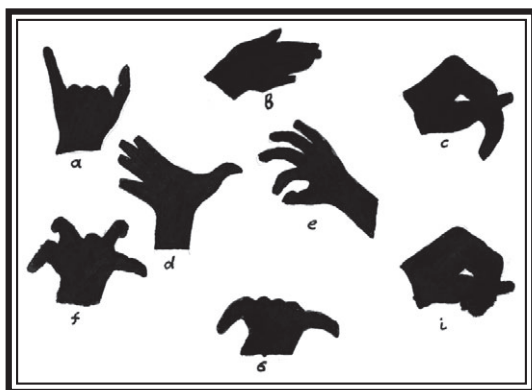

Рис. 56. Реконструкция жестов, связанных со следами жертв на стенах и полу пещер, выполненная В.А. Воронцовым

Для воспроизведения реконструированных жестов страдальцев чаще всего использовалась чёрная и красная краска. Жесты могли прорисовываться, а также отпечатываться. Отпечатки выполнялись двумя различными способами. Отпе-

чаток тыльной стороны руки получался путём распыления красящего вещества через полую трубку-соломинку; при этом сама ладонь выполняла роль экрана. В результате получался негативный отпечаток руки, окруженный ореолом в виде красочного пятна произвольной формы. Отпечатки другой стороны ладони получались путем приложения ладоней, обмазанных красителем, к каменной поверхности стены; так возникали позитивы.

Среди наскальных изображений регулярно попадают изображения ладоней с отсутствующими фалангами пальцев (рис. 57). В Европе подобные изображения были обнаружены в пещерах Гаргас, Тиберан, Коске, Фуэнте дель Тручо, Пеш Мерль (Франция, Испания). Убедительные факты, свидетельствующие о знаковом характере отпечатков рук, опубликовал испанский археолог С.Р. Лопес. Вместе с Э. Перелло и И. Жиральдо он провел специальное исследование отпечатков рук в пещере Мальтравьезо (Эстремадура, запад

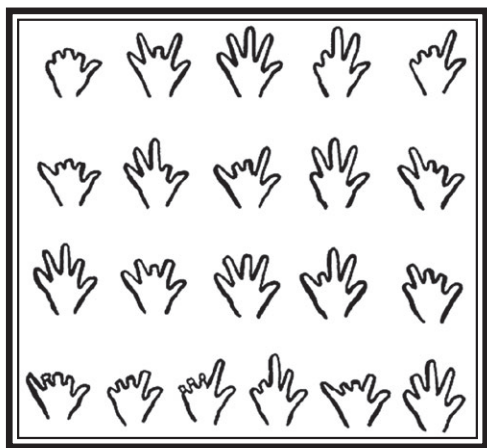

Рис. 57. Негативные отпечатки рук с недостающими фалангами, воспроизводящие жесты. Пещера Гаргас (по Леруа Гурану)

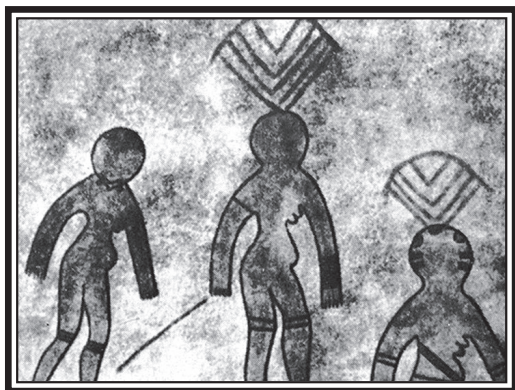
**Рис. 58. Реконструкция жеста человека и царпин в пещере.
Национальный парк «Тассили-н-Аджер», Сахара, Алжир**

Испании) при помощи съёмки изображений в инфракрасной и ультрафиолетовой зоне спектра. Оказалось, что фаланги некоторых пальцев были закрашены тем же пигментом, который был использован для нанесения трафарета [Lopez, Perello, Giraldo, 1999]. Эти исследования ставят под сомнение гипотезы о намеренной ампутации фаланг и подтверждают предельно наглядно мысль о том, что эти отпечатки ладоней воспроизводят жесты страдальцев, оставивших соответствующие пятна, полосы на стенах пещер.

Мысленно реконструированные жесты часто рисовались на голове (рис. 58), над головой (рис. 59-60), вместо головы (рис. 61-63).

Пальцы на согнутых локтях (рис. 62) подтверждают, что у жертвы были согнуты пальцы на обеих руках.

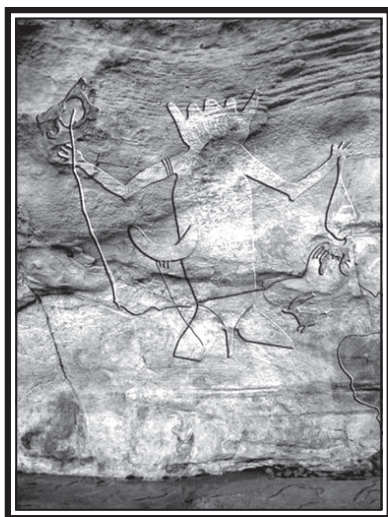
След руки на стене может быть сопровождён следами ног на полу. Не следует удивляться тому, что изображения реконструированных жестов на рис. 62 дополнены человеческими телами со ступнями. На первый взгляд этот рисунок воспроизводит скоморохов, собравшихся танцевать классический танец, но думать так нет оснований, поскольку неко-

**Рис. 59. Реконструкция жестов женщины,
оставившей следы пальцев на своде пещеры.
Национальный парк «Тассили-н-Аджжер», Сахара, Алжир**

**Рис. 60. Реконструированный
жест упавшего человека
в виде рогов оленя,
Пещера Труа-Фрер,
департ. Арьеж, Франция**

**Рис. 61. Реконструированный
жест. Национальный парк
«Тассили-н-Аджжер».
Сахара, Алжир**

Рис. 62. Реконструированный жест. Национальный парк «Тассили-н-Аджер». Сахара, Алжир

Рис. 63. Реконструкция жестов погибшего человека. Пещера Ла-Мадлен. Департамент Дорданы, Франция

торые из персонажей вполне сознательно изображены без ступней, а один из них вовсе лежит. Есть все основания полагать, что на рисунке отражены последние шаги погибшего человека, который двигался справа налево. Раздвинутые руки человека и его ноги в первой позиции призваны продемонстрировать, что он двигался боком вдоль стены. Вначале человек опирался о стену локтем, а также ладонью (рис. 69 е), причём локоть располагался выше подмышки, которую символизирует изображённая мышь. Естественно, что рука напоминала изогнутую рогатую змею, реконструкция головы которой приведена на рис. 57е. Затем человека начал перемещаться, опираясь суставами рук о стенку, причём руки располагались на разном уровне. Позиции пальцев при этом соответствовали реконструкции, приведённой на рис 57g и 57f. Некоторые тела лишены ступней, что свидетельствует о том, что в данной позиции следы ног не обнаружены. Наполовину окрашенные тела свидетельствуют о наличии отпечатков только одной ноги и одной ладони в соответствующем месте.

Если погибший человек оставлял следы сразу обеих рук, то возникала необходимость реконструкции двух предсмертных жестов. И такая реконструкция производилась. Так, например, на рис. 63 изображена смерть представителя мужского пола, одна рука которого направлена на голову быка, а вторая на птицу. Ладони позволяют без проблем реконструировать жесты, соответствующие и голове быка (рис. 57i), и сидящей на палке птице (рис. 57 d).

Чтобы увековечить подвиг героев, убивших кровожадного обитателя пещеры, а также успокоить души живых и погибших сородичей, на стенах пещеры могли изобразить страдания и гибель людоеда (рис. 65). Воспроизводить древним художникам образ хищника помогало их умение выполнять татуировку.

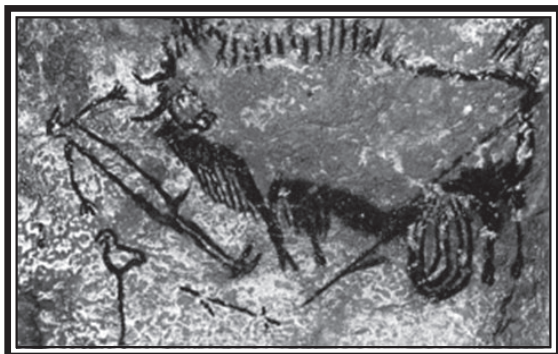

Рис. 64. Реконструированные жесты погибшего мужчины.
Пещера Ласко, Дордань, Франция

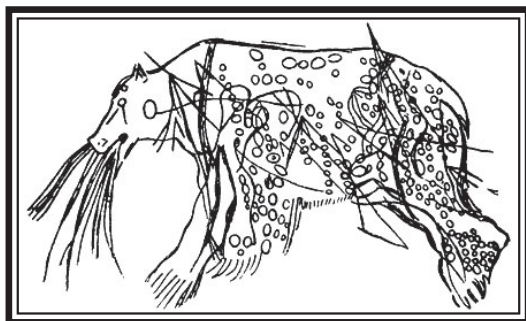
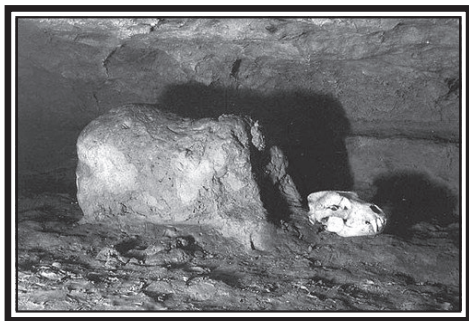

Рис. 65. Гибель медведя. Пещера Труа-Фрер,
Департамент Арьеж. Франция

С целью увеличения достоверности расправы над людоедом можно разместить в пещере голову, шкуру или макет её кровожадного обитателя. В пещере Монтеспан на территории Франции археологи нашли статую глиняного медведя со следами ударов копьём (рис. 66).

Советско-российским историком, археологом и искусствоведом А.Д. Столяром (1921-2014) в работе «О происхождении искусства» [Столяр, 1985] предложена теория,

**Рис. 66. Скульптура медведя. Пещера de Montespan,
Департамент Верхняя Гарона, Франция**

согласно которой самые ранние образцы того, что позже становится искусством, можно видеть в таких композициях, которые представляют собой аранжировку частей тела убитого на охоте животного. Автор теории игнорировал моделирующую функцию рук, сказочных животных, с которыми человек знакомится до того, как свой первый шаг, возьмёт копьё, отправится на охоту.

Генерализованная и генерализующая трудовая концепция антропосоциокультурогенеза позволяет всесторонне обосновать гипотезу руки и в рамках этой гипотезы пролить свет на исходные формы рефлекторной и осмысленной изобразительной деятельности, а также проследить древнейшие этапы развития этой деятельности, вызвавшие к жизни появление «палеолитических венер», раскраски галек, тела, скарификации, татуировки, пещерных рисунков и живописи. Глубоко правы исследователи, связывающие истоки орнаментального искусства с пластикой рук. С царапающими потенциями руки связаны истоки графики. С кистью руки связаны также первые живописные образы, отразившие пластику руки, её способность выражать внутренние состояния человека.

Литература

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1986.

Вишняцкий Л.И. На подступах к искусству (палеолит) // Stratum plus. Структуры и катастрофы. — 1997. — № 2. — С. 4-20.

Воронцов В.А. Подлинные истоки волшебной сказки. — Казань: Intelpress+, 2011. — 268 с.

Воронцов В.А. Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогенеза. — Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. — 415 с.

Воронцов В.А. О театре волжских булгар и природе театрального искусства. — Казань: Интелпресс, 2008. — 212 с.

Воронцов В.А. О театре волжских булгар и природе театрального искусства. 2-е изд. доп. и перераб. — Казань: Центр инновац. технологий, 2017. — 287 с.

Воронцов В.А. Истоки искусства в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза. — Казань: Центр инновац. технологий, 2018. — 304 с.

Выготский Л.С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1968. — 576 с.

Гуцин А. Происхождение искусства. — Л.; М.: Искусство, 1937. — 112 с.

Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. — Прага: Артия, 1983. — 558 с.

Еремеев А.Ф. Происхождение искусства. — М.: Молодая гвардия, 1970. — 270 с.

Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». — СПб.: Мор. тип., 1809-1812. — Ч. 1-3. Ч. 1. — 1809. — XXV, 379 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения: 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1955. — Т. 3. — 689 с.

Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. — М.: Искусство, 1985. — 300 с.

Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. — 2-е изд. исп. / пер. с англ. — М.: Политиздат, 1985. — 511 с.

Фрейденберг О.М. Семантика постройки кукольного театра // О.М. Фрейденберг. Миф и театр. — М.: ГИТИС, 1988. — С. 13–35.

Харузина В.Н. Примитивные формы драматического искусства // Этнография. — 1947. — № 1, 2. — С. 57-86.

Чеботарёв С.Н. Возникновение искусства. — Л.; Изд. Автора, 1930. — 55 с.

De Wall F. Chimpanzee Politics. Power and Sex among Apes. — London: Jonathan Cape, 1982. — 223 p.

Lopez S.R., Perello E.R., Giraldo H.C. El santuario extremeño E. R. de las manos // Trabajos de preistoria. — Madrid. — 1999. — Vol. 56. — № 2. — P. 59-84.

Luquet G.-H. L'art et religion des homes fossils. — Paris: Masson, 1926. — 420 p.

Patterson F. Innovative uses of language by a gorilla: a case study / Ed. Nelson K.E. Children's Language. V. 2. N. Y.: Gardner Press. — 1980. — P. 497-561.

10. ИСТОКИ КАЗАНСКИХ ЛЕГЕНД

Казань-городок — Москвы уголок.

Русская народная поговорка

С Казанью и её окрестностями связано множество легенд и преданий, в которых фигурируют чудесные котлы, мифические существа, жертвенная собака, зарытая под фундаментом крепости. Попытки пролить свет на причины, вызвавшие к жизни подобного рода сюжеты, породили обширную литературу, в которой можно найти десятки версий, предлагающих разгадку происхождения, исторической сути легенд, семантику образов, этимологию топонимов, столетиями волнующих казанцев.

Существуют легенды, согласно которым своим названием Казань обязана казану, который был зарыт на месте основания этого города. Так, например, в древней татарской легенде, которая называется «Казан Туйбике» повествуется о том, как после разорения Булгара Тимуром *«предводительница одного из племён старуха Туйбика, взяв около 15 своих людей, на парусной лодке ушла по Волге. Старуха Туйбика не оставила и свой казан — символ богатства и изобилия. Казан был шести пудов весом, его цепь также весила шесть пудов.*

Пройдя на парусной лодке некоторое расстояние, путники сошли на берег. Местность им понравилась, и они остались там жить. На обжитом месте закопали казан, чтобы он приносил им изобилие и счастье. Там же начали строить город Казань. Говорят, что казан с цепью до сих пор лежит под городом, только вот найти его никто не может» [Сказания..., 1992, с. 6].

Целый ряд легенд связывает основание Казани и название этого города с горячим казаном. В легенде «Казан, закипающий без огня» повествуется о том, как Аксак Тимер «велел старухе забрать все свои вещи и покинуть Буляр:

— поселись в том месте, где под казаном сам зажжётся огонь.

Ничего не осталось делать старухе, как забрать казан, собрать все свои пожитки и отправиться в путь. Остановившись в дороге, поставила она на землю казан, и под ним сам по себе появился огонь. Старуха стала жить на этом месте. Рядом с ней поселились и другие люди, и возник город, получивший название Казань» [Там же. С. 6-7].

Помимо легенд, связанных с нагревом казанов, существует легенда об утоплении казана в реке при основании Новой Казани. Согласно легенде, «один из казанских беков имел работника. Он пришёл к реке, захватив с собой медный казан. Берег реки был крутой, неудобный, чтобы черпать оттуда воду. Когда он старался в таком неудобном берегу вычерпать воды, нечаянно выпустил из рук этот медный котёл, который утонул в реке.

Вот после этого река была названа Казанкой. А город, расположенный около этой реки стал называться Казанью» [Вахидов, 1926, с. 87].

Попытки объяснить истоки легенд про закопанных, самонагревающихся, утопленных казанах, их связь с основанием Казани нельзя считать убедительными. Так, например, Р. Мустафин в своей книге «Озеро Кабан» попытался так объяснить природу загадочного самонагревающегося котла. Он пишет: «Прохожу мимо нового театра. Ещё недавно здесь было топкое низменное место. Вплоть до конца XIX века и строительства тут первой городской электростанции оно называлось “Моховым болотом”. И меня осеняет. В

засушливые годы, когда болота пересыхали, торф легко мог воспламениться. При практике подсечного огневого земледелия, когда сжигались кучи нарубленного хвороста, пней, веток, деревьев, такие случаи были, вероятно, не так уж и редки. Подземный жар мог тлеть месяцами, — без видимого сверху пламени. Вот вам и объяснение чудесного “самокипящего котла”» [Мустафин, 1989, с. 15]. Высказывая подобную гипотезу, Мустафин игнорирует тот факт, что Старая и Новая Казань, получившая название от Старой Казани, возводились отнюдь не на моховых болотах, а на возвышенных местах.

В работе «Истоки казанских легенд» впервые показано, что «название реки Казанки (тат. Казан), могло инициировать сказания о том, что Казань стоит на казане» [Воронцов, 2010, с. 23]. Это проливает свет на природу котла Туйбике, который «лежит под городом, только вот найти его никто не может».

Истоки сказаний о загадочных казанах, которые нагреваются сами собой, есть все основания искать в созвучии слов, которые способствуют превратной передаче устной информации. Это порождает самые странные заблуждения, домыслы, предрассудки. Так, например, обстоит дело с названием озера Иссык-Куль в Киргизии. В «Словаре народных географических терминов» по поводу названия озера Иссык-куль говорится следующее: «Последний гидроним переводят “горячее озеро”, что, видимо, народная этимология. Правильнее Изых-Куль — “святое, священное озеро”» [Мурзаев, 1984, с. 313]. На примере Иссык-Куля легко понять, каким образом название Старой Казани (тат. Иски-Казан) стало ассоциироваться с горячим казаном.

Близким звучанием слов можно объяснить и причины, которые породили легенды о нагреве казана при основании

Новой Казани. Дело в том, что в татарском языке *яңа* 'новый'; *яну* 'гореть', 'горение' [Татарско-, 1966, с. 711].

Аналогично решается и проблема утопленного при основании Казани казана. Истоки этой легенды об утоплении казана вполне объяснимы, если учесть двойственное значение татарского слова *кою* 'впадать', 'ронять'. Эта двойственность привела к тому, что факт основания Казани в месте впадения реки Казанки (Казан) в реку (Волгу) был переосмыслен. Этим и объясняется появление легенды об утоплении казана на месте будущей Казани.

Надо сказать, что происхождение гидронима Казан также издавна волнует исследователей. В поисках ответа начиная с середины XIX предложено более 30 гипотез. Общим для всех этих гипотез является то, что они полностью игнорируют водоёмы, с которыми изначально знакомится человек и которые позволили обозначить другие водоёмы. В древних мифологических системах подчёркивается рукотворный и антропоморфный характер первобытной местности, а также водоёмов. Есть все основания искать первые пяди, впадины, долины в ладонях (долонях). Первые казаны, казанки также следует искать в руках.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера *казанок* — 'кость запястья' [Фасмер, 1967, с. 159]. В современном татарском языке *кузна* — 'альчик', 'бабка' [Татарско-..., 1966, с. 293]. Не сложно догадаться, что изначально подбиванием бабок назывался счёт на пальчиках — альчихах. Только со временем это содержательное занятие превратилось в игру. Следует заметить, что у удмуртов сохранилось название гидронима Казан в форме Кузон [Мурзаев, 1984, с. 241].

Среди легенд, связанных с Казанью, особый цикл составляют легенды о змеях, драконах. В этих легендах говорится

о гигантской змее, которая скрывалась в Зилантовой горе, о драконах, которые прятались там, о змеборце, которому удалось поджечь змею или змей на Зилантовой горе. Убедительно осветить истоки подобного рода легенд исследователям до сих пор не удалось.

Следует заметить, что образ змеи, свернувшейся в кольцо и держащей в пасти свой хвост, весьма и весьма архаичен. Этот образ регулярно встречается в храмах Финикии и Угарита. В этих древних храмах жрецы некогда повествовали о борьбе верховного бога Эла со змеем. В космогонических мифах Евразии и Америки Змей осуществляет разъединение неба и земли.

В работе [Воронцов, 2010, с. 163-164] предложено соотносить этих мифических змей с линией горизонта, которая может скрываться в горе или за горой. Природа змей, обитавших вокруг Казани и давших название Зилантовой горе прояснится, если мы учтём созвучие следующих слов татарского языка: *елан* 'змея'; *эйләнә* 'округа', 'окрестность'. Созвучие этих слов позволяет понять, почему в окрестностях Казани появились такие топонимы, как Зилантова гора, Змеиное озеро.

Мировой фольклор позволяет пролить свет не только на природу загадочных змей, скрывающихся в горах, но и на природу их поджигателей. Не надо быть хорошим наблюдателем, чтобы увидеть, как вспыхивает горизонт, когда дневное светило приближается к нему. Тюркская лексика делает имена огненных наездников (греческого Фаэтона, египетского Атона, монгольского бога огня Отхана, германского Одина или Ота) предельно прозрачными. Дело в том, что в тюркских языках *от*, *од*, *ут* — 'огонь', 'пламя' [Севортян, 1974, с. 483]. Зилантова гора находится на западе от казанского кремля, поэтому нет ничего удивительного в том, что

именно в этом районе герой воспламенял округу и был поглщён свернувшимся в кольцо змеем.

В мифах о змееборцах широко представлены кузнецы-змееборцы [Рыбаков, 1981, с. 543, 544]. Природа таких ковалей, обрушивающих на змея свои удары также достаточно очевидна. В чувашском языке *хёвел* — ‘солнце’ [Чувашско-..., 1985, с. 551], в современном татарском языке *hava* ‘небо’, *алла* ‘бог’ [Татарско-..., 1966]. Труд этих кузнецов (тат. *тимерче*) отличается такой регулярностью, что их можно рассматривать в качестве таймеров. В Белоруссии и на Северной Украине богатыря-змееборца чаще всего называют Сучичем, Сученко. Именно этому Сучичу мы обязаны суточными интервалами времени.

Мирового Змея не следует путать с летающим огненным драконом, поджигать которого абсолютно бесполезно. Огненный дракон мог выныривать из преисподней, проноситься по небу и погружаться в преисподнюю. Он совершенно не пострадал на пожаре, организованном огненным батыром. Это специально подчёркивается во многих вариантах легенд о казанском драконе.

Казанские легенды связывают появление дракона на востоке с Чёрным озером, которое расположено к востоку от Кремля, а также с озером Кабан, которое расположено восточнее Новотатарской слободы.

В татарском языке *даирэ* ‘круг’, ‘окружность’; *көн* ‘солнце’ [Татарско-..., 1966, с. 123, 325]. Это даёт основание соотносить дракона (тат. *аждаһа*) с **зодиаком** — с небесным маршрутом солнца (эклиптикой).

Озеро Кабан издревле является красой и гордостью Казани. Многочисленные попытки исследователей подобрать ключи к названию озера Кабан не привели к выработке убедительной версии происхождения этого топонима. Следует

заметить, что название Кабан носит не только озеро, но и целый ряд населённых пунктов, находящихся на большом удалении к югу от озера. Р. Мустафин пишет: *«Судя по Писцовым книгам, во времена Казанского ханства селений в этом районе было гораздо больше, и почти все они включали в название слово Кабан. Все эти селения расположены не вокруг озёр, как можно было подумать, а внутри компактного региона, расположенного к Югу от озёр и образующего эллипс протяжённостью 35-40 км. И шириной 15-20 км.»* [Мустафин, 1989, с. 38]. Удалённость не позволяет производить названия этих населённых пунктов от одноимённого озера. Кроме того, урочищ, удобных для обитания кабанов в этом районе почти нет, да и не могло быть, поскольку одноименные с Кабаном селения расположены на сухих возвышенных местах.

Для мусульман крайне важным является направление на Каабу. Кааба (точнее *ка`ба*) — мечеть в Мекке, которая является объектом поклонения. В её сторону обращаются мусульмане во время молитв. Ориентируясь на Каабу возводят мечети, к ней совершаются паломничества. Если учесть, что в татарском языке *ян* — `сторона`, то появятся веские основания считать слово *кабан* составным, возникшим в ходе слияния арабского слова *ка`ба* и татарского *ян*. В этом случае следует считать любые попытки постигнуть изначальный смысл данного топонима, ориентируясь исключительно на татарскую лексику, глубоко ошибочными. Кабаном первопоселенцы Казани могли назвать, не только озеро, расположенное со стороны Каабы, но и любое селение, расположенное в данном направлении.

Широко известны легенды об утоплении ханской казны в Кабане при осаде Казани войсками Ивана Грозного. По всей видимости происхождение этой легенды инициировано тем

фактом, что до постройки дамб во время весеннего разлива воды реки Казанки (тат. Казан) начинали впадать через проток (Булак) в Кабан. Созвучие слов *казна* и *Казан* и породили легенды об утоплении ханской казны в Кабане.

Литература

Воронцов В.А. К истокам казанских легенд. — Казань, Intelpress, 2010. — 228 с.

Вахидов С.Г. Татарские легенды о прошлом Волжско-камского края // Вестник научного общества татароведения. — Казань, 1926. — № 7.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. — М.: Мысль, 1984. — 653 с.

Мустафин Р. Озеро Кабан. Историко-документальное повествование. — Казань: Тат. книжн. изд-тво, 1989. — 159 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М.: Наука, 1981. — 606 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. — М.: Наука, 1974. — 766 с.

Сказания о Казани. Легенды и предания / Сост. С.М. Гилязетдинов. — Казань: Библ. журн. «Казань», 1992. 47 с.

Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов. — М.: «Сов. энци-ия», 1966. — 863 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. — М.: Прогресс, 1967. — Т. 2. — 670 с.

Чувашско-русский словарь. Около 40 000 слов / Андреев И.А., Горшков А.Е., Иванов А.И. и др. — М.: Рус. яз., 1985. — 712 с.

11. «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В СВЕТЕ ИСТОРИЗМА

*В великом «Слове о полку»,
Как буйная трава,
Вросли в славянскую строку
Кипчакские слова.*

С. Марков

«Слово о полку Игоре» — памятник древнерусской культуры, который является не только мировым шедевром, но и мировой загадкой. Уже первое издание «Слова...» приковало к себе внимание не только широких кругов читающей публики, но и многих учёных. Поразительное литературное совершенство памятника, а также гибель единственного попавшего в распоряжение исследователей списка и насторожили многих исследователей. Необъяснимое для XII века смешение языческого и христианского мировоззрений у автора «Слова...», призвавшего к борьбе с язычниками («погаными»), стало рассматриваться в качестве весьма серьёзного свидетельства того, что оно было сфабриковано любителем или любителями старины в XVII или XVIII веках.

Множество загадок связано не только с авторством и датировкой «Слова...», но и с самим текстом «Слова...». Уже первые его издатели столкнулись с огромными сложностями при истолковании многих его фрагментов. Дело в том, что текст изначально не содержал пропусков между словами и допускал различную разбивку. Это также способствовало появлению «тёмных мест». «Тёмные места» в «Слове...» стали объектом пристального изучения целой армии исследователей, однако до сих пор «Слово...» содержит множество

загадочных фрагментов, осмысление которых порождает многолетние острые дискуссии.

Наличие множества тюркизмов в «Слове...» породило тюркологическую традицию изучения «Слова...». Энергичную попытку поднять статус тюркологии в изучении «Слова...» предпринял казахский поэт, писатель и литературовед О. Сулейменов. Он попытался доказать наличие тюркского субстрата в «Слове...», однако его попытка оказалась малоубедительной для словесоведов.

По поводу причин изобилия проблем, загадок, тайн, с которыми сталкиваются исследователи «Слова...», высказываются самые разные мнения, однако всё чаще звучит мысль о грубых методологических прегрешениях, которые допускаются при осмыслении «Слова...». Принцип историзма предполагает углублённое изучение источников, которые легли в основу «Слова...» и летописных свидетельств о походе Игоря. Между тем традиционно не учитывается этническая принадлежность и язык основных информаторов, оповестивших Русь о трагических событиях, нашедших отражение в «Слове...». Полагая, что авторы слухов, рассказов («былин сего времени»), на основании которых создано «Слово...», были русскоязычными, исследователи неизбежно сталкиваются с множеством проблем. Так, например, крайне сложно объяснить причину появления в «Слове...» массы тюркизмов, многие из которых малопонятны даже для тюркологов и не встречаются в других памятниках древнерусской словесности. Обилие подобного рода тюркизмов ставит вопрос об этнической принадлежности автора «Слова...», о характере его вероисповедания.

В работах [Воронцов, 2006, 2009, 2014] впервые показано, что основными информаторами о событиях, нашедших в «Слове...», были турки. С учётом этого обстоятельства мно-

гие проблемы получают освещение. При наличии тюркского субстрата в «былинах сего времени» тёмные места должны были появиться в «Слове...» уже во время его создания, если автор не владел в должной степени тюркскими языками и не замечал погрешений при переводе с тюркских языков на русский.

Скрытые и явные тюркизмы в «Слове...» позволяют судить не только о степени приобщённости автора «Слова...» к тюркскому языку, но и к военному делу, что крайне актуально при выяснении социального статуса автора, его роли в формировании общественного мнения. Так, например, князь или простой горожанин мужского пола не могли спутать **тмы**, **тумены** (воинские подразделения), в окружении или под охраной которых оказывались русские князья, с ночной **тьмой**, **мглой**, **туманом**. Русь всегда славилась бездорожьем, поэтому князь Всеслав мог рыскать в ночи только в воображении церковного деятеля или женщины, которые не привлекались к ополчению, плохо разбирался в тонкостях военной лексики и путали рысь (аллюр) с лютым зверем, а тумен с синей мглой.

Воинское подразделение — тьму можно трактовать как метеорологическое или астрономическое явление, а окружённых вражеской тьмою незадачливых воителей или предателей можно рассматривать как светлые начала (солнце, месяц). Полисемия позволяла представить весьма нелицеприятные для князей события в весьма благоприятном для княжеской власти свете. Игнорируя тюркизмы понять природу подобной полисемии весьма и весьма проблематично. При этом природа всей образной архитектоники «Слова...» превращается в сплошную загадку.

В Ипатьевской летописи сообщается, что весть о разгроме войск Игоря Великому князю киевскому сообщил Бело-

вод Просович, который, по всей видимости, был купцом, согласно Лаврентьевской летописи оповестившим русских князей о трагедии и готовности половцев обменяться пленными. На первый взгляд именно Беловода Просовича следует считать автором «былин сего времени», которые легли в основу «Слова...». Между тем летописи не дают оснований для такого рода предположений. Трудно представить, что Беловод Просович участвовал в походе Игоря, знал поимённо половцев, пленивших русских князей, и лично наблюдавший как Игоря *«яли Тарголове, мужъ именемъ Чилбукъ, а Всеволода брата его ялъ Романъ Кзичъ, а Святослава Ольговича Елдечюкъ въ Вобурцевичехъ, а Володимера Конти в Улашевичихъ»*. Наверняка гость даже не подозревал, что слово *Конти* в доставленной им росписи вовсе не имя половца. Дело в том, что в тюркских языках этим словом обозначают групповое воздействие. Так, например, в казахском языке *көптеу* `делать сообща`, `выступить толпой против одного` [Казахско-..., 1954, с. 225]. Таким образом, князя Владимира пленила группа из Улашевичей. Есть все основания полагать, что у Беловода Просовича возникли затруднения с осмыслением «былин сего времени» не потому, что он плохо знали русский язык, а по причине его плохой осведомлённости в языке первых информаторов — половцев, что неизбежно привело к прегрешениям против тюркского языка в летописях и «Слове...». Нет оснований полагать, что в присутствии Беловода Просовича Кончак поручился за своего свата — князя Игоря. Не мог он быть и свидетелем распри между половецкими ханами, поскольку обычаем приглашать русских купцов на военный совет у половцев не зафиксирован. Обо всём этом могли поведать Беловоду Просовичу только половцы.

При конкретизации авторов «былин сего времени» следует учитывать тюркоязычных ковуев, которые первыми покинули поле боя и предопределили исход битвы: *«бысь же светающе неде, възмятошася ковоуеве полкы побегоша»* [Ип., 641-642]

Основополагающая роль тюрков в формировании слухов о полку Игоре не могла быть утрачена и после возвращения Игоря из плена, поскольку любопытствующим было сложно выпрашивать у князя Игоря сведения, связанные с пленом и его позорным возвращением из плена. Более доступен в этом отношении был половец Овлур, с которым Игорь вернулся из плена. Вполне возможно, что именно отпущенный половец Игорь уполномочил Овлура описывать мнимый побег с минимальными моральными издержками для Игоря.

Вторгаясь в русский язык, чуждое ему слово может порождать целое гнездо форм. Это может происходить по целому ряду причин: множество диалектов чужого языка, отсутствие правописания и т. д. В работах [Воронцов, 2006, 2007] показано, что системный анализ тёмных мест в «Слове...» позволяет выявлять подобного рода гнёзда и реконструировать слова, которые породили их. Так, например, **галки**, которые *«речь говорят и бегут стадами к Дону великому»*, **клик**, которым *«поганные поля перегородили»*, **клик**, которым *«врага побеждают»*, а также **клюки**, на которые опёрся князь Всеслав, всегда порождали недоумение у читателей и исследователей «Слова...». Логично предположить, что эти загадочные **галки**, **клики**, **клюки**, вместе с былинными **каликами** переходящими образуют гнездо форм, порождённых услышанным у тюрков словом *kalyk* 'народ'. Существование этого гнезда скрытых тюркизмов являет-

ся надёжным свидетельством того, что автор «Слова...» не был знатоком тюркского языка.

Не являются знатоками тюркских языков и исследователи русских былин, в которых чаще всего защитникам Руси помогают **калики** перехожие, обеспечивая их первоклассным вооружением, возможностью перемещаться на большие расстояния. Литературовед и критик **В. Калугин** в своей книге «Герои русского эпоса» пишет: *«Эти калики исцеляют и наделяют силой Илью Муромца; сокрутившись каликой, проникает он неузнанным в Царь-от-град; с каликой меняется одеждой и Алеша Попович, выходя на бой с Тугариным; каликами справляются Илья Муромец и Добрыня Никитич, спасая Михаила Потыка. Да и сами калики предстают в русском эпосе далеко не второстепенными персонажами. Есть среди былинных героев Калика-богатырь, побивающий силушку, которой сметы нет, причём не где-нибудь, а на тых полях да на Куликовых»* [Калугин, 1983, с. 139]. Калугин подчёркивает, что *«былинные калики — отнюдь не слепцы, не старцы, не сирые и не убогие. Как раз наоборот, в былинах всюду подчёркивается, что ни в силе, ни в удали они не уступают богатырям, а зачастую превосходят их»* [Там же. С. 175-176].

О том, какие проблемы возникают у исследователей «Слова...» при игнорировании калик перехожих свидетельствует следующий фрагмент «Слова...»: «Тъй (Всеслав) клюками подпёрся о кони и скачи къ граду Киеву, и дотчеся стружием злата стола Кіеского». Исследователи предприняли массу трактовок загадочных клюк в этом фрагменте. Между тем если тюрк-кочевников (**калик** перехожих) сопоставить с **клюками**, то смысл данного фрагмента становится предельно очевидным. Глубоко прав авторитетный исследователь славянской культуры Б.А. Рыбаков, который пишет:

«Всё сводится к тому, что “прославленный” (“провозглашённый”) князем Всеслав быстро отправился в Тмутаракань, где обогатился и табунами коней, и союзниками из числа тюрков-кочевников, вытесняемых в это время со своих пастбищ новоприбывшими половцами. Это, очевидно, и были печенеги, ольберы, шельбиры, которые помогли Святославу Черниговскому победить Шарукана» [Рыбаков, 1991, с. 45].

Не менее загадочен Дунай, который встречается в следующих фрагментах «Слова...»: «Галичкы Осмомыслѣ Ярославле!... Подпѣръ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, затворивъ Дунаю ворота» и «суды рядя до Дуная», «На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ», «Полечу, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавые его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». Попытки отождествления Дуная с рекой порождают массу проблем при осмыслении данных фрагментов. Хорошо известно, что владения Галицкого князя находились на большом удалении от известной европейской реки, да и река Каяла находилась отнюдь не в пойме Дуная. Между тем в «Словаре народных географических терминов» Э. М. Мурзаева *дунья* — ‘мир’, ‘вселенная’ (тюркск.) [Мурзаев, 1984, с. 193]. В Древнетюркском словаре *Dünja* ‘мир, свет’. Из арабского [Древнетюркский..., 1969]. Это даёт основание считать, что слово *Дунай* в «былинах сего времени» и в «Слове...» могло обозначать вовсе не известную европейскую реку, а тюркский мир. Есть также смысл полагать, что Осмомысел затворил ворота диким половцам, судить которых он не мог. Дунай, до которого доносился плач Ярославны, был половецкой степью. В эту степь к раненому мужу и хотела полететь птицей Ярославна.

В «Слове...» есть загадочная фраза: «Въстала обида в силах Дажь-Божа внука, вступил дѣвою на землю Трояню». Дажьбог традиционно соотносится исследователями с язы-

ческим божеством. Это порождает проблемы при осмыслении не только данного фрагмента, но и характера вероисповедания автора «Слова...». Между тем титул «джабгу» был широко распространён у восточных тюрков, включая хазар и печенегов. Этот титул обозначал наместника, князя, князя-наместника. Его мог носить дед Игоря, который был наместником у хазар в Тьмутаракани. С учётом этого внуком Дажьбога в «Слове...» следует считать князя Игоря, который и вступил девою на землю Трояню. Обида в силах — воинских подразделениях Игоря, которые потерпели поражение по вине своего военачальника, также вполне объяснима. Природу загадочной трансформации Игоря в деву понять совсем не сложно, если обратиться к тюркской лексике. Дело в том, что тюркских языках заимствованное у персов слово *дау* может обозначать старшего. Так, например, в татарском языке *дау эти* `дедушка` (старший отец). Князь Игорь был действительно старшим в вооружённых силах, предпринявших набег на половцев. Наличие подобных тюркизмов в «Слове...» лишь подтверждает наличие тюркского субстрата в «былинах сего времени», которые легли в основу этого памятник древнерусской словесности.

Фрагмент «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-божа внука...» всегда порождал острые дискуссии у трактователей «Слова...». Следует заметить, что слово *жизнь* регулярно упоминается в памятниках древнерусской словесности в смысле «достояние», «имущество», причём жизнью любого русского князя являлась не земля, не скот, не растения, а податное население. Усобицы, которые провоцировал дед Игоря, приводили к обезлюживанию княжеств. В интересующем нас фрагменте автор «Слова...» подчёркивает бес-

смысленность попытки князя Игоря (внука джабгу) вернуть придонские владения, которые лишились податного населения ещё при деде Игоря: «Тогда, при Ольге (Ользе) Гориславиче, рассеивалось и обособлялось, погибало податное население его внука». При подобной трактовке вопрос о природе нарочитой языческой образности в данном фрагменте полностью снимается.

Имя деда Игоря — Олега (Ольза, Вольга, **Вольза**) позволяет произвести правильную разбивку и осмысление другого тёмного места «Слова...»: «чи ли вспети было, Вещий Бояне, **Велесов** внуче; «Комони ржут за Сулюю — звенит слава в Киеве!». Есть все основания перевести данный фрагмент «Слова...» так: «Или воспел бы вещий Боян: «Ольгов (Вользы) внук! Кони ржут за Сулюю...».

В фрагменте «Слова...» «Върже Всеслав жребий о дѣвицу себе любу» также встречается загадочная девица, природа которой остаётся загадкой для трактователей «Слова...». Исследователи полагают, что в данном случае девица является неким символом. Русский писатель, историк, фольклорист А.Ф. Вельтман (1800-1870) был глубоко прав, утверждая, что под таинственной девицей следует понимать «дедину» — наследственное владение. Учитывая тот факт, что в тюркских языках слова *дәү ати* 'дед', совсем не сложно пролить свет на природу загадочной **девицы**.

Весьма серьёзные проблемы у исследователей «Слова...» возникают при осмыслении прилагательного *трояню*, которое фигурирует в выражениях «землю Трояню», «*тропу Трояню*», «*на седьмом веце Трояни*». Между тем, в тюркских языках *тирә-як*, *тирә-юнь*, *тирә-ян* 'окрестность, окружение'. Очевидно, что Трояновы валы — это окружающие валы, а «*вечи Трояни*» — века окружающих народов (протоболгар,

хазар, венгров), появление которых на исторической арене традиционно связывают с нашествием гуннов (IV в.) Под «тропой Трояна» следует подразумевать путь через окрестные земли, а «землёй Трояна» есть все основания считать окружающие или соседние земли.

Проблемы у переводчиков «Слова...» вызывает и загадочный дивъ, который упомянут в следующих фрагментах: «дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушать земли незнаемѣ, Влѣзѣ, и Поморію, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, тьмутараканский блѣванъ»; «Уже снесся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеса дивъ на землю». Природа загадочного дива, как и природа загадочной девы вполне объяснима в рамках тюркской лексики, которая и породила это гнездо скрытых тюркизмов в «Слове...». Очевидно, что старший (дәү) вещал не на древе, а надрывно или с надрывом. Этот див (князь Игорь) был не только повержен на землю, но и пленён.

Пролить свет на природу загадочного «Тьмутараканского болвана» также можно, если также обратимся к тюркской лексике. Так, например, в татарском языке, *биләү* — «владеть», «обладать», «занимать», «владение», «овладение», «обладание»; *ян* — «бок», «сторона». Таким образом, *Тьмутараканский биләү ян* — Тьмутараканская сторона, Тьмутараканский край.

Говоря о Всеславе Полоцком, автор «Слова...» упоминает, что князь «скочи отъ нихъ (киевлян) лютым зверемъ в плѣночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ, утрѣ же возни стрикусы, отвори врата Нову-граду...». Загадочные стрикусы традиционно порождают проблемы у толкователей «Слова...», заставляют их теряться в догадках. Есть все основания полагать, что под синей мглой и стрикусами в данном фрагменте следует подразумевать тюркские туме-

ны, войска, под прикрытием (завесой) которых Всеслав рыскал по Руси. В древнетюркском языке *šerig sü* 'войско, рать' [Древнетюркский..., 1969]. С учётом этого, интересующий нас фрагмент Слова может быть переведён так: *«поскакал от них рысью, под защитой (под завесой) туменов, утром же возник с войском и распахнул врата Новгорода»*.

Фрагмент «Слова...» «се бо готскія красные дѣвы вспеша на брезѣ синему морю, звоня руским златомъ» уже первые издатели «Слова...» восприняли как загадку. В примечании они отметили: «По какой связи сѣя одержанная половцами победа могла доставить готфским дѣвамъ Русское злато, сообразить невозможно». Пролить свет на появление загадочных готских дев в «Слове...» можно, если учесть, что в языке казахов (ближайших родственников половцев) слова *багытсыз*, *багытсыздык* означают 'безответственность', 'болтливость' [Казахско-..., 1954. с. 83]. Трансформация слова *багытсыздык* в словосочетание *бо готские* могло привести к появлению в памятнике вместо болтливых половецких красных дев, радующихся русскому злату, загадочных готских девиц.

«Время бусово», которое воспевают красные девы, также перестаёт быть загадочным, если учесть, что *boš* или *bos*, в древнетюркском языке и в современных тюркских языках означает «свободный», «вольготный», «холостой», «незамужний» и т.д. Так, например, в тат. *буш* 'свободный, незамужний, незагруженный и т. д.', *бушау* 'удусуживаться, освобождаться и т. д.' [Татарско-..., 1966]. Следует заметить, что в татарском языке «*бушау юк*» означает 'не освобождение'. Не освобождение (вопреки традиции) крестьян в Юрьев день могло вызвать к жизни поговорку «*Вот тебе, бабушка (баушка), и Юрьев день*».

Тюркские языки позволяют пролить свет и на загадочного Бояна, который мог трансформироваться в различных существ. В примечании к первому изданию «Слова...» Боян назван «славнейшим в древности стихотворцем русским». Следует заметить, что имя или приставка к имени Боян было широко известно у тюркских народов. Так, например, Боян — один из претендентов на ханский престол в улусе Орды в 701 г. Хиджры, 1301–1302 г. н. э.

В тюркских языках *буын* 'сустав', 'узел (у растений)', 'сочленение', 'звено', 'колено', 'мат. член', 'поколение', 'генеалогия' [Татарско–..., 1966, с. 87]. В 1964 г. была найдена надпись (граффито) на колонне Софийского собора в Киеве, датируемой XII в., в которой упоминается подобное слово. Вот эта надпись: «*Месяца енваря въ Л (30) святого Ипполита крила землю княгыни бояню Всеволожаа передъ святою Софіею передъ попы, а ту былъ попинъ Якимъ Дъмило, Пателей Стипъко, Михалъко Нежьнович, Михл, Данило, Марко Съмьюнъ, Михал Елисавиничъ, Иванъ Янъчынъ, Тудоръ Тоубыновъ, Илья Копыловичъ, Тудор Бързятичъ, а передъ теми послухы купи землю бояню въсю, а въдала на неи семьдестъ гривнъ соболии, а въ томъ драниць семьсту гривнъ*» [Никитин, 2001, с. 389]. Очевидно, что в данной надписи речь идёт о постройке усыпальницы (последнего укрытия на земле) княгини из рода (колена, клана, генеалогического древа) Всеволода, а также о выкупе для этой цели земли у храма с могилами членов этого рода.

При реконструкции образа вещего Бояна необходимо учитывать, что княжеские ристалища могли плохо кончиться без авторитетного судьи, находящегося под коллективной защитой князей. Есть все основания полагать, что вещий Боян был сокольничим и ведал этим ристалищем. В качестве арбитра он широко использовал пальцовку, за что

и получил соответствующее прозвище. Суставы пальцев могут не только указывать, сказывать, показывать. Эти исконные сказители могут трансформироваться в разных существ: коз, волков, птиц, бабочек и т. д.

По всей видимости, во время охоты Боян ехал далеко впереди князей. С помощью жестов он показывал им стаи лебедей, а также давал команду о напуске соколов. Его опытный глаз позволял безошибочно выявлять чей сокол первым настиг стаю. О победе того или иного княжеского сокола он сигнализировал посредством своих вещих перстов, своих вещих струн. Его положение позволяло ему не ограничиваться одними жестами. Находясь коллективной защитой князей, обеспечивавшей ему неприкосновенность, он мог свои оценки сопровождать полными сарказма присказками, которые становились известными широкому кругу людей, составлявших княжескую охоту. Таковыми являются присказки: *«Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божиа не минути»*, *«Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы»*. Со временем молва могла приписать ему множество подобных высказываний. Вещие струны Бояна, дававшие оценку князьям, а также его присказки побуждали потомков видеть в Бояне легендарного песнотворца. Напускал соколов Боян с помощью указательного пальца, а обозначал победившего сокола посредством больших пальцев, которые напускались на живые струны — смежные пальцы. Это должно было привести к появлению нескольких Боянов (суставов) в «Слове...»: один Боян напускает соколов, другой Боян — вещие персты на живые струны, причём оба эти персонажа противопоставляются.

Преображению Бояна (сокольничьего, судью, оценщика) в былинного сказителя, песнотворца способствовало и то обстоятельство, что в тюркских языках оценщик может

фигурировать как сказитель. Так, например, в татарском языке *бәя* 'цена', 'стоимость', 'оценка'; *бәян* 'изложение', 'повествование', 'объяснение' и т. д.; *бәяләнә* 'оцениваться', 'расцениваться' и т. д. [Татарско–..., 1966, с. 91]. Таким образом, скрытые тюркизмы позволили спортивные оценки соотнести с былинами.

Есть все основания полагать, что отнюдь не варяги начали практиковать соколиную охоту на Руси. У степняков соколиная охота не забава, а традиционный промысел. По всей видимости, именно степняки приобщили княжескую верхушку к соколиной охоте. Историзм, учёт этнической принадлежности первых сокольников на Руси, учёт их лексики позволяет объяснить причину появления нескольких Боянов в «Слове...», а также способность вещего Бояна трансформироваться в разных существ, связанных с генеалогическим, мысленным, мировым деревом (рис. 40).

Реконструкция образа Бояна позволяет пролить свет не только на заповедь «Слова...», но и на последовательность написания «Слова...». Есть все основания полагать, что изначальный вариант «Слова...» был написан сразу после разгрома войск Игоря и его пленения. Изначальный вариант «Слова...» («старые словесы») объяснял причины, побудившие князя предпринять этот поход. По мнению автора «Слова...», главной причиной являлся дух соревновательности, любовь к славе, которые провоцировались судейством, оценками Бояна. Продолжение «Слова...» было написано уже после позорного возвращения Игоря из плена, при этом ссылки «старых словес» на «замыслы Бояна» оказались крайне неуместными, поэтому их пришлось исключить в окончательном варианте «Слова...», что и породило следующий заповедь:

*«Не лепо ли ны бяшетъ, братие,
начяти старыми словесы
трудныхъ повестий о пълку Игореве,
Игоря Святъславлича?
Начати же ся тѣй песни
по былинамъ сего времени,
а не по замышлению Бояню!»*

Скрытые тюркизмы проливают свет и на загадочное слово *шерешеры*, которое встречается в следующем фрагменте «Слова...»: «Княже Всеволоде!... ты бо можеша посуху живыми шерешеры стреляти — удалыми сыны Глѣбовы...». Если вспомнить о воинских соединениях (тюрк. *çeri* — «войско»), а также о снаряде в виде двух связанных шаров (шар и шар), то можно понять причины, побудившие автора «Слова...» соотнести два войска сынов Глебовых с метательным снарядом.

Тюркская лексика позволяет пролить свет и на происхождение слова *Дудутки*. Это слово употреблено в «Слове...» во фрагменте о Всеславе Полоцком: «...скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ». Обнаружить топоним Дудутки исследователям не удалось. М.А. Салмина и Д.С. Лихачёв, придерживались иной разбивки текста: «...скочи влъком до Немиги съ дуду. Ток на Немизе: снопы стелютъ головами, молотят че́пи...». В этом случае проблемы порождает слово *дуда*. Избавиться от загадочной дуды можно, если вспомнить, что в тюркских языках *дәү* 'большой', 'великий'; *ду* 'шум', 'галдёж'. В этом случае загадочный фрагмент получает следующий перевод: «...скочил волком до Немиги с великим шумом. Ток на Немизе: снопы стелют головами, молотят чепами...» [Воронцов, 2014, с. 247].

Фрагмент «Слова...», в котором говорится о том, что Всеслав Брячеславич «великому Хрѣсови влъкомъ путь пре-

рыскаше...» всегда порождает проблемы при истолковании. Исследователей смущал тот факт, что Всеслав ухитрился ночью пересекать путь солнечному божеству — Хорсу. Проблему можно решить, если учесть, что солнечное светило перемещается и ночью. В работе [Воронцов, 2014, с. 248] показано, что *«именно ночной, подземный путь солнца»* мог *«перерыскивать»* Всеслав.

Фрагмент «уже бо бѣды его пасеть птицъ подобию» традиционно считается «тёмным» местом «Слова...». Сложности, прежде всего, вызывает осмысление в данном контексте слова «подобию». При переводе слова *подобию* необходимо учитывать оборот древнерусского языка: дательный падеж вместо «родительного принадлежности». Поэтому, например, в «Слове...»: *«расшибе славу Ярославу», «отвори врата Новуграду»* (т.е. славу Ярославову, ворота Новгорода). Пролить свет на интересующий нас фрагмент «Слова» можно, *«если вспомнить, что подобием птицъ являются летучие мыши»* [Там же. С. 162]. Эти безобидные и весьма полезные существа издревле пользовались дурной славой. Можно привести бесконечный ряд средневековых картин, рисунков, на которых всякого рода выходцы из тьмы, представители сил зла изображены по образу и подобию летучих мышей. Причиной этого, по всей видимости, является их ночной образ жизни, а также обитание в мрачных пещерах, склепах и т. д.

Фраза *«усобица княземъ на поганяя погыбе...»* традиционно порождает проблемы у трактователей «Слова...». При чтении данного фрагмента невольно возникает мысль, что автор «Слова...» пытается убедить нас в том, что княжеские усобицы губительны для «поганых». Всё содержание «Слова...» свидетельствует в пользу следующего прочтения дан-

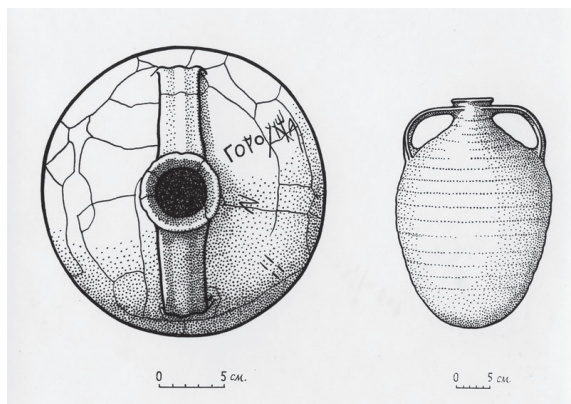
ного фрагмента: *«обособиться князьям на поганных — погибель»* [Там же. С. 189].

Традиционно у исследователей возникают проблемы при переводе фрагмента «по русской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо...». Круглое гнездо может быть образовано парой дуг. В работе [Воронцов, 2007, с. 263] предложено считать, что *«пару дуг и имел в виду автор “Слова», когда говорило «пардуже гнезде». Упомянуть окружность при описании процесса окружения русских князей половцами у него были все основания. Есть все основания полагать, что дуги в военной лексике появились задолго до битвы на Курской дуге, и автору “Слова...” не пришлось напрягать фантазию при описании трагедии на Каяле».*

Во фрагменте «за ним кликну Карна и Жля, поскочи по русской земли, смагу мычучи въ пламянѣ розѣ» традиционно сложными для осмысления являются слова «Карна», «Жля» и «смага». Наиболее реалистичны попытки видеть в данном фрагменте «Слова...» описание процесса использования огнестрельного оружия. Так, например, ещё А.Ф. Вельтман полагал, что в словах *«смагу мычучи в въ пламяне розе» «ясно выражено огнестрельное оружие... Огнестрельное оружие, пищали в древности назывались смаговницами»* [Вельтман, 1933, с. 48]. Н.Ф. Грамматин соотнёс это огнестрельное оружие с новым оружием, которым обзавелись половцы согласно Ипатьевской летописи. В летописи под 1184 годом говорится о «бесурманине», который «стреля живым огнём» [Грамматин, 1823, с. 154].

Описание битвы в «Слове...» поразительно напоминают описание севастопольской страды Л.Н. Толстым: тучи, трещащие молнии, гром. В работе «К истокам древних сказаний» [Воронцов, Милашевская, 2002, с. 78-79] впервые показано, что в качестве бомб, которыми половцы производили

гром и молнии, могли использоваться обычные горшки или крынки (крыны), которые могли забрасываться метательными орудиями. Эти бомбы могли иметь дистанционные трубки (рожки). Следует заметить, что самая древняя надпись на русском языке (*гороухша*) была выполнена на сосуде, который, по всей видимости, был наполнен горючим составом (рис. 67).

**Рис. 67. Амфора (корчага) с древнейшей русской надписью.
X в. Гнёздовский археологический комплекс.
Смоленская область. Россия**

При переводе данного фрагмента следует также учесть, что порох издревле на Руси назывался зелием [Черных, 1994, с. 323]. Следует также помнить, что половцы (калики переходящие) именуются автором «Слова...» кликами. С учётом всего вышесказанного прочтение загадочного фрагмента «Слова...» должно быть таким: *«за ним калик крына и зелие поскакали по русской земле, разбрасывая жар из дистанционной трубки (пламенного рожка)»*.

Сон Святослава традиционно считается сложным для осмысления. Дело в том, Сон начинается с утверждений

(«Си ночь съ вечера одевахуть мя, — рече, — чръною паполамою на кровати тисовѣ», «Уже дьскы безъ кнѣса въ моёмъ теремѣ златоверхѣмъ»), которые традиционно рассматриваются как не подлежащие однозначной трактовке метафоры. Между тем бояре единодушны в трактовке сна: *«Уже соколома крыльца припешали поганных саблями, а самую опуташа в путины железные»*. Есть все основания считать, что Сон Святослава описывает страдания и жалобы князя Игоря, пребывающего у половцев в плену. О. Сулейменов предположил, что что в пергаментном списке «термин “сыновчъ” (племянники, двоюродные братья) оказался в конце строки и был сокращён в аббревиатуре “сннчъ”», которая была переписчиками трансформирована в «си ночь».

Сулейменов считал, что Святослава одевали чёрной паполамой его двоюродные братья. Такое прочтение делает содержание сна Святослава ещё более загадочным. Более реалистична следующая разбивка данного фрагмента «Слова...»: *«А Святославъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіеве на горахъ. Сыновчъ: “С вечера одѣвахуть мя, — рече, — чръною паполамою на кровати тисовѣ...”»* [Воронцов, 2014, с. 205]. В этом случае всё становится на свои места и в критической ситуации оказывается не пребывающий в Киеве Святослав, а раненый и пленённый его двоюродный брат Игорь, который информирует о своём положении Святослава.

Проблемы возникают и при осмыслении другого фрагмента из Сна Святослава, в котором говорится про *«синее вино с трудом смешано»*. О. Сулейменов с полным основанием считает, что в оригинале было употреблено тюркское слово «турта» — осадок [Сулейменов, 1975, с. 63-64]. В тюркских языках игристым напиткам часто присваивается эпитет *шаян*. Так, например, в тат. *шаян* 'шаловливый, озорной

и т. д.' [Татарско-..., 1966, с. 658]. «Если “синее вино” трактовать как игристое, то становится понятным, почему оно оказалось смешанным с осадком. Становится также понятным, что информацию о состоянии князя Игоря Святослав получил от тюрок. Это также свидетельствует о наличии тюркского субстрата в “былинах сего времени”. Следует также отметить, что игристое вино у половцев (кумыс) могло иметь все оттенки синего цвета, поэтому автор “Слова...” мог воспринять тюркское слово *шаян*, как исконно русское» [Воронцов, 2014, с. 207].

Весьма загадочным считается и другой фрагмент Сна Святослава: «...сыпахуть ми тыщами тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно и нѣгують мя». Первые издатели «Слова...» перевели данный фрагмент так: «...сыпали из пустых колчанов на лоно моё крупный жемчуг». Возникает вопрос: «Откуда в пустых колчанах жемчуг?». Избавить «Слово...» от подобного рода колчанов можно, если учесть существование в тюркских языках следующих слов: каз. *туыс*, *туысым* ‘родственник’; каз. *төлеу* ‘платить’, ‘уплатить’, ‘возмещать убытки’ [Казахско-..., 1954, с. 353, 375]; тат. *түләү* ‘платить’, ‘уплачивать’, ‘плата’, ‘платёж’ и т.д. [Татарско-..., 1966, с. 581]. Есть все основания полагать, что в данном фрагменте говорится о сборе средств для выкупа сына Игоря. С учётом того, что толковинами (от слова *толок* ‘помощь’) издревле назывались помощники, данный фрагмент «Слова...» следует понимать так: «...сыпали мне родственники плату языческих помощников — великий жемчуг на лоно». Следует заметить, что у князя Игоря по отцу и по матери были обширные родственные связи с половцами. По отцу он был внуком половчанки, правнуком половецкого хана Осолука. По матери — внуком половчанки, правнуком половецкого хана Аепы.

Исторический подход к изучению «Слова...» позволил решить целый комплекс фундаментальных проблем, связанных с осмыслением этого выдающегося памятника древнерусской литературы. Анализ обстоятельств, вызвавших к жизни «Слово...», позволяет говорить о том, что тюркоязычные свидетели сыграли ведущую роль в создании «былин сего времени», которые легли в основу «Слова...» и летописных свидетельств о походе князя Игоря. Погрешности перевода с тюркского языка на русский язык породили массу «тёмных мест» уже в слухах о полку Игореве. В этой связи глубоко ошибочно видеть основной источник «тёмных мест» в заблуждениях переписчиков и первых издателей «Слова...».

Тюркологические исследования позволили дать убедительные ответы на широкий круг вопросов, которые на протяжении двух веков волнуют исследователей «Слова...». Они позволили произвести системную реконструкцию множества «тёмных мест» «Слова...». Системная реконструкция «тёмных мест» показала, что содержание «Слова...» не входит в конфликт с христианской идеологией и не даёт оснований говорить об эклектизме этого памятника словесности, о его позднем происхождении. Есть все основания полагать, что «Слово...» создано не одномоментно, что автор памятника был видным церковным ритором, который создал исходный и заключительный варианты по случаю похода Игоря, а также его побега.

При осмыслении «Слова...» крайне важно учитывать не только скрытые и явные тюркизмы, но и ведущую роль тюрок в организации похода Игоря. В январе 1180 года Игорь стал князем Северской земли. Его первым действием было заключение союза с половцами. Союзники приняли активное участие в княжеских усобицах. Пятью годами ранее свое-

го неудачного похода Игорь с половцами пытался выгнать из Киева Рюрика Ростиславича. Против Игоря и его половецкой родни (юная Кончаковна уже тогда была просватана за Владимира Игоревича) Рюрик вывел в бой чёрных клобуков. В сражении за Киев в 1181-м году войска Игоря были разбиты, и Игорь с Кончаком чудом спаслись от возмездия, уплыв на одной ладье. В 1146 году Святослав Ольгович (отец Игоря), оспаривая право на киевский престол у Изяслава Мстиславовича, просил своих «уев» (половецких дядей по матери) помочь ему в борьбе против Изяслава.

Родственные связи в борьбе с конкурентами могли использовать не только русские, но и половцы. Идея консолидация половецкого этноса путём установления своей гегемонии в Степи могла показаться Кончаку вполне реальной после ознакомления с политикой, которая проводилась русскими князьями и в которой он активно участвовал. Авторитетнейший исследователь половецкого этноса археолог С.А. Плетнёва в своей книге «Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей» пишет: *«Что касается Кончака, то не исключено, что этот коварный хан вполне одобрял организацию набегов на кочевья своего сильного степного соседа. Безусловно, они ослабляли Гзака, а это способствовало росту влияния и власти Кончака над всеми донскими ордами»* [Плетнёва, 1982].

Войско Игоря было способно успешно воевать с отдельными половецкими ханами и содействовать росту авторитета своих половецких родственников. Есть все основания полагать, что именно Кончак и навёл полки Игоря на конкурирующую орду Кзака, потребовав у Игоря соответствующую услугу за услугу. Консолидация половцев под руководством Кончака могла привести к реализации стратегических целей Игоря, которые не противоречили интересам Руси. Не

противоречили они и интересам половецкого этноса, остро чувствовавшим потребность в централизованной власти перед лицом внешних угроз.

По вполне объяснимым причинам Кончак выкупил раненого Игоря у воина по имени Чилбук и увез в свою орду. В дальнейшем он выкупил в другой орде и сына Игоря Владимира. В качестве стражи к Игорю были приставлены 15 рядовых воинов и 5 юношей из знатных фамилий. При этом Игорь свободно ездил на охоту, вызвал к себе священника.

Мысль о том, что поход Игоря не был направлен против Кончака, начинает осознавать всё большее число авторитетных исследователей. Так, например, академик Б.А. Рыбаков вынужден был констатировать: *«Суммируя все факты и соображения, мы должны сказать, что у нас нет никаких данных о враждебности Игоря к Кончаку, а также о враждебных действиях Кончака против своего верного (с 1180 года) союзника и свата Игоря. <...> Если подытожить признаки дружественных отношений в 1185 году между Кончаком и Игорем, то мы получим следующее.*

Игорь не нападал на юрт Кончака.

Кончак не организовывал окружения Игоря.

Кончак прибыл к Каяле одним из последних, когда русский лагерь был уже обложен.

На поле битвы Кончак «поручился» за пленённого торговцами Игоря (выкупил его?), как за своего свата, отца жениха Кончаковны.

После победы над северскими полками Кончак отказался участвовать в разгроме безоруженного Северского княжества.

Кончак предоставил Игорю вольготную и комфортабельную жизнь в плену.

После побега Игоря из плена Кончак отказался расстрелять его сына как заложника.

Уговор о женитьбе Владимира Игоревича на Кончаковне воплотился в жизнь: у Игоря и Кончака к 1187 году появился общий внук. Вероятно, для этой свадьбы и предварительного крещения язычницы Кончаковны и понадобился Игорю пленнику священник с причтом» [Рыбаков, 1991, с. 84-85].

Выкупив князя Игоря и его сына, Кончак отказался от приглашения Кзака идти на беззащитные княжества Игоря и его союзников. Он направил свой удар на Переяславское княжество, в котором княжил враг и соперник Игоря Владимир Глебович.

Роль тюрков должна учитываться и при осмыслении обстоятельств побега князя Игоря из мнимого плена. Половецкие ханы были кровно заинтересованы иметь агентов влияния в стане русских по великому множеству причин. С помощью таких агентов можно было не просто избежать внезапной атаки русского воинства, но и подставить своих конкурентов под удар коалиции русских князей и их степных союзников. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что у степняков не было принято держать родственников в плену. Учёт подобного рода реалий позволил авторитетному исследователю «Слова...» А.Н. Робинсону предположить, что побег князя Игоря был *«не произвольным и случайным действием, а целенаправленным актом, входящим в состав мирного соглашения князя и хана»* [Робинсон, 1928, с. 148-154]. Погоня половцев за князем Игорем, описанная в «Слове...», а также упомянутая в Лаврентьевской летописи, имела, согласно Робинсону, чисто «демонстративный» характер. Надуманными являлись слухи о том, что половцы собирались убить русских князей, придумана и озабоченность, которая звучит в диалоге половецких ханов, скачущих по следу

князя Игоря. Эта озабоченность не помешала половцам отпустить сына Игоря с молодой женой в Русь, причём сделано это было без всякой инсценировки.

Мысль о том, что побег князя Игоря является следствием сепаратного сговора Ольговичей с половцами, разделяет всё большее число исследователей. Так, например, С.А. Плетнёва разделяет взгляды А.Н. Робинсона и Б.А. Рыбакова на отношения Игоря и Кончака. Она допускает, что Кончак «создал условия для побега Игоря из плена», чтобы приобрести надёжного союзника не только в лице самого Игоря, но и всей его семьи [Плетнёва, 1986, с. 46].

Автор «Слова...», и его современники прекрасно понимали, что возвращение Игоря является продуктом сговора Ольговичей с половецкой роднёй. Многие пункты этого сговора могли затрагивать интересы не только княжеских группировок, но и интересы главных врагов половцев — степных союзников Руси. Игнорируя комплекс проблем, вызванных пленением и возвращением Игоря, невозможно пролить свет на основные причины, вызвавшие к жизни «Слово...».

Исторический подход к изучению «Слова...» позволил решить целый комплекс фундаментальных проблем, связанных с осмыслением этого выдающегося памятника древнерусской литературы.

Анализ обстоятельств, вызвавших к жизни «Слово...», позволяет говорить о том, что тюркоязычные свидетели сыграли ведущую роль в создании «былин сего времени», которые легли в основу «Слова...» и летописных свидетельств о походе князя Игоря. Погрешности перевода их свидетельств на русский язык породили массу «тёмных мест» уже в слухах о полку Игореве, которыми руководствовался создатель «Слова...». В этой связи глубоко ошибочно видеть первоис-

точник «тёмных мест» в заблуждениях переписчиков и первых издателей «Слова...».

При осмыслении «Слова...» важно преодолеть массу предрассудков против кочевников-скотоводов. Факты неоспоримо свидетельствуют, что именно кочевники-скотоводы были способны создавать государства непаразитарного толка, поскольку могли совмещать охранную службу с хозяйственной практикой. Хозяйственная практика степняков дополняла хозяйственную практику оседлых народов, что способствовало налаживанию мирных отношений между ними.

Острая конкуренция порождала непримиримые конфликты не только между оседлыми народами, но и между кочевниками. Это позволяло оседлым народам находить в Степи преданных союзников. Роль тюрков в защите Киевской Руси в эпоху написания «Слова...» также сложно переоценить.

Непримиримая борьба между степными этносами побуждала их привлекать на свою сторону русское государство, русских князей. Учёт политических и экономических интересов, а также родственных связей свидетельствуют о том, что поход Игоря, его бегство из плена, его реабилитация в глазах русской общественности отнюдь не противоречили интересам его половецких родственников.

Исторический подход, учёт действительной роли тюрк язычных народов в политической жизни Руси, в процессах, которые нашли отражение в «Слове...», потребовал существенного углубления тюркологической традиции и пересмотра её роли в изучении этого памятника древней словесности.

Тюркологические исследования позволили дать убедительные ответы на широкий круг вопросов, которые на протяжении двух веков волнуют исследователей «Слова...».

Они позволили произвести системную реконструкцию множества «тёмных мест» «Слова...».

Системная реконструкция «тёмных мест» показала, что содержание «Слова...» не входит в конфликт с христианской идеологией и не даёт оснований говорить об эклектизме этого памятника словесности, о его позднем происхождении.

Есть все основания полагать, что «Слово...» создано не одномоментно, что автор памятника был видным церковным ритором, который изначально объяснил неудачный поход Игоря на половцев его молодечеством, но был вынужден отказаться от подобной трактовки после позорного побега Игоря. Изменив изначальный вариант «Слова...» («старые словесы»), он дополнил его описанием побега Игоря из плена.

Историзм, учёт природы древних сказаний позволяют понять, что Баян вещий был не придворным поэтом, а сокольничим, который руководил княжескими ристалищами. Легендарным песнотворцем-гусяром его сделала народная молва. Этому способствовали его присказки, которые получили широкую известность, а также вальцовка в ходе судейства.

Литература

Вельтман А.Ф. Песнь ополчению Игоря Святославовича князя Новгород-Северского. — М.: Тип. С. Селивановского, 1833. — 129 с.

Воронцов В.А., Милашевская Л.В. К истокам древних сказаний. — Казань: Издательство института истории АН РТ, 2002. — 92 с.

Воронцов В.А. Скрытые и явные тюркизмы в «Слове о полку Игореве». — Казань: Изд-во института истории, 2006. — 222 с.

Воронцов В.А. Слово о полку Игореве в свете историзма. — Казань: Intelpress, 2009. — 318 с.

Грамматин Н.Ф. Слово о полку Игореве, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славянском языке прозой и с оной переложенная стихами древнейшего русского размера, с присовокуплением другого буквального приложения, с историческими и критическими примечаниями, критическими же рассуждениями и родословною. — М.: Тип. С. Селивановского, 1823. — С. 34-79.

Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969. — 676 с.

Ипатьевская летопись / ПСРЛ, т. II. Издание 1-е. — СПб., 1843. — 392 с.

Калугин В. Герои русского эпоса: Очерки о русском фольклоре / В. Калугин. — М.: Современник, 1983. — 351 с.

Казахско-русский словарь. — Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1954. — 574 с.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. — М.: Мысль, 1984. — 653 с.

Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. — М.: АГРАФ, 2001. — 768 с.

Плетнёва С.А. Заметки археолога // Наука и жизнь. — 1986. — № 9. — С. 44-46.

Робинсон А.Н. Побег князя Игоря из половецкого плена: (Причины и последствия) // Литература и искусство в системе культуры. — М., 1928. — С. 148-154.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. — М.: Наука, 1988. — 783 с.

Рыбаков Б.А. Пётр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». — М.: Молодая гвардия, 1991. — 286 с.

Сулейменов О.О. Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата. — Алма-Ата: «Жизуши», 1975. — 304 с.

Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов. — М.: «Сов. энцикл.», 1966. — 863 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов. Т. 1-2. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1994. — Т. 1. — 623 с.

СПИСОК РАБОТ АВТОРА, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В КНИГЕ

1. *Воронцов В.А.* Название цен в разносистемных языках // Двухязычие: типология и функционирование. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. – 1990. – С. 94-98.
2. *Воронцов В.А.* К вопросу обоснования и исследования палеопсихологии человека // Природа психического: тезисы докладов. – Пермь, 1994. – С. 47-48.
3. *Воронцов В.А., Милашевская Л.В.* К истокам древних сказаний. – Казань: Изд-во инст. истории АН РТ, 2002. – 92 с.
4. *Воронцов В.А.* Скрытые и явные тюркизмы в «Слове о полку игореве». – Казань, Изд-во института истории, 2006. – 222 с.
5. *Воронцов В.А.* «Слово о полку Игореве» в свете историзма. – Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2007. – 387 с.
6. *Воронцов В.А.* О театре волжских булгар и природе театрального искусства. – Казань: ИНТЕЛПРЕСС, 2008. – 212 с.
7. *Воронцов В.А.* Природа языка и мифа. – Казань: ИНТЕЛПРЕСС, 2008. – 473 с.
8. *Воронцов В.А.* О природе вещей и педагогической археологии. – Казань, Intelpress+, 2009. – 235 с.
9. *Воронцов В.А.* Homo humanus и глобализация // Проблема культурной идентичности в глобализованном обществе: сборник научных статей – Казань: Казанский гос. ун-ет. – 2009. – С. 13-16.
10. *Воронцов В.А.* Антропоморфизм мифологического мировоззрения и его природа // Вестник казанского технического университета. Философия и история науки и техники. – 2010. – № 3. – С. 218-222.
11. *Воронцов В.А.* К истокам казанских легенд. – Казань: Intelpress+, 2010. – 228 с.
12. *Воронцов В.А.* Мировоззрение «золотого века» и его истоки // Философия и общество. – 2010. – №3. – С. 130-148.
13. *Воронцов В.А.* Подлинные истоки волшебной сказки. – Казань: Intelpress+, 2011. – 268 с.
14. *Воронцов В.А.* К вопросу о движущих силах антропо-социокультурогенеза // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 1. – С. 136-140.

15. *Воронцов В.А.* Археология мифа и слова // Вестник казанского государственного университета культуры и искусства. – 2012. – С. 91-95.
16. *Воронцов В.А.* Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогенеза. – Казань: Изд. Инст. ист. АН РТ, 2012. – 415 с.
17. *Воронцов В.А.* Антропо-социо-культурогенез и техника тела // Человек. – 2012. — № 5. – С. 136-141.
18. *Воронцов В.А.* Новое прочтение «Слова о полку Игореве» – Казань: Центр инновац. технологий, 2014. — 308 с.
19. *Воронцов В.А.* Подлинные истоки математики и её роль в антропосоциокультурогенезе. – Казань: Центр инновационных технологий, 2015. – 264 с.
20. *Воронцов В.А.* Истоки протомедицины и её роль в антропосоциокультурогенезе. – Казань: Центр инновац. технологий, 2015. – 252 с.
21. *Воронцов В.А.* Истоки протоархитектуры в свете генерализованной трудовой концепции антропосоциокультурогенеза. — Казань: Центр инновационных технологий, 2016. – 284 с.
22. *Воронцов В.А.* Антропосоциокультурогенез в свете генерализующей теории // Философская антропология. – 2016. – Т. 2. – № 1. – С. 23-41.
23. *Воронцов В.А.* О первой маске и её роли в генезисе древних верований и знаковых систем. — Казань: Центр инновац. технологий, 2017. – 402 с.
24. *Воронцов В.А.* О театре волжских булгар и природе театрального искусства. – 2-е изд, испр. и доп. / В.А. Воронцов. — Казань: Центр инновационных технологий, 2017. – 288 с.
25. *Воронцов В.А.* Истоки географии в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза: науч. изд. / В.А. Воронцов. – Казань: Центр инновац. технологий, 2018. – 288 с.
26. *Воронцов В.А.* Истоки искусства в свете генерализованной трудовой теории антропосоциокультурогенеза. – Казань: Центр инновац. технологий, 2018. – 304 с.
27. *Воронцов В.А.* Природа мифических и сказочных близнецов: научное издание. – Казань: Центр инновац. технологий, 2019. – 227 с.
28. Визуальный показ как исходная форма басни, волшебной сказки и мифа. – Казань: Центр инновац. исследований, 2019. – 227 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Сетующая мать. Реконструкция В.А. Воронцова	66
Рис. 2. Семантика пчелиного танца	70
Рис. 3. Рукотворный универсум (космос, матрица, маска). Реконструкция В.А. Воронцова	70
Рис. 4. Чудесные книги. IX в. Скульпт. фрагмент. Индия. Музей в Гвалиоре	72
Рис. 5. Властелин колец. Реконструкция В.А. Воронцова	86
Рис. 6. Древние божества. Реконструкция В.А. Воронцова	86
Рис. 7. Богиня Лакшми. Бронза. XXI в. Бронза. Индия	86
Рис. 8. Брахма и его супруга Сарасвати. Бронза. Индия	86
Рис. 9. Оборотень смотрит волком. Реконструкция В.А. Воронцова	97
Рис. 10. Суд Осириса. Книга мёртвых. VI в. до н. э. Музей «Эрмитаж», г. С.-Петербург. Россия	101
Рис. 11. Римская богиня Земли Теллус (деталь). 13-9 гг. до н.э. Рим. Музей алтаря Августа	105
Рис. 12. Золотой телец. Минотавр. Реконструкция В.А. Воронцова	110
Рис. 13. Ума палата. Реконструкция В.А. Воронцова	117
Рис. 14. Храм Солнца. Реконструкция В.А. Воронцова	117
Рис. 15. Первый замок – детинец. Реконструкция В.А. Воронцова	117
Рис. 16. Избушка Бабы– Яги. Реконструкция В.А. Воронцова	117
Рис. 17. Геоглиф великана «Керн-Аббаса». Деревня Дорсет. Англия	123
Рис. 18. Геоглиф «Лонгмен» на склоне холма. Гравство Дорсет. Англия	123
Рис. 19. Китовая аллея. Остров Ытыгран. Чукотский полуостров	124
Рис. 20. Аллеи менгиров. Карнак. Франция	124

Рис. 21. Маои. Осиров Пасхи. Область Вальпараисо. Чили...	125
Рис. 22. Изображение на обратной стороне маои «Моаи Хоа-Хака-Нана-Иа». Остров Пасхи. Британский музей. Лондон	125
Рис. 23. Геоглифы на холме Керро-Питандос. Пустыня Атакама. Чили	126
Рис. 24. Скатерть-самобранка. Реконструкция В.А. Воронцова	137
Рис. 25. На ковре-самолёте. Реконструкция В.А. Воронцова	137
Рис. 26. Солнечная колесница. Реконструкция В.А. Воронцова	137
Рис. 27. Мышка на ручке и варежка. Реконструкция В.А. Воронцова	137
Рис. 28. Коза-дереза. В.А. Воронцов	138
Рис. 29. Сказочный змей и его жертва. Реконструкция В.А. Воронцова	138
Рис. 30. Дракон похищает солнце. Реконструкция В.А. Воронцова	138
Рис. 31. Жар-птица. Реконструкция В.А. Воронцова	138
Рис. 32. Птица Рух затмевает солнце. Реконструкция В.А. Воронцова	139
Рис. 33. Золотой телец. Минотавр. Реконструкция В.А. Воронцова	139
Рис. 34. Крокодиловы слёзы. Реконструкция В.А. Воронцова	139
Рис. 35. Единорог. Реконструкция В.А. Воронцова.....	139
Рис. 36. Паук и его паутина или Жук и Дюймовочка. Реконструк. В.А. Воронцова	140
Рис. 37. Воспроизведение сказочных и мифических существ. Шёлк. V-III вв. до н.э. Из раскопок чуских могил. Город Чанша. Провинция Хунань. Китай	140
Рис. 38. Рукотворные чудесные животные. Конец полотенца. Вышивка. Псковская губерния. XIX в. // Богуславская И. Я. Русская народная вышивка. – М., 1972. – С. 10.....	140

Рис. 39. Цветик-семицветик. Реконструкция	
В.А. Воронцова	141
Рис. 40. Мировое древо. Реконструкция В.А. Воронцова	141
Рис. 41. Лотос-мудра (обитель богов).....	141
Рис. 42. Сорока. Реконструкция В.А. Воронцова	150
Рис. 43. Золотая рыбка. Реконструкция В.А. Воронцова.....	152
Рис. 44. Леший и лесные чары. Реконструкция	
В.А. Воронцова	155
Рис. 45. Мировая гора, Святогор и меч-кладенец.	
Реконструкция В.А. Воронцова	158
Рис. 46. Кощей. Реконструкция В.А. Воронцова.....	176
Рис. 47. Кощеево царство. Реконструкция В.А. Воронцова ...	176
Рис. 48. Сказочные царства. Реконструкция	
В.А. Воронцова	177
Рис. 49. Праздник в ауле. Фрагмент картины	
художника А. Зарипова (1980)	186
Рис. 50. Схватка конных отрядов. Реконструкция	
В.А. Воронцова	188
Рис. 51. Статуэтка женщины. Глина. Стоянка Дольни	
Вестоницы. Чехия. Палеолит	207
Рис. 52. Разрисованная галька. Пещера Мас-д'Азиль,	
департамент Арьеж, Франция. Датировка —	
предположительно IX—VIII тыс. до н.э.	211
Рис. 53. Шрамированный мужчина из Чада. Фото.	
Грёнинг архив.....	215
Рис. 54. Фантастический зверь — деталь татуировки.	
IV-III в. до н. э. Прорисовка. Второй Пазырковский курган.	
Из книги С.И. Руденко «Сокровища Пазырковских курганов»....	216
Рис. 55. Группа параллельных линий. Прочерчены	
пальцами на глине. Пещера Альтамира. Испания.....	217
Рис. 56. Реконструкция жестов, связанных со следами жертв	
на стенах и полу пещер, выполненная В.А. Воронцовым	217
Рис. 57. Негативные отпечатки рук с недостающими	
фалангами, воспроизводящие жесты. Пещера Гаргас	
(по Леруа Гурану)	218

Рис. 58. Реконструкция жеста человека и царапин в пещере. Национальный парк «Тассили-н-Аджер», Сахара, Алжир	219
Рис. 59. Реконструкция жестов женщины, оставившей следы на своде пещеры. Национальный парк «Тассили-н-Аджер», Сахара, Алжир	220
Рис. 60. Реконструированный жест упавшего человека в виде рогов оленя. Пещера Труа-Фрер. Департамент Арьеж, Франция	220
Рис. 61. Реконструированный жест. Нац. парк «Тассили-н-Аджер». Сахара. Алжир	220
Рис. 62. Реконструированный жест. Нац. парк «Тассили-н-Аджер». Сахара. Алжир	221
Рис. 63. Реконструкция жестов погибшего человека. Пещера Ла-Мадлен. Департамент Дордань, Франция	221
Рис. 64. Реконструкция жестов погибшего мужчины. ещера Ласко. Департамент Дордань, Франция	223
Рис. 65. Гибель медведя. Пещера Труа-Фрер. Департамент Арьеж, Франция	223
Рис. 66. Скульптура медведя. Пещера de Montespan. Деп. Верхняя Гарона, Франция	224
Рис. 67. Амфора (корчага) с древнейшей русской надписью. X в. Гнёздовский археологический комплекс. Смоленская область. Россия.....	252

**ОТЗЫВ О МОНОГРАФИИ
ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВОРОНЦОВА
«ГЕНЕЗИС ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА
И РАЗЛИЧНЫХ ФЕНОМЕНОВ КУЛЬТУРЫ»**

Исследование В. А. Воронцова посвящено актуальным вопросам антропологии, социологии, культурологии и другим смежным с этими дисциплинами наукам.

Текст рукописи информативен, включает в себя тщательно отобранные сведения из различных областей гуманитарного знания, он очень хорошо структурирован, логически выстроен, написан отличным языком. В нём нет ничего лишнего: всё работает на доказательство обосновываемой автором гипотезы.

Безусловная удача книги – оригинальная концепция, которая позволяет рассматривать культуру как живое системное единство множества разноуровневых процессов, связанных «с производством человека». Эта концепция интересна еще тем, что она сопрягается с современными теориями натальности, которые бурно развиваются последние 5–7 лет в зарубежной культурологии и философской антропологии и позволяют кардинально пересмотреть многие культурологические модели через отказ от классических представлений об антропологии возраста. С антропологией натальности тесно связана переоценка роли женщины (матери) в формировании и передаче культурных кодов. В книге содержится много ссылок на последние разработки и научные открытия в этой области, что придает рукописи еще большую актуальность.

Чрезвычайно интересен изобразительный ряд книги. Гравюры помогают лучше понять причины возвращения современных культурологов к концепции «деятельностного человека» и к холистическому взгляду на культурную динамику. Они связаны с архетипическим символизмом, привлекающим внимание все большего числа специалистов в связи с изучением феномена визуализации.

В рецензируемой книге по-новому переосмысливается картина мира, которую выстраивает человек, символизируя и мифологизируя своё собственное тело, ту его часть (руку), с помощью которой он не только трансформирует всё, с чем имеет дело, но и превращает себя самого в «культурный универсум», в культурный артефакт. В этом плане понятно то значение, которое придается в культуре таким процессам, как социализация, самоидентификация, самоактуализация, коммуникация. По-новому трактуется и феномен «ручного мышления», его культуропорождающая функция.

Данная книга будет полезна для всех, кто интересуется современными проблемами философии, культурологии, истории, культурной, социальной и исторической антропологии. Она заставляет думать, замечать те явления, которые трактовались как второстепенные, но в свете научных открытий последнего времени выступают как чрезвычайно значимые для понимания механизмов антропосоциокультурогенеза.

Я могу с полным правом рекомендовать рукопись книги к публикации.

*Доктор философских наук,
профессор кафедры философской антропологии
философского факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова
Г. М. Пономарева*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ	9
1. Генезис человека и общества	12
2. Истоки языка и их связь с математикой.....	62
3. Истоки медицины.....	90
4. Истоки географии.....	103
5. Истоки архитектуры	112
6. Истоки стихосложения, басни, сказки и мифа.....	128
7. Природа первой маски	170
8. Истоки чудесных видений.....	179
9. Истоки искусства	194
10. Истоки казанских легенд	227
11. «Слово о полку Игореве» в свете историзма	235
СПИСОК РАБОТ АВТОРА, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В КНИГЕ	263
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	265
Отзыв о книге д-ра филос. наук, профессора М.С. Пономарёвой.....	269

Воронцов Владимир Александрович
vorontsov.vladimir2010@yandex.ru

**ГЕНЕЗИС ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА
И РАЗЛИЧНЫХ ФЕНОМЕНОВ КУЛЬТУРЫ**

Дизайн обложки
Е. Ганиева
Компьютерная верстка
В. Калинин

На обложке:
картина голландского живописца
Давида Адольфа Арца (1837–1890) «Первый шаг»

ISBN 978-5-6045989-3-1

Подписано в печать 17.05.2021. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 15,81.
Тираж 500 экз. Заказ 05-21/06-2

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а.
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19.
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru